

ISSN 2079-9160

Российская
ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
◆
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
◆
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1(8)

МОСКВА-КАЗАНЬ 2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихамедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)
Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кароол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 1(8)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2013

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajtaxmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik), E.A.
Grunina (Moscow), S.G. Klyashtorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), Zh.S. Syzdykova (Moscow), E.A. Oganova (Moscow),
N.N. Telitsyn (St. Petersburg), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevsk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 1(8)

MOSCOW-KAZAN 2013

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.512.15; 81'362; 81'367.7

**АКТАНТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ***И.А. Невская (г. Новосибирск), О.В. Дубровская (г. Междуреченск)*

Резюме. В статье рассматриваются конструкции с достаточно редким типом актантов – актантами со значением времени, на материале южносибирских тюркских языков, где такие актанты еще не выделялись. По своей семантике все выделенные нами временные актанты относятся к темпоративам, или показателям времени (*t*), которые определяется нами как отдельные синтаксемы, соотносящие некоторую ситуацию (*s*) с точкой на временной оси. Описываются структурные и семантические типы таких синтаксем, а также синтаксические конструкции, в составе которых они функционируют.

Ключевые слова: синтаксис тюркских языков, темпоральные конструкции, структурно-семантические типы темпоральных актантов

Введение

В данной статье на материале южносибирских тюркских языков рассматривается достаточно редкий тип актантов – актанты со значением времени, которые впервые были выделены для шорского языка О.В. Дубровской [Дубровская 2012a]. Из-за их редкости эти актанты еще не выделялись в сибирских тюркских языках, хотя актантные структуры предикатов в этих языках рассматривались под различными углами зрения, а именно с точки зрения конструкций элементарных простых предложений, формируемых такими предикатами [Черемисина, Озонова 2005], моделей управления отдельных семантических групп глаголов [Чертыкова 2005; Чугунекова 2004 и т.д.] и функций отдельных падежных форм имени [Невская 2005; Хертек 2008]. Редкая встречаемость временных актантов в текстах, а также незначительный объем последних, отсутствие или недоступность для авторов электронных корпусов южносибирских тюркских языков предопределили тот основной материал, на котором основывается данное исследование, а именно: экспериментальные данные, полученные у информантов на основе составленной нами анкеты. Исследование строится в основном на шорском материале, который будет, хотя и недостаточно последовательно, сопоставляться с данными хакасского, алтайского и тувинского языков.¹ Ограниченный объем материала по этим языкам, в котором не удалось за-

¹ Авторы благодарят коллег-тюркологов Л.Н. Тыбыкову, М.Д. Чертыкову, Н.Ч. Серээдэр за помощь в сборке и оценке материала по алтайскому, хакасскому и тувинскому языкам.

фиксировать некоторые типы конструкций, определил только предварительные результаты межъязыкового сопоставления.

По своей семантике все выделенные нами временные актанты относятся к темпоративам в том смысле, в котором темпоратив понимается в Падучева [1988] и, применительно к материалу южносибирских тюркских языков, в Дубровская [2012]. Темпоратив, или показатель времени (t), определяется ими как отдельная синтаксема, соотносящая некоторую ситуацию (s) с точкой на временной оси. Среди семантических типов темпоративов возможно выделить а) собственно темпоральные (временные локализаторы и таймеры) и б) темпорально-квантитативные (темпоративы со значением однократности или многократности). Темпоративы могут быть выражением абсолютных временных координат (год, время года, число, час, дата и т.п.), или же они соотносят ситуацию с относительными временными координатами (время другого действия, анафорические элементы, которые ссылаются на ранее установленные координаты и т.п.).

Мы будем описывать временные актанты в рамках темпоральных конструкций, в которых они встречаются. Под темпоральной конструкцией (ТК) мы понимаем такое синтаксическое построение, в котором присутствует темпоратив. ТК классифицируются по различным параметрам. В зависимости от структурной сложности темпоратива различаются ТК с предикативным и непредикативным темпоративом (вплоть до темпоратива, выраженного отдельной предикативной единицей в составе сложного предложения); различаются ТК и по семантике в зависимости от семантического типа темпоратива. ТК с темпоральным актантом и ТК с темпоральным сирконстантом различаются в зависимости от того, является ли темпоратив обязательным или факультативным распространителем предиката ТК. В данной статье мы рассматриваем только ТК с непредикативными временными актантами.

Темпоральные актанты относятся к обязательным участниками ситуации, называемой глаголом. Их невозможно элиминировать из конструкции: либо оставшаяся часть будет неграмматичной, либо она будет выражать иную ситуацию. В соответствии с номенклатурой семантических ролей, предложенной Ю.Д. Апресяном [Апресян 2010: 371], такие актанты обозначают *время*, *дату*, *момент* и *срок*. С нашей семантической классификацией темпоративов они соотносятся следующим образом: дата и момент являются темпоральными локализаторами, а время и срок – таймерами (см. подробнее ниже).

В дополнение к этой классификации темпоральных актантов мы применяем еще один критерий, выделяя: 1) ТК с сильно управляемыми актантами и 2) ТК со слабо управляемыми актантами. Темпоративы в темпоральных конструкциях с сильно управляемыми актантами имеют форму конкретного падежа, которую требует валентность глагола. Темпоративы в темпоральных конструкциях со слабо управляемыми актантами имеют форму, которая соответствует конкретной семантике актанта, предопределяемой семантической валентностью вершинного глагола, конкретный падеж актанта тут не обязателен. Это, в основном, предложения с бытийными предикатами, в которых область бытования объекта ограничивается по временному параметру актантом – временным локализатором.

2. ТК с сильно управляемыми актантами

2.1. ТК с сильно управляемым актантом – «дата»

Актант-дата является темпоральным локализатором. В такой ТК в качестве темпоратива выступает имя со значением времени, то есть это темпоративы с

абсолютной временной соотнесенностью. В зависимости от модели управления вершинного предиката конструкции в конкретном тюркском языке темпоративы стоят в одном из локальных падежей (локативе или дативе/директиве).

2.1.1. ТК с вершинным глаголом «встречаться»

Шор.: *Ол делегацияны аэропортта нис ийги часта тогажарбыс.* Хак.: *Пис ікі часта аэропортта делегация удурлапчабыс.* Алт.: *Бис эки часта аэропортто делегация уткырыс.* Тув.: *Бис ийи шакта делегацияны аэропортка уткуур бис.* – ‘Мы в два часа встречаем делегацию в аэропорту’.

Во всех сопоставляемых языках в этой конструкции употребляется темпоральный актант в форме местно-временного падежа (локатива) = темпоральный локализатор с абсолютной временной референцией. Локативный падеж в пространственных конструкциях также служит для статической локализации объекта.

2.1.2. ТК с вершинным глаголом «назначить»

Шор.: *Ўргедигчи семинар ийги часқа турғус салған.* Хак.: *Ўгретчи семинарды ікі часха турғыс салған.* Алт.: *Ўредүчи семинар эки часка тургусты.* Тув.: *Башкы семинарны ийи шакта кылып алган* (досл.: Учитель семинар в два часа сделал) – ‘Преподаватель назначил семинар на два часа’.

Как видим, все рассматриваемые тюркские языки имеют ТК, аналогичную с русской, используя актант, оформленный, как и в русском языке, как направление движения в пространстве или пункт адлокации: *сесть, прислониться, поставить – куда?* [Невская 2005]. Данный актант можно назвать «пунктом временной адлокации». Тувинский язык использует похожую конструкцию с глаголом *делать* в значении «назначить» и с актантом – временным локализатором.

2.1.3. ТК с вершинным глаголом «перенести»

Шор.: *Чылыгыбысты писке пежинчи числога көжерже келишкен.* Хак.: *Писке чылыгыны нис числога чылдырарга киліскен.* Алт.: *Биске јуунды (заседаниени) беш числого көчирерге келишти.* Тув.: *Бис хуралды бештиң хүнүнче чылдырып алдывыс.* – ‘Нам пришлось перенести заседание на пятое число’.

Все сопоставляемые языки имеют данную ТК. В шорском и алтайском используется лексема *көжерже- / көчир-* ‘заставить переключаться, переместить’, формы каузативного залога лексемы *көш-* / *көч-* ‘переключаться, передвинуться’. В хакасском и тувинском языках используется глагол *чылдыр-* ‘заставить передвинуться, переместить’, также форма каузативного залога лексемы *чыл-* ‘переключаться, передвинуться’. Тем самым, как думается, тут имеет место заимствование семантической структуры русского глагола *перенести*, который также является в своем основном значении пространственным (глагол перемещения), хотя он и развил метафорическое значение перемещения некоторого события во времени, на структуры значений тюркских глаголов близкой ему семантики. Подобный тип заимствования мы видим и в ряде других глаголов с темпоральным актантом в тюркских языках.

Во всех языках кроме тувинского темпоральный актант имеет форму дательного падежа, маркирующего также направление движения, пункт адлокации в пространственных конструкциях и пункт временной адлокации. В тувинском языке этот актант имеет форму направительного падежа, который используется и в пространственных конструкциях.

2.2. ТК с сильно управляемым актантом –«время»

Все эти актанты являются таймерами в нашей терминологии, они обозначают длительность временного периода действия, его начальную или конечную

границы. В конкретных ситуациях бывает достаточно указать только длительность или только одну из границ временного интервала, тем самым такие ТК можно сопоставить с пространственными конструкциями оценки расстояния между двумя объектами [Невская 2005]. Таймеры так же, как и актанты предыдущего типа, в основном выражаются именами со значением времени или именами событий с уникальной временной локализацией, например, *война* в значении «Великая отечественная война 1941–1945 годов». Соответственно, они выражают абсолютную временную локализацию события.

В соответствующих русских темпоральных конструкциях таймеры являются актантами, если они сочетаются с глаголами делимитативного (ограничительного) – примеры (4–5), пердуративного (длительно-ограничительного) – примеры (1–3), финитного – примеры (6–8) и завершительного способов действия – примеры (9–10) [Апресян, 2010: 366]. Однако темпоральные актанты в сопоставляемых нами тюркских языках не всегда соответствуют русским темпоральным актантам.

2.2.1. ТК с глаголами пердуративного (длительно-ограничительного) способа действия

1) Шор.: *Семьябысна пис аалда пир ай полдыбыс*. Хак.: *Пис семьядаң аалда пир ай полгабыс*. Алт.: *Бис билебисле деремнеде бир ай өткүрдис*. Тув.: *Бис өг-бүлевис-биле суурга бир ай болган бис*. – ‘Мы с семьёй провели месяц в деревне’.

2) Шор.: *Айбын шир-ге төөнче иштедим*. Хак.: *Мин орай шир-ге теере тогынгам*. Алт.: *Мен орой энгир-ге жетире иштедим*. Тув.: *Орай кежээ-ге чедир мен ажылдадым*. – ‘Я проработал до позднего вечера’.

3) Шор.: *Ол тың тур-парып, ийги час узуды*. Хак.: *Ол най майых парып, iki час узаан*. Алт.: *Арганынанг улам ол эки саат уйуктады*. Тув.: *Ол шалаанындан ийи шак удаан*. – ‘Он так устал, что проспал два часа’.

Такие темпоральные актанты выражают значение либо длительности временного периода действия (1), (3), либо конечную границу этого периода (2). Русским глаголам пердуративного способа действия – *провести, проработать, проспать* – в наших примерах соответствуют глаголы с намного более широким акциональным содержанием: *пол- / бол-* ‘быть, пробыть, находиться, становиться’ вместо *провести, иште-, тогын-, ажылда-* ‘работать’ вместо *проработать, узу-, уйукта-, уду-* ‘спать’ вместо *проспать*. Только в алтайском языке наша анкета выявила глагол *өткүр-*, который по своей семантике и акциональным характеристикам соответствует русскому глаголу *проводить*. Однако в передаче пердуративного способа глагольного действия в русском языке участвуют не только сами глаголы, но и вся конструкция в целом (глагол *проспать* в другом контексте может означать ‘спать дольше, чем планировалось и пропустить что-то намеченное’: *я проспал урок*). Мы считаем, что в данных конструкциях в сочетании с актантом длительности временного периода или его конечной границы и тюркские глаголы изначально широкой семантики модифицируются в акциональном плане и реализуют заложенную в них потенцию выразить пердуративное значение, которое является для них тут конструктивно и контекстно обусловленным: Шор.: *ийги час узуды* ‘я спал 2 часа = я проспал 2 часа’. Темпоральный актант длительности временного периода выражается в данных ТК номинативным падежом, см. примеры (1) и (3), а актант конечной границы временного интервала – именной группой N-Dat + *төөнче / теере / жетире / чедир* – послелог со значением ‘до’.

2.2.2. ТК с глаголами делимитативного (ограничительного) способа действия

4) Шор.: *Номны чарым час шен қыырыб-алып, анаң узурга пардыбыс.* Хак.: *Піс чарым часча книга хыгырып алып, узирга чатхабыс.* Алт.: *Бис жарым саат бичик кычырала оноң уйуктап бардыс.* Тув.: *Чартык шак ишти ном номчаан бис, оон удуп чыдып алган бис.* – ‘Мы почитали книжку с полчаса, а потом пошли спать’.

5) Шор.: *Таңда иштер алында (узур алында) ийги час узуб-алайын (иштеб-алайын).* Хак.: *Таңда тогынар алнында (узир алнында) мин ікі час узуп алам (тогынып алам).* Алт.: *Эртен иштең озо мен эки саат уйуктап ийерим.* Тув.: *Дарта ажыл мурнунда мен ийи шак удуур мен.* – ‘Завтра перед работой (сном) я посплю (поработаю) два часа’.

В данных ТК русским глаголам ограничительного способа действия, образованных с помощью приставки *по-*, соответствуют шорские и хакасские глаголы *қыырыб-ал-*, *хыгырып ал-* ‘почитать’, шор. – *узуб-ал-*, хак. *узуп ал-*, алт. *уйуктап ий-* ‘поспать’, шор. *иштеб-ал-*, *тогынып ал-* ‘поработать’. Все они образованы от мотивирующих глагольных основ с помощью аналитических показателей способов глагольного действия, состоящих из деепричастия на *-п* лексической глагольной основы и вспомогательного глагола *ал-* (шорский, хакасский) или *ий-* (алтайский). В тувинском (4) и (5) и в алтайском языках(4) делимитативное значение в приведенных ТК является конструктивно и контекстно обусловленным. Актант длительности временного интервала выражается номинативным падежом. Значение приблизительности «с полчаса, примерно полчаса» передается в шорском послелогом *-шен*, а в хакасском послелогом-аффиксом *-ча*. Оттенок приблизительности не влияет на функциональный тип актанта.

2.2.3. ТК с глаголами финитного способа действия

6) Шор.: *Аққам шағ тооза шаглап чөрди.* Хак.: *Минің ағам чааны тооза ирткен.* Алт.: *Мениң карган адам бастыра жууны жуулажып өткөн.* Тув.: *Мээң кырган-ачам дайын үезинде дайылдажып турган.* – ‘Мой дед отвоевал всю войну’.

7) Шор.: *Ийги күн ол иштеб-салды.* Хак.: *Ол ікі күн тогын салды.* Алт.: *Ол эки күнди иштеп салган.* Тув.: *Ол ийи хонук ажылдаан.* – ‘Он уже отработал два дня’.

Шор.: *Ол (по) кижси, оорлап чөрип, ийги чыл түрбеде одурды.* Хак.: *Пу кізі огыр үчүн ікі чыл одырган.* Алт.: *Бу кижси уурданган учун эки жылды отурып салган.* Тув.: *Ол ийи чыл олурган.* – ‘Этот человек отсидел два года за грабёж’.

8) Шор.: *Арғыжым пир чыл армияда служить эткен.* Хак.: *Минің арғызым пір чыл армияда полган.* Алт.: *Мениң нөкөрим бир жыл черүде туруп келген.* Тув.: *Мээң эжим шеригге бир чыл хүлээлгезин эрттирген.* – ‘Мой друг отслужил год в армии’.

И в этих ТК присутствует локализатор длительности временного интервала. Он выражен номинативным падежом или аккузативом, он может дополнительно уточняться с помощью местоимения *тооза* ‘полностью’. Финитивный способ глагольного действия выражается либо только конструктивно/контекстно, либо дополнительно с помощью аналитических показателей финитивного способа действия с участием различных вспомогательных глаголов: хак. *тогын*

сал- ‘отработать’, алт. *жуулажып 6т-* ‘отвоевать’, алт. *отурып сал-* ‘отсидеть’, шор. *иштеб-сал-* ‘отработать’.

2.2.4. ТК с глаголами завершительного способа действия

9) Шор.: *Пайрамнарга т66нче ниске ийги недле иштерге қалды. Хак.: Ұлуқунге теере ниске ам даа икi неделя тоғынарға кирек. Алт.: Биске байрамдарга јетире эки неделе иштеерге арткан. Тув.: Бис байырлалдар хуннеринге чедир ийи неделя ажылдаар бис.* – ‘Нам осталось доработать две недели до праздников’.

10) Шор.: *Пеш минут узурга қалды. Хак.: Ам даа ниске минута халды узурга. Алт.: Уйкунаг турарга беш минут артты. Тув.: Беш минут чедир удуур мен.* – ‘Осталось доспать пять минут’.

Во всех этих контекстах темпоральный актант со значением длительности временного интервала выступает в форме номинатива и выполняет функцию грамматического субъекта ТК. В (9) временной период выражен как его длительностью, так и его правой границей (если представить себе время как прямую линию, которая идет из прошлого, находящегося слева, в будущее, которое находится справа). Левая граница не выражена, но она подразумевается и совпадает с моментом говорения. Финитивный способ глагольного действия выражается конструктивно. Тувинский пример показывает иную конструкцию с делимитативным актантом: букв. ‘я посплю 5 минут’.

2.3. ТК с сильно управляемым актантом – «срок»

Такие таймеры выражают длительность действия, представленного предикатом ТК. Длительность может тут, как и в секции 2.2, быть выражена или конечной, или начальной границей временного интервала.

1) Шор.: *По квартираны нис пир чылга арендовать эттибис. Хак.: Пис пир чылга чурт суургабыс. Алт.: Бис бир јылга тура (квартира) арендага алдыс. Тув.: Бис бир чыл иштинде бажыңны арендапа алган бис.* – ‘Мы арендовали квартиру на год’.

2) Шор.: *Ага визаны пир айга узаттылар. Хак.: Агаа визазын јс айга узарат пиргеннер. Алт.: Ого визаны бир айга узадып берди. Тув.: Ооң визазын бир ай узады берген.* – ‘Ему продлили визу на месяц’.

3) Шор.: *Пистиң қоштагы кижилер пир қышқыга одуң пелнеб-алдылар. Хак.: Пистің хоняхтар хысхызына одың билетеп салганнар. Алт.: Бистин айылдаштарыс кышка одын билетеп алды. Тув.: Бистиң кожаларывыс кышка ыяшты билеткеп алган.* – ‘Наши соседи заготовили (запасли) дрова на зиму’.

4) Шор.: *Пистиң пийлер силерди Москвага пир недлеге командировать эттилер. Хак.: Пастых сiрернi пiр неделяга Москвазар ысча. Алт.: Башкарту слерди недлеге Москва јаар командировать эдерге ијјiшкен. Тув.: Удуртулга чери силерни неделя иштинде Москваже командировкаладып чорудар кылдыр ишитпирлэн.* – ‘Руководство решило командировать вас на неделю в Москву’.

5) Шор.: *Одус ји иштиг кјнге мага отпуск перерин сурапчам. Хак.: Магаа 36 кјнге тынаг пирiңер (пирерге сурынчам). Алт.: Меге 36 иштеер кјндерге амыралта берзин деп сурайдым. Тув.: Меңээ 36 хонуктуң шөлээзинден бээрiңерни диледим.* – ‘Прошу предоставить мне отпуск на 36 рабочих дней’.

6) Шор.: *Пеш минут шен тынанм-аларга керек теп, сананчам. Хак.: Пис минута тынанып алдарга сагынчам. Алт.: Мен сананзам беш минутка тыштананып ийер керек. Тув.: Беш минут иштинде часпардан кылыры албан деп бодап тур мен.* – ‘Я думаю, что необходимо устроить перерыв на пять минут’.

В контекстах (1)-(5) актанта срока выражается дательным падежом во всех сопоставляемых языках, за исключением тувинского, где используется номинатив или именная группа со служебным именем *иитинде*. В примере (6) все языки используют иную конструкцию по сравнению с русским языком, давая актанта длительности временного интервала при вершинном глаголе *отдохнуть* (в течение какого времени?). Таким образом, временной актанта срока используется при вершинных глаголах *арендовать* (на какой срок?), *продлить* (на какой срок?), *заготовить* (на какой срок?), *командировать* (на какой срок?), *предоставить отпуск* (на какой срок?).

2.4. ТК с сильно управляемым актантом – «момент»

7) Шор.: *По қалық-чон движениези ийги чўс чыл алында тўзелди (нажалды)*. Хак.: *Пу чон чўрими ікі чўс чыл мының алнында насталган*. Алт.: *Бу тондык кыймыгу эки чак кайра тўзўлгўн (баиталган)*. Тув.: *Ол хўй-ниитиниң шимчэ-шикини ийи чўс чыл бурунгаар тывылган*. – ‘Это общественное движение возникло (началось) два века назад’.

8) Шор.: *Ол кижи марттың сегизинчи кўнўнде туг келерге тапты*. Хак.: *Ол сигис мартта тўреен*. Алт.: *Ол тулаан айдын 8-чи кўнинде чыгарга эбин таап алган*. Тув.: *Ол март сесте тўрүттүнер ужурга таварышкан*. – ‘Он умудрился родиться 8 марта’.

9) Шор.: *По аттыг-шаптыг актёр кижичике он-ийги часта ол-партыр*. Хак.: *Ол саблыг актер он ікі часта ўреен*. Алт.: *Бу жарлу актер шак ла он эки часта божогон*. Тув.: *Ол билдингир актер он ийи шакта чок апарган*. – ‘Этот известный актёр умер ровно в двенадцать часов’.

Актанту–моменту соответствует темпоральный локализатор абсолютного времени. Он выражается во всех сопоставляемых языках стандартным для темпоральных локализаторов способом – местно-временным падежом имени-номинализатора (*час, день* и т. п.) с атрибутами–числительными. Его требуют глаголы с семантикой *родиться, возникнуть, умереть*, т.е. глаголы экзистенциальной семантики, осложненной дополнительными семантическими признаками возникновения (маркирована начальная граница существования) некоего предмета или ситуации: шор. *пол пар-* ‘появиться, возникнуть’, *пожала пер-* ‘начаться’, *тууг-* ‘рождаться’, *иител-* ‘создаваться’ или их исчезновения (маркирована конечная граница): шор. *чит-* ‘исчезать, пропадать’, *тоозыл-* ‘кончаться, истощаться’, *ол-* ‘умирать’, *тўген пар-* ‘кончаться’.

3. ТК со слабо управляемыми актантами

Слабо управляемые темпоральные актанта имеют форму, которая соответствует семантике актанта, предопределяемой семантической валентностью вершинного глагола: *когда?, как долго?* и т. п. Конкретный падеж актанта тут не обязателен. Например, слабо управляемый актанта со значением временной локализации может быть выражен и именем в локативном падеже, и наречием, и даже темпоральной полипредикативной конструкцией (ТППК). А слабо управляемый актанта – таймер может быть представлен и формой длительности временного интервала, и формами, выражающими его границы, включая ТППК.

Слабо управляемые темпоральные актанта мы встречаем в целом ряде конструкций, которые относятся к типу «бытийных». Они формируются на базе бытийного предиката (в шорском языке это глагол *пол-* ‘быть, являться, находиться’) в качестве связки и его аналогов–глаголов, которые также можно отнести к бытийным, поскольку они выражают в той или иной степени идею бытия, существования некоторого объекта, привнося при этом какие-то семантические добавки (положение в пространстве бытующего объекта, его обнаружение и

т. п.): *көрүн-* ‘казаться’, *уғыл-* ‘слышаться’, *қал-* ‘оставаться’, *өс-* ‘расти’ и т. п., а также ряда именных предикатов.

Глаголы с бытийным компонентом в своей семантике употребляются как связочные или служебные в языках разных систем, что подтверждает их особый статус в языке. В большинстве своем – это статические локативные предикаты, содержащие обязательную позицию для локализатора. Это на современном этапе развития языка непрямые (а также некоторые отыменные) интранзитивные глаголы, либо глаголы, произведенные от транзитивных путем детранзитивации при помощи пассивных или возвратных залоговых аффиксов.

Исследуя бытийные предложения в русском языке, Н. Д. Арутюнова выделяла в их семантической структуре 3 компонента: бытующий объект, локализатор или область бытия и показатель бытия – бытийный предикат [Арутюнова 1976: 212]. Она отмечала, что при помощи локализатора «область бытия может быть зафиксирована по пространственному или временному параметрам». Хотя «преобладающим для классических бытийных предложений следует считать пространственное представление о мире» [Арутюнова 1976: 212], для нас особый интерес в данном случае представляет именно временное понимание области бытия. Бытийные предложения в шорском языке описывались В.М. Теляковой [Телякова 1993], они же в аспекте пространственной локализации бытийной ситуации рассматривались И.А. Невской [Невская 2005].

В центре бытийной конструкции стоит предикат, выражающий статические (местонахождение, т. е. – локацию в узком смысле этого термина) или динамические пространственно-временные отношения. Бытийные предикаты представлены, в первую очередь, глаголами определенных лексикосемантических групп, выделенных для шорского в монографии И.А. Невской [Невская 2005]. В зависимости от акционального класса ситуации, которую они выражают в том или ином контексте, они достаточно свободно сочетаются с различными типами временных актантов тех семантических типов, которые данный акциональный класс допускает.

Бытийные предикаты представлены:

- глаголами собственно экзистенциональной семантики (*пол-* ‘быть’, *чат-* ‘жить’, *чурта-* ‘жить’). Глагол *пол-* среди них занимает особое место. В силу абстрактности своей семантики он выступает в ТК в качестве связки, опускаемой, как правило, в настоящем времени: шор. *Алында Себирге-де қам полтур.* ‘В Сибирге прежде шаман был.’;

- именными предикатами *нар* ‘есть’, *чоқ* ‘нет’, *көп* ‘много’, *ас* ‘мало’: шор. *Пуұл қысқызын тайгада тиің көп полар полза, аңчылар тиіңни көп адарлар.* ‘Если нынче зимой в тайге будет много белок, охотники много настреляют’;

- глаголами пространственной локализации без конкретизации положения предмета в пространстве: *қал-* ‘оставаться’, *өс-* ‘расти’: шор. *Аймақчы кижі нисте үйрге қалды* ‘Гость у нас надолго остался’;

- глаголами, описывающими положение предмета в пространстве: *тур-* ‘стоять’, *одур-* ‘сидеть’, *чат-* ‘лежать’, *ас-* ‘висеть’, *сорай-* ‘торчать’, *чайыл-* ‘расстилаться, распространяться’ и др.: шор. *Ам аққам тақтада чадып узупча* ‘Сейчас дедушка на кровати спит’;

- глаголами, содержащими семантический признак «обнаружить свое местонахождение своим внешним видом или характерными звуками»: *көрін-* ‘виднеться’, *чаккийле-* ‘цвести’, *чылтыра-* ‘блестеть’, *шоола-* ‘журчать’, *ыгыра-* ‘скрипеть’, *қагыжыра-* ‘шуршать’, *аақта-* ‘громко кричать’, *көгле-* ‘щебетать’, *киште-* ‘ржать’, *өңнен-* ‘цвести’ и др.;

- глаголами, осложненными дополнительными семантическими признаками цели пребывания: *қышта-* ‘зимовать’, *аала-* ‘гостить’, *қон-* ‘ночевать’, *уя сал-* ‘гнездиться’: шор. *По қуштар часқыда ағаш пажында уя салча* ‘Эти птицы летом на вершине дерева гнездятся’;

- глаголами фиксированного несвободного движения: *шайбын-* ‘болтаться, полоскаться’, *чайқал-* ‘качаться’, *эбирил-* ‘кружиться’, *шайқы-* ‘плескаться’: шор. *Салғынга пұн ағаштар ағаш аразында чайқылча* ‘От ветра сегодня деревья в лесу качаются’;

- глаголами неориентированного поступательного или ненаправленного хаотичного движения: *талас-* ‘идти и идти (прямо)’, *арла-* ‘смешаться с (толпой, например), двигаться между’, *аас-* ‘блуждать’, *учузуш-* ‘перелетать с места на место’, *теен-* ‘скитаться’, а также глаголами неопределенного направления в ЛСВ неориентированного движения: шор. *Ол үүрдең рақ черде теенип чөрча* ‘Он с давних пор в далекой земле скитается’.

Как видим, такие актанты принадлежат к семантическим типам «временной локализатор» или «таймер», в зависимости от акционального класса бытийного предиката. (О соотношении семантических типов темпоративов с предикатами различных акциональных классов см.: [Дубровская 2013]).

4. Заключение

Темпоральные актанты в тюркских языках, как и в русском, занимают определенное место среди прочих формально-семантических типов актантов. На наш взгляд, как для тюркских языков, так и для русского языка, есть основания различать сильно и слабо управляемые темпоральные актанты.

Бросается в глаза также тот факт, что в конструкциях с сильно управляемыми актантами тюркские языки Сибири во многом копируют модели глагольного управления, которые мы находим в русском языке. В частности это относится к реалиям, связанным с администрированием (*командировать*, *назначить*, *перенести (заседание)* и т. п.). Нередко русские модели управления приходят в эти языки вместе с заимствованной административной лексикой: шор. *армияда служить эт-*, хак. *армияда пол-* ‘служить в армии’, шор. *арендовать эт-*, алт. *арендага ал-*, тув. *арендалап ал-* ‘арендовать’, шор., алт. *командировать эт-*, тув. *командировкаладып чорут-* ‘командировать’. В других случаях исконно тюркские лексемы развили дополнительные лексико-семантические варианты, во многом также копирующие соответствующие русские глаголы с их системами значений и моделями управления, ср.: шор. *турғус-* в значении ‘назначить’; основное значение этого глагола ‘поставить’ является пространственным, как и у русского глагола ‘поставить’, способного выступать в лексико-семантическом варианте ‘назначить’: *Его поставили тут начальником*.

Далеко не всегда в сопоставляемых тюркских языках мы находим лексические соответствия тем русским акционсартам, которые требуют определенного темпорального актанта (например, см. 2.2). Однако, эти значения выражаются всей конструкцией в определенных контекстах, что в равной степени относится к русскому и тюркским языкам, поэтому все же есть смысл выделять такие конструкции и для тюркских языков Сибири.

Как и в пространственных конструкциях, локальные падежи используются в темпоральных конструкциях для статической локализации ситуации во времени (время как точка – момент, «остановившееся» мгновение) или ее динамической локализации (время как линия, тянущаяся из прошлого в будущее) в зависимости от семантического типа вершинного предиката. Метафорический перенос

пространственных отношений на временные – это универсальная черта всех языковых средств выражения пространственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. / Под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 408 с.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы: Моногр. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Дубровская О.В. Семантические типы темпоральных конструкций с непредикативным темпоративом в шорском языке // Сибирский филологический журнал. Вып. 4. – Новосибирск, 2012. – С. 145–152.

Дубровская О. В. Темпоральные конструкции в шорском языке (в сопоставлении с южносибирскими тюркскими языками / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. –Новосибирск, 2012а.

Невская И.А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Моногр. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. – 303 с.

Падучева Е.В. К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: система и функционирование. Сб. науч. трудов. – М.: Наука, 1988. – С. 190–201.

Телякова В.М. Бытийный тип предложений в шорском языке // Известия СО РАН. История, филология, философия. Вып. 2. –Новосибирск, 1993. – С. 24–31.

Хертек А.Б. Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск 2008. –24 с.

Черемисина М.И., Озонова А.Н. Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение: Моногр. – Новосибирск, 2005.

Чертыкова, М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект): Моногр. – Абакан, 2005.

Чугунецова А.Н. Структурно-семантические модели элементарных простых предложений движения // Ежегодник ИСАТ. Вып. VIII. – Абакан, 2004. – С. 51–57.

Irina A. Nevskaya, Ol'ga V. Dubrovskaya. Actants with temporal semantics in Turkic languages of South Siberia

Summary. The paper describes syntactic constructions with a rare type of actants – actants with temporal semantics. The description is based on the material of Turkic languages of South Siberia. In these languages, this type of actants has not yet been described. Such actants have temporal semantics; they locate a situation on the time scale. We describe their structural and semantic types as well as temporal constructions where they function.

Keywords: syntax of Turkic languages, temporal constructions, structural and semantic types of temporal actants

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПРИЧАСТИЕ»
В СВЕТЕ ДАННЫХ АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ***Н.А. Матушкина (г. Санкт-Петербург)*

Резюме. В статье представлен опыт рассмотрения глагольно-именных форм с адъективным значением на материале трех языков агглютинативного типа: халха-монгольского, эвенкийского и якутского языков. Предпринята попытка уточнения данного понятия на основе учета особенностей, характерных для категории номинализации действия в агглютинативных языках.

Ключевые слова: агглютинативные языки, категория номинализации действия, причастие, вторичная репрезентация, якутский язык, монгольский язык, эвенкийский язык

На протяжении всего периода изучения тюркских языков языковеды традиционно уделяли большое внимание именным формам глагола, и в частности, причастиям. Справедливо это и в отношении многих других языков, принадлежащих к разным языковым семьям и морфологическим типам. Обращает на себя внимание тот факт, что в языковедческой традиции не удается обнаружить достаточно точного и универсального определения причастия, удовлетворительного по своей полноте. Зачастую лингвисты пользуются тем терминологическим аппаратом, который сформировался в процессе описания их родного языка и закрепился в данной лингвистической традиции, и прилагают его к явлениям языка, относящегося к совершенно иному структурному типу.

Подобный перенос понятий и терминов можно встретить и в отечественном языкознании, и в частности, в востоковедении. Так, практика применения определения, сформулированного на основе флективных (русского или других индоевропейских) языков, затрудняет осмысление причастных форм в агглютинативных языках. При обращении к конкретному материалу тюркских, монгольских, тунгусо-манчжурских или других агглютинативных языков суффиксального типа становится очевидным, что понятие «причастие» определено не достаточно четко для того, чтобы с его помощью можно было описать все многообразие адъективных глагольных форм в этих языках.

В качестве традиционного для отечественного языкознания толкования понятия «причастие» можно рассматривать определение, данное О.С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов»: «Причастие – именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действие (состояние, процесс), приписываемое лицу или предмету как их признак (свойство), проявляющийся во времени» [Ахманова 1966: 363] Заслуживает внимания также определение, данное автором словаря понятию «именная форма глагола»: «форма глагола, в которой процесс (действие, состояние), оставаясь по существу процессом, частично представляется как признак (причастие) или частично опредмечивается (герундий, инфинитив)» [Ахманова 1966: 172]. При этом автор, как и многие другие исследователи, приравнивает именные формы глагола к неличным формам, поразумевая таким об-

разом, что личными могут быть только финитные (предикативные) формы глагола [Ахманова 1966: 221].

Уже это определение демонстрирует свою недостаточность, поскольку, как известно, некоторые формы глаголов, называемые причастными, в агглютинативных языках способны представлять действие не только в виде признака, но и в виде предмета.

Так, например, одна из форм эвенкийского языка – так называемое причастие на *-ри*, выступает в основном именно в этой функции:

(1) *Би энин-м унта-л-ав одя-ри-ва-н ичэт-чэ-м*

1SG мать-POSS.1SG унта-PL-ACC делать-PI-ACC-POSS.3SG смотреть-
PST-1SG

‘Я смотрю, как моя мать делает мне унты’ [Константинова 1953: 130].

Приведенный пример показывает также, что словоформы, образованные так называемыми причастиями, могут принимать показатели категории принадлежности, передающие информацию о лице, а значит, являются по существу личными. Это характерно не только для эвенкийского языка, но и для других агглютинативных языков.

Временной аспект значения причастных форм более детально разработан в монографии И.А. Мельчука: исследователь включает причастия и деепричастия в состав категории относительного времени, эти формы, с его точки зрения, выражают отношения между фактом, описываемым причастием и деепричастием, и фактом, представленным вершинным глаголом. При этом относительное время может быть представлено всего в трех вариантах: одновременность, предшествование, следование [Мельчук 1998: 68-69]. Данный подход нашел свое отражение в большом количестве как общих работ по морфологии, так и исследований конкретных языков. Представляется, однако, что столь многочисленная категория номинализации действия, характерная для большинства агглютинативных языков, дает основания полагать, что значения причастных форм едва ли исчерпываются их временным аспектом.

Рассматривая такое понятие, как причастие, нельзя не обратиться к работам В.В. Виноградова, заложившего основы многих представлений современного русского языкознания. В.В. Виноградов охарактеризовал причастия как некоторые глагольные формы, занимающие промежуточное положение между классами имен прилагательных и глаголов, «внедряющиеся в класс имен прилагательных», при этом автор замечает, что причастие «не оторвалось от системы форм глагола». Интерес представляет также его трактовка значения причастных форм: «Это причастия, в которых глагольность выражается как окачественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного. Естественно, что в причастии, которое не оторвалось от системы форм глагола, сохраняются основные семантические признаки глагольности, т.е. вид и залог. ... в разных типах современных причастий ... выражены значения настоящего и прошедшего времени» [Виноградов 2001: 228].

Учитывая тот факт, что наличие развитой системы глагольных имен является одной из отличительных характеристик морфологической подсистемы агглютинативных языков, неразрывно связанной с особенностями их синтаксического строя [Гузев, Бурыкин 2007: 111, 114], уточнение понятий, используемых для описания данных форм, представляется крайне важным. Что касается отечественных исследований, посвященных агглютинативным языкам, то авторы зачастую пользуются традиционными определениями, не адаптируя их к материалу исследуемых языков. В большинстве имеющихся грамматик все без ис-

ключения адъективные формы глаголов относят к причастиям, не принимая во внимания их существенных функциональных различий. Характерно это и для работ, посвященных исследованию якутского, монгольского и эвенкийского языков. Исключением являются работы Г.М. Василевич, которая также отмечала недостаточность терминологии для описания эвенкийских глагольно-именных форм: «Именные глагольные формы в грамматиках разных языков называются самыми разнообразными терминами: 1) причастиями и причастными формами, 2) именами того или иного времени, 3) причастными глаголами, 4) глагольными именами, 5) именами действия, 6) глагольными именными формами. Нам называть их причастиями нельзя, так как с представлением о причастии обычно связывается причастие русского языка, т.е. отглагольное прилагательное, а несколько шире – имя действия и имя признака по действию. А значение отглагольного прилагательного принимают лишь немногие именные глагольные формы и то только тогда, когда выступают в предложении определением, характеризующим определяемое по его же действию. Эти формы прежде всего являются формами действия определенного лица, и эвенки осознают его так же, как мы осознаем глагол. Употребление терминов «причастия» и «причастные формы» усложняет и запутывает правильное понимание и усвоение их... «Глагольные имена» как термин наиболее подходит, но они принимают значение глагола только синтаксически и как лексические единицы не выступают. Поэтому мы считаем, что термин «именные глагольные формы» хотя и является общим термином, но лучше других отражает сущность этой категории. Однако допускаем, что в дальнейшем исследовании для них может быть найдено еще более подходящее определение» [Василевич 1940: 62]. Как видно, позиция Г.М. Василевич заключается в том, чтобы полностью отказаться от термина причастие, тогда как более продуктивным подходом было бы уточнить его значение и ограничить сферу использования. Следует отметить также, что высказанные идеи так и не получили должного развития в более поздних работах, посвященных эвенкийскому языку.

Для решения указанной задачи необходимо в первую очередь определить функциональное значение причастных форм и установить их значимость в рамках морфологической подсистемы языка. Значение именных глагольных форм, к которым относятся и причастия, наиболее точно сформулированы в рамках концепции вторичного гипостазирования, разработанной В.Г. Гузевым. Согласно данной теории, при использовании в речи глагольно-именных форм мыслимое содержание, стоящее за словом или словоформой в речи и воспринимаемое коммуникантом как действие, предстает в образе предмета, признака или обстоятельства, то есть ему присваиваются классифицирующие частеречные значения именных классов лексем: существительных, прилагательных или наречий. Таким образом, значения данных форм заключается в их способности представлять то или иное действие в образах классифицирующих грамматических значений именных классов лексем, на основании чего все они объединяются в категорию номинализации действия [Гузев 1977] Данный подход в целом обобщает и систематизирует традиционную трактовку: как видно из приведенных выше определений, многие исследователи придавали большое значение именно интерпретационной природе именных глагольных форм («окачественное действие» в определении Виноградова, «опредмеченное» действие в определении именной формы глагола у Ахмановой).

В работах Э. Сепира также можно встретить сходную интерпретацию значения глагольных имен: «Подобно тому, как мы можем оглаголить идею каче-

ства в таких случаях, как, например, reddens “краснеет”, мы можем представить себе качество или действие в виде вещи. Мы говорим о height of a building “высоте дома”, или о the fall of the apple «падении яблока», забывая, что высота, падение (выраженные именами) не перестали указывать на качество и действие, хотя мы и заставили их говорить голосом предметов» [Сепир 2001: 115]

Следует также обратить внимание на то, что В.Г. Гузев в рамках своей концепции, сложившейся на материале тюркских языков, выделяет в составе категории номинализации действия наряду с причастиями, деепричастиями и именами действия еще одну разновидность форм – особые субстантивно-адъективные формы (например, в турецком языке это формы -acak и -dik), демонстрирующие ряд существенных отличий как от причастий, так и от имен действия. Субстантивно-адъективные формы встречаются во всех тюркских языках и заключают в своем значении способность окказионально представлять действие как в виде признака, так и в виде предмета, что роднит их и с именами действия, и с причастиями [Гузев 1976].

В отличие от субстантивно-адъективных форм, причастия представляют собой ряд глагольных именных форм, окказионально представляющих действие в виде признака, при этом для них характерно, что в самом значении формы содержится указание на связь с производителем действия, то есть она является носителем так называемого агентивного значения. Это, в частности, означает, что в определительной конструкции, где причастие выступает в качестве определения, предмет, называемый определяемым, осознается носителем языка как производитель действия, называемого глагольной формой [Гузев 1990: 120–121] Именно наличие агентивного значения является тем критерием, который дает нам основание для разграничения причастных и субстантивно-адъективных форм глагола. Помимо этого в значении причастия заключена информация не о действии как таковом, а о факте совершения действия (в прошлом, настоящем или будущем), то есть действие соотносено с каким-либо временным планом, что не характерно для глагольных имен (масдаров), однако характерно также для субстантивно-адъективных форм.

Субстантивно-адъективные формы в своем адъективном употреблении не содержат указания на связь выражаемого действия с производителем. Это дает возможность использовать их для построения таких определительных конструкций, где предмет, называемый определяемым, может находиться в любых действительных отношениях (в том числе может быть и его производителем) с действием, называемым субстантивно-адъективной формой, занимающей позицию определения. В субстантивном употреблении данные формы, как и имена действия, представляют действие в виде предмета, однако в их значении заключено также указание на факт совершения действия (в прошлом, настоящем или будущем).

Необходимость разграничения причастий и субстантивно-адъективных форм становится особенно очевидной при обращении к формам категории номинализации действия в конкретных агглютинативных языках. В качестве примера предлагается рассмотреть три агглютинативных языка, относящихся к разным группам: якутский язык как представитель тюркской группы, халхалмонгольский язык, относящийся к монгольской группе, и эвенкийский язык как представитель тунгусо-манчжурской группы языков. Данный выбор обусловлен наличием доступного материала для рассмотрения и литературы по грамматике соответствующих языков.

В «Грамматике современного якутского литературного языка» к причастиям отнесены четыре формы так называемых «первичных» причастий: 1) причастие

на *-ар/-ыыр*, 2) причастие на *-быт*, 3) причастие на *-ых*, 4) причастие на *-тах* [ГСЯЛЯ 1982: 227] Рассмотрим эти формы с функционально-семантической точки зрения.

Форма с показателем *-ар (-ыыр) / -бат* употребляется как в субстантивной, так и в адъективной функции. В субстантивной функции данная форма используется преимущественно с показателями принадлежности, указывающими на производителя действия, выраженного глаголом:

(2) *Ваня утуй-а сьт-ар-ын көр-дү-м*

Ваня спать-ADV.PTCP лежать-AP-ACC.POSS.3SG видеть-PST-1SG

‘Я увидел, что Ваня спит’ [ГСЯЛЯ 1982: 229].

(3) *буниги үчүгэй, куһаҕан, сөн, сыһа д-иир-битигэр наадый-бат...*

1PL хороший плохой верный неправильный говорить-ИИР-DAT.POSS.1PL быть.необходимым-PRS.NEG

‘Нам не нужно разделять плохое и хорошее, правильное и неправильное’ [АТАӨ 1995: 7].

В адъективной функции форма *-ар* используется без показателей принадлежности, причем определяемое может находиться практически в любых отношениях с действием, называемым определением:

(4) *Киргизэлэй сылды-ар чааһ-а*

Киргизэлэй числиться-AP часть-POSS.3SG

‘Часть, в которой числился Киргизэлэй’ [ХС 1945: 5].

В последнем примере предмет, называемый словом *чаас* ‘часть’, не является производителем действия, выраженного глаголом в форме *-ар – сылдыар (сырыт-* ‘числиться, посещать, навещать’), на производителя действия в данном случае указывает аффикс принадлежности при слове *чаас*. Этот пример, а также наличие в якутском языке некоторых устойчивых словосочетаний типа *ыанар ынах* ‘дойная корова’ (*ыан-* ‘доить’), в которых носители языка не чувствуют необходимости использовать в глаголе показатель страдательного залога, который следовало бы ожидать в случае, если считать форму с показателем *-ар* причастной, свидетельствует об отсутствии у формы с показателем *-ар* агентивного значения, то есть это, скорее, субстантивно-адъективная форма.

Форма с показателем *-быт (-ныт, -мыт)* также является субстантивно-адъективной формой, поскольку, она, как и форма *-ар*, в адъективном употреблении не несет в себе агентивного значения:

(5) *Уөскээ-бит өтөх-төн, тапт-ыыр кыыс-тан арахсыы олоҕ-о*

Рождаться-БИТ дом-ABL любить-ЫИР девушка-ABL расставание горе-POSS.3SG

‘Горе разлуки с родным домом, с любимой девушкой’ [ХС 1945: 11].

Атрибутивная конструкция, в которой в функции определения выступает субстантивно-адъективная форма *-быт* допускает наличие связи любого рода между предметом, называемым определяемым и тем действием, которое представлено как его признак. Это делает возможным наряду с определительными конструкциями типа: *танхайбыт баттахтаах эмээхсин* ‘старуха с поседевшими волосами’ (*танхай-* ‘сесть’) употребление без каких-либо залоговых показателей сочетаний, как: *төрөөбүт дойду* ‘родина, родной край’, *төрөөбүт сир* ‘родная земля’ (*төрөө-* ‘рожать, родиться’).

В субстантивном употреблении форма с показателем *-быт* представляет свершившееся действие в образе предмета, при этом указание на производителя действия заключено в аффиксе принадлежности в словоформе с *-быт*:

(6) *Оо, кини уол обо төрөө-бүт-үгэр төһө үөр-дэ этэ?!*

О 3SG сын ребенок родиться-БҮТ-DAT.POSS.3SG как радоваться-PST Q

‘О, как же он радовался тому, что у него родился сын?!’ [ХС 1945: 7].

Показатель *-дах (-тах)* якутского языка соответствует показателю *-дык/-дук*, встречающемуся в языке древнетюркских рунических памятников, а также в современных тюркских языках огузской группы. Данная форма, как отмечал в своей работе еще О.Н. Бётлингк, практически не используется в функции определения [Бётлингк 1986: 406], однако она продолжает использоваться в речи в своей субстантивной функции, что дает нам основания причислить ее к разряду субстантивно-адъективных форм:

(7) *Таннай армия-ба бар-даҕ-ын утаа-та.*

Сначала армия-DAT входит-ДАҕ-АСС.POSS.3SG медлить-PST.3SG

‘Сначала он медлил со вступлением в армию’ [ХС 1945: 5].

Форму *-батах*, которая представляет собой отрицательный эквивалент как субстантивно-адъективной формы с показателем *-быт*, так и формы *-дах*, следует рассматривать как самостоятельную субстантивно-адъективную форму отрицательного статуса. Сфера употребления данной формы совпадает с сферой использования субстантивно-адъективных форм на *-быт* и *-дах*. Она также, очевидно, не является причастной формой.

Пример субстантивного употребления:

(8) *Табыллы-батаҕ-ына наар аанньа табыллы-бат-Ш*

Везти-БАТАҕ-PART.POSS.3SG всегда снова везти-PRS.NEG-3SG

‘Не везет, так не везет’ (букв. ‘Тому, кому не везет, еще больше не повезет’) [ХС 1945: 9].

При адъективном использовании формы *-батах* производитель действия, передаваемого основой глагола, может как совпадать с предметом, называемым определяемым, как в словосочетании *буспатах мооньо бон* ‘несозревшая смородина’, так и не совпадать, как в следующем примере:

(9) *Саллаат утуй-батах түүн-нэр-э*

Солдат спать-БАТАХ ночь-PL-POSS.3SG

‘бессонные ночи солдата’ [ХС 1945: 11].

Показатель формы *-ых* якутского языка соответствует общетюркскому аффиксу *-ачак* (тур. *-асак*), функционирующему в некоторых тюркских языках в качестве показателя субстантивно-адъективной формы.

В якутском языке форма на *-ых* имеет своим значением представление в качестве предмета или признака будущее действие, то есть еще не свершившееся к тому моменту, который носителем языка воспринимает как настоящий момент; она может выступать как в субстантивном, так и в адъективном употреблении, однако наиболее частым является именно субстантивное употребление. Уже на этом основании данную форму можно отнести к разряду субстантивно-адъективных форм.

Итак, ни одна из форм якутского языка, называемых причастиями, причастной не является, и все их следует относить к субстантивно-адъективным формам.

При обращении к материалу монгольского языка мы наблюдаем схожую ситуацию. Б.Х. Тодаева в «Грамматике современного монгольского языка», выделяет в составе монгольского языка пять причастных форм: *-х*, *-сан*, *-аа*, *-гч* и *-даг* [Тодаева 1951] Примечательно, что в современной работе по грамматике монгольского языка авторы настаивают на невозможности охарактеризовать данные формы как причастные [Tserenpil, Kullmann 2008: 139].

Из приведенных Тодаевой пяти «причастий» единственным исключением является форма *-гч*, которая, по всей видимости, действительно является подлинно причастной формой. Отличие ее от остальных форм отмечают также авторы англоязычной «Монгольской грамматики»: они полагают, однако, что данная форма перешла в разряд словообразовательных средств языка и служит для образования отглагольных прилагательных [Tserenpil, Kullmann 2008: 149]. Словоформы с данным показателем не выступают в роли определения в таких конструкциях, где определяемое не называет производителя действия, что указывает на наличие у данной формы агентивного значения; например:

(10) *Монгол ард түмний ялалтыг байгуулагч Монгол Ардын Хувьсгалт Нам мандтугай.*

Монгол ард түмн-ий ялал-тыг байгуула-гч

Монголия трудящийся народ-GEN победа-ACC организовать-ГЧ

Монгол Ардын Хувьсгалт Нам мандтугай

Монголия народный революционный партия да.здравствует

‘Да здравствует Народно-революционная партия Монголии, организующая победу трудящихся Монголии’ [Тодаева 1951: 139].

Словоформы с данным показателем способны окказионально субстантивироваться, в результате чего они приобретают значение имени деятеля, то есть называют производителя указываемого действия, что также является проявлением присущего им агентивного значения:

(11) *Нар бүр жарга-сн-аас хойш ажил-д гара-гч-ид цөм цуглар-ав*

Солнце совсем заходить-PTCP-ABL после работа-DAT выходить-ГЧ-PL все собираться-PST

‘После заката солнца все вышедшие на работу собрались’ [Тодаева 1951: 139].

Данная форма, являясь причастной формой, разительно отличается от прочих глагольно-именных форм монгольского языка, способных представлять действие в виде признака, при этом крайне высокая употребительность данной формы не дает оснований причислять ее к словообразовательным формам прилагательных. Все остальные из указанных форм, как показывает анализ, следует относить к субстантивно-адъективным формам.

Именную форму монгольского языка с показателем *-(а)х* Б.Х. Тодаева называет «причастием будущего времени» [Тодаева 1951: 135], поскольку она передает информацию о действии, которое, с точки зрения говорящего, соотносится с временным планом будущего, однако данная форма также способна не только адъективировать действие, но и субстантивировать.

Пример субстантивного употребления:

(12) *Онгоц хэзээ ир-эх-ийг та мэд-эх үү?*

Самолет когда прибывать-ЭХ-ACC 2SG знать-ЭХ Q

‘Ты знаешь, когда придет самолет?’ [Tserenpil, Kullmann: 147].

Пример адъективного употребления:

(13) *Одоо хий-х ажил байх-гүй*

Сейчас делать-X работа есть-NEG

‘Нет работы, которую нужно сделать сейчас’ [Tserenpil, Kullmann 2008: 148].

Последний пример показывает отсутствие у данной формы агентивного значения, поскольку предмет, называемый определяемым *ажил* ‘работа’ не является производителем действия, называемого основой глагола *хий-* ‘делать’. От-

существование в значении данной формы указания на производителя действия подтверждается также возможностью употребления таких словосочетаний, как *сур-ах бичиг* ‘учебник’ (*сур-* ‘учиться’), *танилц-ах* (*танилц-* ‘знакомиться’) ‘клуб знакомств’, в которых носитель языка не чувствует необходимости использовать показатель страдательного залога.

Форма *-сан*, называемая «причастием прошедшего времени» [Тодаева 1951: 137], также демонстрирует способность представлять действие как в виде признака, так и в виде предмета, и отсутствие агентивного значения, как видно из следующих примеров адъективного употребления данной формы:

(14) *Морин-д өвс өг-сөн Дорж миний найз*

Конь-DAT сено давать-СӨН Дорж мой друг

‘Дорж, давший сено коню, мой друг’ [Tserenpil, Kullmann 2008: 141].

(15) *Дорж-ийн өвс өг-сөн морь надад таалагда-в*

Дорж-GEN сено давать-СӨН конь мне нравиться-PRS

‘Конь, которому Дорж дал сено, мне нравится’ [Tserenpil, Kullmann 2008: 141].

(16) *Дорж-ийн морин-д өг-сөн өвс их шимтэй*

Дорж-GEN конь-DAT давать-СӨН сено очень питательный

‘Сено, которое Дорж дал коню, очень питательное’ [Tserenpil, Kullmann 2008: 141].

Как можно заметить, только в примере (14) производителя действия называется определяемое, тогда как в примерах (15) и (16) на производителя действия, называемого основой словоформы с показателем *-сан*, указывает слово с показателем родительного падежа, не являющееся определяемым.

Форма *-(э)аа* в работе Б.Х. Тодаевой охарактеризована как «причастие настоящего времени несовершенное», которое «выражает такое действие, которое протекало в недавнем прошлом, но не было завершено и потому рассматривается как продолжающееся в настоящем» [Тодаева 1951: 138]. Временное значение данной формы характеризуют также как «действие, начавшееся в прошлом, но продолжающееся в настоящем» [Tserenpil, Kullmann 2008: 145]. Данная форма употребляется преимущественно в субстантивной функции, что говорит о ее принадлежности к субстантивно-адъективным формам монгольского языка:

(17) *Чиний үүр-ч яв-аа юм-ыг үз-ье*

Твой носить-ADV.PTCP идти-АА вещь-ACC смотреть-IMP.1SG

‘Посмотрим, что ты несешь’ [Тодаева 1951: 138].

Форма *-даг* передает информацию о действии, время совершения которого совпадает с моментом, который говорящий воспринимает в качестве настоящего. Данная форма также является субстантивно-адъективной, поскольку, как и форма *-(э)аа*, она используется в основном именно в субстантивной функции:

(18) *Энэ автобус хаашаа яв-дг-ийг бид мэд-эх-гүй.*

Этот автобус куда ехать-ДГ-ACC 1PL знать-PRS-NEG

‘Мы не знаем, куда идет этот автобус’ [Tserenpil, Kullmann: 2008 145].

Рассмотрение форм эвенкийского языка затрудняется тем, что различные исследователи выделяют разное количество глагольно-именных форм, некоторые из которых встречаются только в определенных диалектах, тогда как другие имеют различные фонетические варианты. Если рассмотреть только те формы, которые О.А. Константинова охарактеризовала как наиболее употребительные причастия – это формы: *-ри*, *-ча*, *-на*, *-пки* (*-вки*), *-дянга*, *-мачин* [Константинова 1964: 147], в их составе можно выделить четыре субстантивно-адъективные формы (формы *-ри*, *-на*, *-дянга*, *-мачин*) и лишь два действитель-

ных причастия: так называемое «законченное причастие» *-ча* и форма *-вки*, передающая информацию об обычно совершающемся действии.

Причастные формы эвенкийского языка имеют агентивное значение, словоформы с показателями данных форм выступают преимущественно в синтаксической функции сказуемого и определения.

Пример употребления формы *-ча*:

(19) *Эмэ-чэ-л-дук мата-л-ду бу упкат-ва сал-лэ-в.*

Прибыть-ЧЭ-PL-ABL сосед-PL-ABL 1PL все-ACC узнать-PRS-1PL

‘От пришедших соседей мы все узнали’ [Константинова 1953: 131].

Г.М. Василевич отмечает также, что форма *-ча* крайне часто употребляется в сочетании с аффиксом страдательного залога, что также указывает на наличие у данной формы агентивного значения [Василевич 1940: 66–67]

Пример использования причастной формы *-вки*:

(20) *Суксилла-ва о-дя-вки-ла бэе-лэ сурусин-чэ-в.*

Лыжи-ACC делать-IPFV-ВКИ-LOC человек-LOC отправиться-PST-1SG

‘Я отправился к человеку, который делает лыжи’ [Константинова 1953: 134].

Данные формы могут субстантивироваться, в результате чего полученная словоформа называет имя деятеля, что также отличает причастные формы *-ча* и *-вки* от субстантивно-адъективных форм, которые в случае субстантивного использования представляют само действие в качестве предмета:

(21) *Эмэ-чэ-л элэ эмэ-ктын, - гун-эн-Ш сагдыкэкун*

Прибывать-ЧЭ-PL сюда подходить-IMP.3PL говорить-PST-3SG старейший

‘Прибывшие пусть войдут сюда, -сказал самый старейший’ [Константинова 1964: 142].

Остальные четыре наиболее употребительные формы глагольных имен эвенкийского языка без сомнения являются субстантивно-адъективными формами.

Форма *-ри* способна представлять действие как в виде признака, так и в виде предмета, при этом, в случае адъективного употребления, у нее отсутствует агентивное значение:

(22) *Дю-ла и-рэн-н, энин-ми дюта-дя-ри-ла-н*

Дом-LOC входить-PST-3SG, мать-POSS.1SG жить-IPFV-РИ-LOC-POSS.3SG

‘Вошел в дом, в котором живет моя мать’ [Василевич 1940: 65].

В данном примере словоформа с показателем *-ри* выступает в функции определения при определяемом *дюла* ‘дом’, которое не указывает на производителя действия.

В случае субстантивного употребления данной формы на производителя действия, как и в других рассмотренных языках, указывает показатель принадлежности в словоформе с аффиксом *-ри*:

(23) *Би энин-ми унта-л-ав одя-ри-ва-н ичэт-чэ-м*

1SG мать-POSS.1SG унты-PL-ACC делать-РИ-ACC-POSS.3SG смотреть-PRS-1SG

‘Я смотрю, как моя мать делает мне унты’ [Константинова 1953: 130].

Форма *-на*, как отмечает О.А. Константинова, представляет действие «как субстанцию, и реже как признак» [Константинова 1964: 142], при субстантивном употреблении, производитель действия, называемого основой глагола в с

показателем –на, также выражен аффиксом принадлежности в данной словоформе:

(24) *Алагумни кунгака-р о-на-л-ва-тын ичэнэсин-э-н.*

Учитель ребенок-PL делать-НА-PL-ACC-POSS.3PL посмотреть-PRS-3SG

‘Учитель пошел посмотреть, что сделали дети’ [Константинова 1953: 133].

В случае, если словоформа с показателем *-на* выступает в предложении в функции определения, она также содержит указание на производителя действия в виде показателя принадлежности, определяемое при этом не называет субъект действия:

(25) *Би ва-нэ-вэ-с бэюн-мэ нанна-т дас-ча-в.*

1SG убить-НЭ-ACC-POSS.2SG зверь-ACC шкура-INS накрывать-PST-1SG

‘Я убитого тобой зверя покрыл шкурой’ [Константинова 1953: 133]

(26) *Гэрби-нэ-н бэеткэн элэ ин-гин.*

Назвать-НЭ-POSS.3SG мальчик сюда входить-IMP.3SG

‘Названный им мальчик пусть войдет сюда’ [Константинова 1953: 133]

Форму *-дянга* характеризуют как форму со значением возможности – она передает информацию о действии, которое может произойти, при этом она как и другие субстантивно-адъективные формы, способна представлять действие в виде предмета или признака, как в следующем примере:

(27) *Би мит-тулэ эмэ-денгэ-вэ бэе-вэ са-де-м*

1SG 2PL-LOC приехать-ДЕНГЕ-ACC человек-ACC знать-FUT-1SG

‘я знаю человека, который может приехать к нам’ [Василевич 1940: 67].

В случае субстантивного употребления на производителя действия указывает показатель принадлежности:

(28) *Бу сал-лэ-в, нунган тэгэми эмэ-денгэ-вэ-н*

1PL узнавать-PST-1PL 1SG завтра приехать-ДЕНГЕ-ACC-POSS.3SG

‘Мы узнали, что он может завтра приехать’ [Василевич 1940: 67].

(29) *Нунган эмэ-денгэ-н ая*

3SG приехать-ДЕНГЕ-POSS.3SG хорошо

‘то, что он может приехать, хорошо’ [Василевич 1940: 67].

Субстантивно-адъективная форма *-мачин* передает информацию о действии, которое, как ожидается, должно произойти в будущем, О.Н. Василевич охарактеризовал ее как форму «намечаемого или предполагаемого действия» [Василевич 1940: 70]. Данная форма встречается в основном в субстантивном употреблении:

(30) *Бу аичимни эмэ-мэчин-мэ-н сал-ча-вун.*

1SG доктор приехать-МЭЧИН-ACC-POSS.3SG узнать-PST-1PL

‘Мы узнали о том, что должен приехать врач’ [Константинова 1953: 135].

(31) *Энин-ми, акин-ми эмэ-мэчин-мэ-н долды-кса,*

Мать-POSS.1SG брат-POSS.1SG приехать-МЭЧИН-ACC-POSS.3SG слышать-ADV.PTCP

сот урун-э-н.

очень радоваться-PST-3SG

‘Моя мать, когда услышала, что приедет мой старший брат, очень обрадовалась.’ [Константинова 1953: 135].

Таким образом, рассмотрение монгольского, якутского и эвенкийского материала показало, что причастные формы, вопреки традиционной трактовке,

встречаются не во всех трех языках, а только в монгольском и эвенкийском, где они весьма малочисленны: одна форма в монгольском языке и две формы в эвенкийском. Все остальные глагольные имена с адъективным значением следует относить к иному разряду форм, а именно – к субстантивно-адъективным формам. Их главное отличие от форм причастий заключается в их способности окказионально представлять действие не только в виде признака, но и в виде предмета. Помимо этого их также характеризует отсутствие агентивного значения, что позволяет им передавать более широкий спектр смыслов.

Понятие причастие применительно к агглютинативным языкам следует трактовать как такую форму глагола, значением которой является окказиональное представление действия в виде признака, причем в самом значении данной формы заключено указание на сопряженность действия с его производителем – так называемое агентивное значение. Именно наличие этого значения отличает данные формы от субстантивно-адъективных форм в сфере атрибутивного использования. При рассмотрении категории номинализации действия представляется необходимым разграничивать причастия и субстантивно-адъективные формы, что позволяет более точно классифицировать имеющиеся в данном языке глагольные имена и проанализировать их с функциональной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

АТАӨ 1995 – *Зверев Д.С.* Аѳам туһунан аман өс (*Зверев Д.С.* Слово о моем отце) – Якутской к., 1995. – 175 с.

ХС 1945 – Хотугу сулус. Саха уус-уран литературатын икки ыйга биирдэ тахсар альманаѳа. (Полярная звезда.) – Якутской к., 1945. – 56 с.

Tserenpil, Kullmann 2008 – *Kullmann R., Tserenpil D.* Mongolian Grammar. – Ulaanbaatar: Admon Co., Ltd.– 448 P.

Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

Бётлингк 1986 – *Бётлингк О.Н.* О языке якутов / Пер. В.И. Рассадина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 646 с.

Василевич 1940 – *Василевич Г.М.* Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. – Л.: Учпедгиз, 1940. – 132 С.

Виноградов 2001 – *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 С.

ГСЯЛЯ 1982 – Грамматика современного якутского литературного языка / Под ред. Коркиной Е.И., Убрятовой Е.И., Харитоновой Л.Н. Т. I. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

Гузев 1976 – *Гузев В.Г.* Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языка) // *Turcologica*. – Л.: Наука, 1976. С 56–64.

Гузев 1977 – *Гузев В.Г.* О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами, в современном турецком языке // *Советская тюркология*. 1977, № 5. С. 36–43.

Гузев 1990 – *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 168 с.

Гузев, Бурькин 2007 – Гузев В.Г., Бурькин А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. ИЛИ. Том III, часть 1. – СПб., 2007. С. 109–118.

Константинова 1953 – Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык. Учебное пособие для пед. училищ. – М.: Учпедгиз, 1953. – 332 С.

Константинова 1964 – Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. – М.: Л: «Наука», 1964. – 272 С.

Мельчук 1998 – Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том 2: Пер. с фр. / Общ. редакция Н.В. Перцова и Е.Н. Саввиной. – М. – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. – 544 С.

Сепир 2001 – Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с.

Тодаева 1951 – Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН, 1951. – 197 С.

Natalia A. Matushkina. On the term “participle” in the light of verbal nominalization in agglutinative languages

Summary. The article presents a general analysis of verbal adjectives in three agglutinative languages: Mongolian, Evenki and Yakut. Revising the classical interpretation of the term “participle” traditional for Russian linguistics, the article attempts to specify the term “participle” taking into consideration specific features of verbal nominalization in agglutinative languages.

Keywords: agglutinative languages, verbal nominalization, participle, secondary representation, the Mongolian language, the Yakut language, the Evenki language

**К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ СУБСТАНТИВНЫХ ФОРМ
ГЛАГОЛА (ИМЕН ДЕЙСТВИЯ) В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Н.Н. Телицин (г. Санкт-Петербург)

Резюме. Статья посвящена анализу становления субстантивных форм глагола в древнеуйгурском языке. Субстантивные формы глагола (имена действия) являются словоизменительными формами, объединяющимися общим значением/семантикой «опредмеченного» действия, т.е. действия, оперативно представляемого как предмет и лишенного темпоральных значений. В материале исследуемых памятников древнеуйгурского языка выделяется одна субстантивная форма с морфемой *-maq*.

Ключевые слова: Древнеуйгурский язык, субстантивные формы, имена действия, опредмеченное действие, глагол, словоизменение глагола, глагольная форма

Имена действия как особые глагольные формы имеют сравнительно позднее происхождение и не могут быть отнесены к числу древнейших грамматических форм [1: 170].

Традиционно признается, что они обладают как признаками глагола, так и имени. К глагольным можно отнести такие черты: сохранение значения действия; сохранение управления глагольной основы; способность выступать в продуктивных залоговых формах и формах статуса (например, отрицательный статус образуется «глагольным путем», т.е. посредством морфемы *-ma-*).

К признакам существительного традиционно относят то, что имена действия обозначают предмет и, вследствие этого, могут принимать различные словообразовательные или словоизменительные морфемы именных классов лексем, кроме того они могут сочетаться с послелогом. Однако имена действия, оставаясь глагольными формами, лишь функционально сближаются с именами существительными [2: 58; 3: 179–230].

Имена действия являются словоизменительными субстантивными глагольными формами, объединяющиеся общим значением/семантикой «опредмеченного» действия, т.е. действия, оперативно представляемого как предмет и лишенного темпоральных значений. Термин «опредмеченное действие» относительно отглагольных имен существительных русского языка впервые встречается в работах В.В. Виноградова, который указывал на то, что «опредмечивание» действия парализует грамматические свойства глагола [4: 102].

Имена действия мыслятся вне связи со своим производителем, т.е. лишены «агентивного значения» (термин используется С.Н. Ивановым [5: 137] и обозначает активное отношение между действием и предметом: предмет есть агенс, производитель действия, выраженного исходной основой глагола. – *Н.Т.*). Субъект может быть представлен с помощью средств, служащих для выражения категории принадлежности [6: 90–93], т.е. имена действия могут принимать лишь аффиксы принадлежности, которые указывают на субъект действия, выраженного исходной основой глагола.

В исследуемых памятниках древнеуйгурского языка выделяется одна субстантивная форма с морфемой *-maq*. Однако некоторые исследователи наряду с указанной выделяют и форму с морфемой *-yu* [7: 85–86; 8: 3; 9: 159–160; 10: 488–489], которую, как представляется, в силу её функционально-семантических особенностей следует относить в разряд субстантивно-адъективных форм глагола, поскольку данная форма может использоваться в адъективной функции, а субстантивное использование является одной из функций данной формы [11: 27–38].

В древнеуйгурском языке, зафиксированном в памятниках VIII–XIV вв., следует выделять лишь одну субстантивную форму глагола – форму с морфемой *-maq*.

Часто имя действия *-maq* квалифицируют как неопределенную форму глагола, или «инфинитив» [12: 101; 10: 483]. Однако само понятие «инфинитив» связано с грамматикой индоевропейских языков, в которой он обычно характеризуется как «номинативная» форма глагола или как исходная форма глагола, которая не склоняется и не спрягается [13: 182–183].

Субстантивная форма с морфемой *-maq* впервые была зафиксирована в памятниках тюркской рунической письменности В.В. Радловым [14: 97], однако все приводимые им примеры являются спорными. А.Н. Кононовым отмечен факт наличия формы *-maq* в составе «малопродуктивного аффикса» *-maqčy*, с оговоркой, что аффикс *-maq* не использовался в качестве показателя имени действия [15: 93]: *armaqčysyn üčün* (КТб 6) ‘... из-за обманщиков среди них...’.

Происхождение же самого аффикса *-maq* еще недостаточно ясно. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой аффикс мог сложиться путем слияния *-m^o* (аффикс отглагольного имени) + *-q* (аффикс дательного падежа: *-q<-qa/-ta*) [16: 155; 15: 93; 10: 101; 9: 163].

Субстантивная форма с морфемой *-maq* в древнеуйгурских памятниках может выступать либо самостоятельно, либо в составе оборота. Причем отсутствие «агентивного» значения подтверждается возможностью данной формы образовывать абсолютные обороты: *nečä nečä kišilärniñ sansyz saqyşsyz özlügüg ölürmäklärin körtüm* (Suv 9, 2–5) ‘Я давно уже видел, что многие люди убивали без всякого числа живых существ’; *jarlyqančuču köñültä jorymaq čyn iş ool bilgä biligig işlämäk kertü söz ol* (ВТТ I D 121–122) ‘Движение в сострадательном сердце это правильное дело, а использование мудрой науки – истинное слово’.

Отмечена возможность сочетания формы *-maq* с падежными морфемами винительного (а), родительного (б), дательного-направительного (в), исходного (г), местного (д) и инструментального (е):

а) *adynuyuqa asyq qylmaqy öz ätözkä asyq qylmaq jemä* (ВТТ I D 103) ‘Оказание помощи другим – это и принесение пользы своему телу’; *alqu burqanlar tujmaqy öz bilgä bilig üzä ök tujarlar* (ВТТ I D 191 - 192) ‘Все Будды постигают прозрение благодаря своей мудрости’;

б) *jemä yduq bodi tözüg tantaqlamaqnyñ uryaju čyn kertü tyltary belgülärtin ödrülmäk erür* (ВТТ I D 180 - 182) ‘Особенно правильная причина понимания светлой природы *bodhi* состоит в избавлении от знаков’; *täjri täñrisi burqan kautami qatun oyrınta jeti türlüg sankalampan atlyñ bujan büktäk qylmaqnyñ utlysyn tüšin keñürü jarlyqady* (ВТТ IX 25, 1-4) ‘Бог богов Будда соизволил расширить дары и воздаяния из семи разных добрых дел под названием *samghalambana* из-за Каутами-катун’;

в) *jemä qutlyñ elig qan ol qamañ bodunça edgü qylyñč qylmaqqa turqaru ötläjür* (ТТ II А 87) ‘И счастливый правитель призывает весь народ к совершению доб-

рых дел'; *alqu tynlyy oylany adasyz uluy qutrulmaqqa tegsünlär* (Uig I 15, 4) 'Пусть сыновья всех живых существ беспрепятственно достигнут великого освобождения'; *eltin qantyn körsärsen alqamaqqa tüşgälir sen* (ТТ I 170) 'Если ты взираешь/видишь государство и хана, то ты удостоиваешься похваления'; *edgü kişilär any sevärlär aty küsi asylur ögmäk alqamaqqa tegir* (ВТТ IX 163 v 16–18) 'Хорошие люди любят его; его имя и слава умножаться, он достигнет похваления и восхваления'; *teriñ nomlaryy ermädin jalqmadyn uzaty ešitigsämakkä tajanyy///* (Suv 250 7) 'Опираясь на желание продолжительно слушать, не испытывая отвращения к глубоким учениям...';

г) *inçip üzik itig kiñ jörüg üzä boşyunmaqтын bilgäli uqyaly bolsar jema neñ inçip kiñin teriñin tüpkärgäli aryty jemä bolmaz* (ВТТ I A₂ 10–12) 'Если удастся понять что-либо путем узнавания широкого толкования и пояснения букв и слогов, то нельзя все-таки достигнуть всю глубину полностью'; *bu üçägünün qayuşmaqтын ötkürü ötrü köligä belgürär* (Suv 52, 19) 'После объединения этих трех (букв.: от объединения) появляются затем тени'; *HSIN tözin tujmaduqlar ätöz atqaqy kitmäkäntin üzülüp barıyay men tip qorqup teggäli tüp quruqqa umazlar* (BUYZ I 310–312) 'Те, кто не понял основу сознания, не могут достичь полной пустоты, бояться сказать: «Я уйду совсем», отделиться от «неисчезновения» представления о теле (т.е. не могут отказаться от представления о теле)'; *otuz jyl jaşayıcy tynlyylar ... oşurlamaqтын tydylurlar* (ВТТ IX 122 v 4) 'Живые существа, живущие тридцать лет, будут прятаться от воровства (букв.: от верования)';

д) *özlüg ölmäktä ögrünç sevinç bulup//* (Uig III 4, ;11) 'Если кто-либо, испытывая радость при убивании живых существ...'; *jüz jaşlyy jalañuqlar jemä azuq sav sözlämäktä tydylurlar* (ВТТ IX 122 v 12–14) 'Столетние люди снова будут ограничиваться в произнесении ложных слов'; *ol emgäktä qatyñ ünin müñramäktä özi işimiz joq* (ВТТ IX 203 v 9–11) 'У нас нет другого дела против несчастья, кроме как рычать сильным голосом';

е) *qu-a çeçäklär alyp adruq aş içkülär tutup aşyr ajamaqын tapyzun* (Uig I 30, 8) 'Пусть он, поднеся различные яства и напитки вместе с цветами, служит с глубоким почитанием'; *taqy jemä tözün maitriqa amranmaqын uluy kişilär olurıy turıy jerig orunuy sipirürlär aryurlar ...* (ВТТ IX 136 v 7–8) 'И далее, из-за любви к благочестивому Майдари они подметают и убирают место, где должны будут сидеть и стоять великие люди'.

Как уже отмечалось выше, при сочетании формы с морфемой *-maq* с аффиксами принадлежности последние выражают субъект действия:

- аффикс 1-го лица ед.ч.: *munda kelmäkim ersär ...* (BUYZ II 555) 'Что же касается моего прихода сюда, то...'; *anyn tylyaynta keñürü nomlamaqым üzä ...* (BUYZ II 519) 'По этой причине, благодаря тому, то я точно проповедую...';

- аффикс 3-го лица ед.ч.: *tüşkä ydsar öcmäki nirvan adanur* (BUYZ I 300) 'Если послать за плодом, то его исчезновение будет называться нирвана'; *asyy tusu qylmaq antay erti* (ВТТ IX 5, 20 - 21) 'Принесение им пользы и выгоды было таковым'; *anta jemä jeti aşunlaryy teginip tamuta toymaqy bolıyay* (Uig II 29, 10) 'И тогда он, побывав в семи существованиях, должен будет возродиться в аду'; *bodistv oşuşlyy bolmaqy bolıyay* (Uig II 35, 28) 'Он будет относиться к касте бодисатв (букв.: будет его существование)'; *uluy bodistvlar-nyñ köñülü birlä tip köñülüğ bulmaqy bolur* (Uig II 43, 13) 'Он обретет сердце, равное сердцам великих бодисатв (букв.: будет обретение им)';

- аффикс 1-го лица мн.ч. : *burqan qutын bulmaqымыз болзун* (ВТТ IX 118 v 26) 'Пусть мы найдем благодать Будды (букв.: пусть будет нахождение нами благодати Будды)'; *tegin ögä atıya tegmäkimiz болзун* (ВТТ IX 18 v 18) 'Пусть мы дос-

тигнем мудрого имени тегина'; *burqan qutyña tegmäkimiz bolzun* (ВТТ IX 127 v 28) 'Пусть мы достигнем благодати Будды';

- аффикс 2-го лица мн.ч.: *öñ ölüš bulmaquyuz bozlun* (ВТТ IX 90 v 1) 'Пусть вы достигнете первой части учения'.

Представление действия в виде предмета/процесса имеет следствием и тот факт, что рассматриваемая форма может выступать одним из компонентов изафетных конструкций:

ölärmäk saqynčyn täñri burqan etözintä qan öñtürtümüz (ТТ IV А 30) 'Мы выпустили кровь из тела божественного Будды с мыслью об убийстве'; *jyraq barmyš kiši kelmäki sarp* (ТТ I 78) 'Возвращение далеко ушедшего человека затруднительно'.

Следствием «опредмеченного» действия формы *-maq* можно назвать и способность последней сочетаться со словообразовательными морфемами имени прилагательного *-lyu* и *-syz*: *erdänilig otruyqa kirip qutrulmaqlıy erdänilärig alyaly ujur* (ТТ V В прим. 90) 'Вступив на драгоценный остров, он сможет приобрести сокровища, ведущие к спасению'; *uzaty qurymaq esirkänmäk bušmaqlıy bolur* (ТТ VIII 1 6) 'Сухость и жалость будут раздражать'; *algynmaqsyz ekümäksiz edgü erdänilär* (Suv 338, 5) 'Неисчезающие и неубывающие хорошие качества'; *uzalyqsyz köni tüz tuqmaq burqan qutyntyn janmaqsyz evrilmäksiz erür* (Uig II 40,103) 'Он не обращается вспять и не отворачивается от высочайшего, истинного, осеняющего достоинства Будды (букв.: он не есть/ не будет ни отворачивающимся и ни обращающимся)'.

В редких случаях зафиксирована и форма *-maqsyzyn*, образующаяся путем присоединения морфем *-syz* и *-yn*, причем последнюю морфему следует толковать как словообразовательную морфему наречий. Данные словоформы выступают в адвербиальной функции, выражая обстоятельственную семантику: *jermäksizin jalmaqsyzyn uzun ödüin qatylanmaqlary üzä ///* (Suv 235, 10) 'Ни чем не пренебрегая, путем их длительных усилий...'; *ašnu SHIH ki sada birä urudita P'U SA teg ajančan HSIN yn janmaqsyzyn CHIN kärgäk* (BUYZ II 8) 'Подобно прежнему бодхисатве *sadapraruditha* души, преисполненные почитания, должны цвести, не возвращаясь вспять'.

В памятниках отмечены случаи сочетания формы с морфемой *-maq* с послелогами *üzä* (а), *üçün*. (б):

а) *bir jil sany içintä üçär üçär ajlaryy adyrmaq üzä öd bolur ikirär ikirär ajlaryy berk kertmäk üzä kešin tetir* (Suv 589, 17) 'В году посредством выделения по три месяца устанавливается время года, а посредством строгого разделения по два месяца обозначается отрезок времени (кешин?)'; б) *teginmäk üçün amranmaq toyar* (Uig II 6, 15) 'В результате ощущения рождается вожеление'.

Следует особо отметить и тот факт, что в древнеуйгурских памятниках религиозного содержания (буддийского, манихейского и т.п.), которые в основной своей массе являются «переводными» произведениями [17: 245–270], субстантивные формы с морфемой *-maq* используются для эквивалентной передачи религиозных понятий и терминов:

ulaty teginmäk saqynč qylynč bilig jükmäkig alqu ynča bilmiš uqmyš kärgäk (ТТ VI 60) 'Нужно также знать и понимать остальные «предметы» (образы?): ощущения, мысли, поступки, знания'.

В приведенном примере выделяются два понятия, соответствующие санскритским *teginmäk* и *jükmäk*. Первое из них является переводом с санскрита слова *vedanā* – религиозного понятия, которое часто толкуют как «чувство, ощущение, эмоция, переживание» и которое в буддизме определяет одну из групп элементов бытия. Второе понятие – *jükmäk* передает буддийский термин *vişaya*, т.е. «тема,

предмет, нечто, вопрос для обсуждения, проблема», кроме того, следует отметить, что под этим термином в буддизме понимается внешний объект в аспекте восприятия его органами чувств и сознанием, не реальный объект, а его чувственный образ, порождаемый сознанием.

Как следует из приведенных выше примеров, переводчики смогли найти в древнеуйгурском языке очень точные эквиваленты буддийским терминам, подобрав смысловые соответствия: *teginmäk* дословно означает «достижение/постижение, испытание на себе, удостаивание и т.п.», а *jükmäk* – «накапливание, собирание, вынашивание и т.п.». Можно привести и другие примеры: *tujmaq* – «прозрение» (сскр. *bodhi*), *qatıylanmaq* – «старание, целеустремленность» (сскр. *vīrya*), *toymaq* – «рождение, перерождение», *uqmaq* – «понимание, разумение» и др.

В заключении следует отметить, что имена действия в древнеуйгурском языке, являясь словоизменительными субстантивными формами глагола, представляют собой одну из подкатегорий глагольной категории «*номинализации действия*» («вторичной репрезентации» или «вторичного гипостазирования») [2: 58; 18: 116–118; 19: 29–36].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

BTT I *Hazai G., Zieme P.* Fragmente der uigurischen Version des "Jin'gangjing mit den Gathas des Meister Fu". Berliner Turfantexte I. – Berlin: Akademie-Verlag, 1971.

BTT IX *Tekin S.* Maitrisimit nom bitig. Die uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhasika-Schule. Teil 1.: Transliteration, Übersetzung, Anmerkungen. Berliner Turfantexte IX. – Berlin: Akademie-Verlag, 1980.

BUYZ *Tekin S.* Buddhistische Uigurica aus der Yüan-Zeit. – Otto Harrassowitz, 1980.

Suv *Radloff W. von.* Suvarnaprabhasa (das Goldglanz-Sutra), aus dem Uigurischen ins Deutsche übersetzt. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov herausgegeben. (Bibliotheca Buddhica, XXVII). I-VIII. – SPb., 1913–17.

TT I *Bang W., Gabain A. von.* Bruchstücke eines Wahrsagebuches. Türkische Turfan-Texte I. SPAW. – Berlin, 1929.

TT II *Bang W., Gabain A. von.* Manichaica. Türkische Turfan-Texte II. SPAW. – Berlin, 1929.

TT IV *Bang W., Gabain A. von.* Ein neues uigurisches. Sündenbekenntnis. Türkische Turfan-Texte IV. SPAW. – Berlin, 1930.

TT V *Gabain A. von.* Aus buddhistischen Schriften. Türkische Turfantexte.5.: SPAW. Berlin, 1931.

TT VI *Bang W., Gabain A. von.* Und Rachmati G. Das Buddhistische Sutra Säkit jükmäk. Türkische Turfantexte IV. Sitzungsberichte. SPAW. – Berlin, 1934.

TT VIII *Gabain A. von.* Texte in Brähmī-Schrift. Türkische Turfan-Texte VIII. ADAW. – Berlin, 1954.

Uig I *Müller F.W.K.* Uigurica. 1. Die Anbetung der Magier, ein christliches Bruchstück. 2. Die Reste des buddhistischen "Goldglanz-Sutra". Ein vorläufiger Bericht. APAW. – Berlin, 1908.

Uig II *Müller F.W.K.* Uigurica II. Fragmente aus der buddhistischen Literatur. APAW. – Berlin, 1910.

Uig III *Müller F.W.K.* Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I-VIII). APAW. – Berlin, 1922.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.; Л., 1948.
2. *Гузев В.Г.* Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica: к 70-летию акад. А.Н.Кононова.* – Л., 1976. – С. 56–64.
3. *Телицин Н.Н.* Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // *Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол.* – СПб., 2011. – С. 179–230.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык. – М., 1986.
5. *Иванов С.Н.* Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные). – Л., 1959.
6. *Телицин Н.Н.* Субъект действия при глагольных именах в древнеуйгурском языке // *Вестник СПб. ун-та. Сер. 13.* – СПб., 2007. - 1 (№2). – С. 90–93.
7. *Мелиев К.М.* Имя действия на *-гу* в современном уйгурском языке // *Труды Срезнеазиатского ГУ/ Иранская и тюркская филология.* – 1957. – С.85–86.
8. *Мелиев К.М.* Имена действия в современном уйгурском языке. – М., 1964.
9. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной грамматике тюркских языков: (Имя). – Л., 1977.
10. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология.* – М., 1988.
11. *Телицин Н.Н.* К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке // *Вестник СПб. ун-та. Серия 13.* – СПб., 2012. - 1 (№2). – С. 27–38.
12. *Рамstedt Г.И.* Введение в алтайское языкознание. – М., 1957.
13. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
14. *Radloff W. von.* Die alttürkische Inschriften der Mongolei. NF. SPb., 1897.
15. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII – XI вв. – Л., 1980.
16. *Brockelman C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. – Leiden, 1954.
17. *Телицин Н.Н., Передня А.Д.* Древнетюркская литература (VI–XIV вв.) // *Литературы стран Азии и Африки. Начальный период развития.* – СПб., 2012.
18. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л., 1990.
19. *Гузев В.Г.* Опыт применения понятия «гипостазирование» к тюркской морфологии // *Востоковедение. Филол. исслед. Вып. 21.* – СПб., 1999. – С. 29–36.

Nikolay N. Telitsin. The formation of substantive verb forms (action nouns) in the Old Uighur language

Summary. This article analyzes the formation of substantive verb forms in the Old Uighur language. Substantive forms of the verb (Nomina actionis) are inflected verb forms with the semantics of an "objectified" action, i.e. of an action represented as an object and deprived of temporal values. In Old Uighur manuscripts we are making research on there is only one substantive verb form – that with the morpheme *-maq*.

Keywords: the Old Uighur language, substantive form, nomina actionis, semantic of "objectified" action

**О НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЯХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(К ЭТИМОЛОГИИ ИЗОЛИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ И ОЦЕНКЕ
ХАРАКТЕРА ЭВОЛЮЦИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
В КОНТЕКСТЕ АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ)**

А.А. Бурыкин (г. Санкт-Петербург)

Резюме. В статье обсуждаются этимологии тюркского названия горностая, монгольских названий белки-летяги и их тюркские параллели, а также якутское название лисы в свете внешних языковых данных.

Ключевые слова: этимология, внешняя и внутренняя реконструкции, контактирование алтайских языков, заимствования, алатистика

Названия домашних и диких животных в тюркских языках, как и в других алтайских языках, привлекают внимание исследователей в течение длительного времени. Это касается наблюдаемых сходств в названии животных, прежде всего в наименовании домашнего скота – лошади, овцы, осла, верблюда, чему посвящено уже большое число частных и обобщающих работ. Ныне соответствующий материал и имеющаяся литература с практически исчерпывающей полнотой учтены в соответствующих статьях ‘Этимологического словаря тюркских языков’ Э.В. Севортыяна. Сохраняет свое значение для исследований сравнительно-сопоставительного плана как источник материала известная работа А.М. Щербака [Щербак 1961], в которой приводятся отождествляющие сравнения некоторых тюркских зоонимов с соответствующими номинативными единицами монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, подаваемые как заимствования, и контрастные сравнения, призванные, по мнению автора, продемонстрировать невозможность трактовать лексические сходства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков как следствие их генетического родства. Тем не менее значительное число зоонимов представлено и в Этимологическом словаре алтайских языков С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака; ср. статьи: camel, cow, dog, donkey, goat, ox, и т.п. в семантическом указателе [Starostin et al. 2003].

Тем не менее громадное большинство названий диких животных в отдельных тюркских языках, в отдельных тунгусо-маньчжурских языках, равно как и в монгольских языках остается без историко-этимологического объяснения и многие языковые факты по разным причинам не получают интерпретации. Одной из главных причин некоторого статического состояния в лексике отдельных групп алтайских языков остается отсутствие явных параллелей для тех или иных слов в родственных или соседних языках, в других случаях те или иные факторы реально создают трудности в обобщении лексического материала даже внутри одной конкретной группы языков при ярко выраженных соответствиях. Как мы уже показывали, даже слова, встречающиеся в ограниченном числе тюркских языков могут иметь первостепенное значение для реконструкции общеалтайской лексики. Так, якут. диал *буур* ‘лошадь’ вместе с тувинскими и то-

фаларскими параллелями заполняет зияющую лауну в документации общеалтайского названия лошади, представленного в п.-мо. *morin*, кор. *мал*, эвенк. *морин*, эвен *муран*, причем последние примеры не обязательно должны быть монгольскими заимствованиями в тунгусо-маньчжурских языках.

1. Монгольские названия белки-летяги и их тюркские параллели

Названия белки-летяги в монгольских языках относятся к периферии лексико-семантической группы зоонимов. В современном монгольском языке это название не выявлено, в письменном монгольском языке зарегистрировано два слова для обозначения белки-летяги – *olbu* и *ob* [Lessing 608, 598]. Историческим продолжением первого из них является бур. *олбо* ‘белка-летяга’, вторая лексема не имеет параллелей в монгольских языках.

Существование этих дублетов оставалось без объяснения. Равным образом оставалось без объяснения присутствие в монгольских языках слов-дублетов – мо. *хэлбэр* ‘форма, вид’ и *хэв* – ср. п.-мо. *кеб* ‘mold, pattern, model, type, form, shape’ [Lessing 438].

Исходя из того, что мы знаем ныне о соотношении между монгольскими и тюркскими языками в аспекте соответствия согласных внутри слова – прежде всего в преконсонантной и постконсонантной позициях, мы можем найти объяснение появлению таких дублетных форм в монгольских языках. Вторая форма в монгольских языках – явный тюркизм: ср. др.-тюрк. *кеп* ‘форма’ [ДТС 299]. Но именно таковыми и являются монголо-тюркские соответствия, в которых наблюдается сохранение согласных в преконсонантной позиции для большей части общеалтайских сочетаний согласных (сохраняющихся в монгольских и в северотунгусских языках, прежде всего в эвенкийском), в то время как в тюркских языках наблюдается тотальная утрата общеалтайских согласных в преконсонантной позиции, которые не оставляют на своем месте никаких рефлексов. Эти закономерности позволяют отождествлять п.-мо. *dürsü(n)* ‘форма, вид’, монг. *дурс(эн)* ‘изображение, вид, форма’ и тюрк. *jü:z* ‘лицо’, а также – при синкопе гласного второго слога и преобразовании вторичного сочетания согласных – также п.-мо. *deresün* ‘камыш’, монг. *дэрс(эн)* ‘чий блестящий’ и тюрк. *jiz* ‘тростник’.

Алтайсты двух поколений буквально уговаривали признать тождество тюрк. *at* ‘лошадь’ и монг. *agta morin* ‘лошадь’, они же долгое время выясняли отношения монг. *elzigen* ‘осел’ и тюрк. *ešäk* ‘осел’, при этом допуская, что монгольская форма могла модифицироваться при заимствовании слова из тюркских языков(!), но в то же время не замечая того, что тюрк. *a:t* ‘имя, слава’ и монг. *aldar* ‘слава, имя’, тюрк. *čocuq* ‘поросенок’ и п.-монг. *zulzaya(n)*, монг. *зулзага(н)* ‘детеныш животных, птенец’ показывают те же самые типы упрощения фонетической структуры слова в тюркских языках по сравнению с монгольскими; и такие соответствия на лексическом материале исчисляются даже не десятками, а сотнями [Бурыкин 1999]. При этом в данном случае и в других примерах, которые будут рассмотрены далее и которые остаются за пределами нашего внимания, долгота гласного в тюркских формах не является компенсаторной, и ее происхождение никак не связано с упрощением консонантной составляющей слов.

Поскольку пара слов *olbu* и *ob* ‘белка-летяга’ по своей фонетической структуре может соответствовать действию данных закономерностей, то есть выглядит как монгольская и соответствующая ей тюркская лексема, нам ничто не мешает полагать, что дублетная форма *ob* как название белки-летяги является в монголь-

ских языках каким-то старым тюркизмом. Самое же интересное заключается в том, что соответствующая тюркская лексема в современных тюркских языках в данном виде не зафиксирована. Для нее в тюркских языках обнаруживаются только «остаточные» параллели, свидетельствующие об утрате непроемной формы, равной корню, ср.: тув. *авырган* ‘белка-летяга’; алт. *бабырган*, хак. *табырган* ‘белка-летяга’ со странными соответствиями в анлауте, которые никак не связаны с межъязыковыми корреспонденциями указанных языков и качественным изменением гласного первого слова (очевидно, вызванным изменением *y>y* во втором слове).

2. Тюркское название горностая и его история в свете внешних данных

Тюркская лексема *as, a:s* ‘горностай’ [ДТС: 59] может рассматриваться как своего рода эталон «простоты» фонетического состава тюркского корня. Это слово представлено практически во всех тюркских языках с зоонимическим значением «горностай, ласка, хорек», то есть названием какого-либо животного из семейства куньих.

Э.В. Севортян, ссылаясь на турецкие и киргизские формы с поствокальным плавным – *ars*, восстанавливая формы **ars* и **arsu* [Севортян 1974: 191], отмечая при этом, что аналогичные формы со значениями «ласка» и «хорек» могли быть заимствованы из арабского языка. Л.А. Покровская выводит форму *a:c* также из *ars*, вслед за Э.В. Севортяном считая долготу гласного в этом слове компенсаторной. А.М. Щербак отождествлял *a:c* ‘горностай’ с якут. *у:c* ‘рысь’ [Щербак 1961: 142], что не имеет под собой оснований ввиду невозможности подобных изменений пратюркского долгого гласного в якутском языке.

Очевидные параллели для тюркского *a:c* ‘горностай’ в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках отсутствуют.

Однако в тунгусо-маньчжурских языках отмечены единичные сходные названия горностая и хорька: эвенк. диал. *амсир* ‘горностай, колонок’, *амчика* ‘хорек’ [ССТМЯ 1, 39а]. Обе эти формы, документированные южными и восточными говорами эвенков Якутии, соответствуют якут. диал. *амсыр* ‘горностай’ и *амчыка* ‘хорек’ и представляются заимствованиями из якутского языка, однако же и приведенные якутские формы не имеют каких-либо параллелей в других тюркских языках, и они сами могли бы рассматриваться как тунгусо-маньчжуризмы, если бы этому не препятствовала недостаточная узлокальная документация эвенкийских слов.

Нам приходилось обращать внимание на дотунгусские – чукотско-корякские и юкагирские субстратные элементы в топонимии Якутии по всей ее территории [Бурыкин 2006, 2011], а также на заимствования из юкагирского языка и чукотско-корякских языков в якутском языке, прежде всего в диалектах, которые нередко относились к «словам неизвестного происхождения». Как можно судить, источником эвенкийско-якутских изоглос в названиях горностая и хорька является чукотское *эмчаокалгын* ‘горностай’. Произношение смягченного сибиланта *с*’ на месте графического *ч* [*эмс’ас’окал’хын*] в целом соответствует тем формам, которые могут определяться как заимствования из чукотского языка или, точнее, какого-то чукотско-корякского языка, близкого к чукотскому.

Представленное здесь сближение объясняет появление якутских и эвенкийских названий горностая/хорька. Но эти изолированные формы – и якут. *амсыр*, и эвенк *амсир* соотносятся с общетюркским названием горностая *a:c* точно таким же образом, как соотносятся друг с другом рассмотренные выше названия белки-летяги *olbu ~ ob*, как формы *dürsü(n)* и *jü:z* и десятки такого же рода иных

примеров. Сказанное заставляет полагать, что название горноста в тюркских языках является заимствованием из «палеоазиатских» (чукотско-камчатских, а именно – чукотско-корякских) языков, при этом в эвенкийско-якутском языковом континууме сохранилась форма, близкая к форме языка-источника, в то время как во всех других тюркских языках это слово претерпело те же самые изменения, что и все остальные слова с фонетической структурой VC1C2VC3, которые за счет преобразований структуры конца слова (видимо, в силу морфологических аналогий) и утраты преконсонантного согласного приобрели структуру VC2, то есть архетип **амсыр* преобразовался в **ас*, с учетом долготы – в **а:c*.

Восстанавливаемая история названия горноста в тюркских языках – интересный пример того, как реконструкция прототюркского языкового состояния, основывающаяся на фактах и данных общеалтайской реконструкции, позволяет рассматривать проблемы иноязычной, заимствованной лексики даже при отсутствии для нее параллелей в других алтайских языках. Что касается разнообразных архаических форм, встречающихся в тюркских языках или монгольских языках как примеры нарушения межъязыковых фонетических соответствий, то их количество вовсе не ограничивается монгольскими дублетными названиями белки-летяги. Как представляется из опыта, решение подобного рода проблем в исторической фонетике и лексике тюркских и монгольских языков без обращения к общеалтайской реконструкции в дальнейшем является бесперспективным.

3. Якут. *саһыл* ‘лиса’ и проблемы этимологии

Якутское название лисы *саһыл* не имеет адекватных параллелей в других тюркских языках. А.М. Щербак, рассматривавший названия лисы в тюркских и других алтайских языках, отметил изолированность этой лексемы и указал на предложенное В.М. Наделяевым отождествление его с общетюркским (в написании А.М. Щербака) *д'ашыл* ‘желтый, зеленый’ [Щербак 1961: 135]. Однако, во-первых, общетюркская форма **jашыл* отсутствует в якутском языке в виде каких бы то ни было рефлексов, хотя в статье словаря Э.В. Севортыяна и усматривается реминисценция статьи А.М. Щербака [Севортыян 1989: 164], во-вторых, для реконструкции изменения семантики **jашыл* в направлении «зеленый» > «желтый» > «лошадь рыжей масти, рыжая лиса» нет должных оснований, в-третьих, трактовка наименования лисы по окрасу «желтый, рыжий» наивна: в языках Сибири различается до семи наименований шкурок лисы по окрасу. Эти несообразности отмечены в недавно появившейся работе М. Стаховского, который тем не менее попытался обосновать данную этимологию якутского названия лисы за счет привлечения значительного числа семантических филиаций «зеленый ~ желтый» в уральских и енисейских языках, предлагая видеть в них ареальное явление, охватившее и якутский язык [Stachowsky 2010: 544-546].

На наш взгляд, разгадка происхождения якутского названия лисы гораздо проще: для якутского языка это субстратная лексическая единица, для которой поиски тюркских параллелей бесперспективны вообще. Якут. *саһыл* < *сасыл* ‘лиса’ как общее наименование лисицы сопоставимо с названием лисы в чукотско-корякских языках, ср. чукотск. *ятъёл*, коряк. *яёл*, диал. *дыдёл*, алюторск. *татул* ‘лиса’. В этом корне двукратно представлен согласный, который реконструируется И.А. Муравьевой как интердентальный D [Муравьева 1979], а О.А. Мудраком – как Š, праформа этого слова восстанавливается как **šašjola* ‘лиса’ [Мудрак 2000: 258]. Данная праформа в ее представленном здесь виде оказывается даже ближе современной якутской форме названия лисы, чем позднейшие формы ряда современных языков – в чукотском языке в форме *ятъёл* наблюда-

ется диссимилиация одинаковых согласных смежных слогов, ср. чавчувенская корякская форма *яёл* ~ *йайол*.

Сделанные наблюдения могут быть ценны сами по себе в плане появления отдельных объяснений монгольских зоонимов или гнездования тюркских зоонимов в том виде, какой был недостижим в рамках собственно тюркологических или традиционных для тюркологической компаративистики знаний в области сравнительно-исторической фонетики.

Однако нам хотелось бы отметить несколько более значимых положений теоретического характера. Идентификация межгрупповых заимствований – монголо-тюркских или тюрко-монгольских, или выявление внутригрупповых заимствований, которые могут быть фактами отражения «паратюркского» или «парамонгольского» языковых состояний становится возможной только благодаря сравнениям анализируемых слов с той системой их реальных или возможных рефлексов, которые дает нам только реконструкция на более глубоком уровне – на общеалтайском уровне. Полное признание общеалтайской реконструкции в любом из ее известных вариантов не только помогает выявлять и изучать заимствованную лексику – здесь нам блестящий опыт дан в монографии А.В. Дыбо [Дыбо 2007], но и служит средством верификации самой реконструкции. При этом мы получаем возможность не только выявлять разного рода лексические заимствования, в том числе заимствования из гомогенных языков, но и описывать такие лексические заимствования, которые проникли в отдельные группы алтайских языков на уровне позднего общеалтайского праязыка. Ни умеренная антиалтаистика – позиция осторожного скепсиса в вопросе об алтайском языковом родстве, ни контралтаистика, то есть упорное отрицание факта родства алтайских языков между собой при отсутствии вразумительных альтернативных генеалогических построений или реконструкций – такими возможностями не располагают.

ЛИТЕРАТУРА

Бурькин А.А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ, 1999. – С.19–42.

Бурькин А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона // Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. – СПб., 2006.

Бурькин А.А. Тофаларская лексика на общеалтайском фоне. Проблемы этимологических исследований лексики одного тюркского языка на фоне генетических и ареальных связей алтайских языков // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Международная научная конференция. Элиста, 11–13 ноября 2009 г. (к юбилею профессора В.И.Рассадиной). – Элиста, 2009. – С.42–47.

ДТС – Древнетюркский словарь. –Л., 1969.

Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. – М., 2007.

Мудрак О.А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. – М., 2000.

Муравьева И.А. Сопоставительное исследование морфонологии чукотского, корякского и алыторского языков / Канд. дисс. – М., 1979.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’. – М., 1989.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1-2. – Л., 1975–1977.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М., 1984.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С.82–172.

Stachowsky M. Is the Yakut Fox Green?, or Remarks on some colour names in Turkic, Uralic and Yenisseic // *En quete de sens. Etudes dediees a Marcela Świątkowska. W poszukiwaniu znaczeń. Studia dedykowane Marceli Świątkowskiej*, J. Gornikiewicz, H. Grzmil-Tylutki & I. Piechnik (eds), – Krakow, Wyd. UJ, 2010. – P. 539–547.

Starostin S.A. Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – The Hague, Mouton, 2003.

***Aleksey A. Burykin. On some names of wild animals in Turkic languages
(to the etymology of isolated vocabulary and assessment of the evolution
of Turkic languages in the context of the Altaistic theory)***

Summary. The article discusses etymologies of the Turkic name for *ermine*, the Mongolian names for *flying squirrel* and their Turkic parallels, as well as the Yakut name for *fox* in the light of external language data.

Key words: etymology, external and internal reconstruction, contacts of Altaic languages, loanwords, Altaistics

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС ЗНАЧЕНИЯ
ПРИ УСЕЧЕНИИ КОМПОНЕНТОВ
(ÇAYLAK > ACEMİ ÇAYLAK > ÇAYLAK)

Шюкрю Халюк Акалын (г. Анкара)

Резюме. В статье предлагается этимология турецкого слова *çaylak* 'коршун.'

Ключевые слова: этимология, метафора, изобразительные слова, межъязыковые соответствия, турецкий язык

В толковом словаре турецкого языка слово *çaylak* 'коршун' поясняется как хищная птица (*Milvus migrans*) размером с курицу, с длинными крыльями, с крючкообразным клювом, охотящаяся на мелких птиц и полевых мышей [Türkçe Sözlük 2011: 508]. В той же статье дается второе, метафорическое значение этой лексемы, которое поясняется словом *toy*. А слово *toy* в этом же словаре интерпретируется как «неотесанный, неуклюжий по причине молодости; неопытный, новичок» [Там же 2011: 2375]. Приобретение словом *çaylak* такого метафорического значения произошло путем укорачивания выражения *acemi çaylak*. Выражение *acemi çaylak* в толковом словаре определяется как «неопытный, незрелый, неумелый человек» [Там же 2011: 8].

Появление у названия такой хищной птицы, как коршун, переносного значения «неопытный, юный, неумелый» весьма интересно. В некоторых фразеологических словарях указывается, что причиной возникновения данного выражения является тяжелый вес и крупные, в шестьдесят сантиметров, габариты коршуна, что делает обучение его птенцов умению летать длительным, а также неуклюжесть птенцов, их частые падения на землю при попытках взлететь [Çizmeciler 2002: 42, Gündüzalp 2010: 131].

Так ли это на самом деле? В энциклопедических источниках сообщается, что коршун является птицей совершенно не тяжелой, и даже, наоборот, имеет стройное тело и маленькую головку, с коротким клювом, с длинными и узкими крыльями. Также говорится, что полет коршунов энергичный, в воздухе они парят, мягко взмахивая крыльями, держа их в V-образной форме [Ana Britannica 1994: 36]. В источниках отсутствует информация о длительном обучении птенцов коршуна. Если бы такая информация имела, выражение *acemi çaylak* также встречалась бы в древних источниках. Тогда как в действительности, в турецких исторических источниках слово *çaylak* в значении «неопытный, незрелый, неуклюжий» не встречается. К тому же данное метафорическое значение у этого слова не отмечено и в других тюркских языках. Напротив, слово *çaylak* в словарях конца XIX в. определено как *kaparozcu* 'грабитель; отобравший имущество насильно, не соблюдая правил; карманник', *tamahkâr* 'алчный', *gedaçeşm* 'с глазами попрошайки'.

Например, Ahmed Vefik Paşa слово *çaylak* в «Lehce-i Osmanî» определяет следующим образом: «*çaylak Bağırgan kuş, Türkîde avcı kuş ... Kaparozcu, gedaçeşm*».

После этих определений он приводит пример:

Çakır atmaca şahin alır şikâr

Uçar gökte çaylak kuşu hâr u zâr [Ahmed Vefik Paşa 1293/1876: 469].

Şemseddin Sami-bey в «Kamus-ı Türkî» дает такое значение: «*çaylak Maruf bir cins avcı kuş. Mecazen kaparozcu, tamahkâr, gedaçeşm*» [Sami 1318/1901: 505].

Этимология слова *çaylak*.

Коршун, судя по словарю Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрк», именовался огузами *teñilgüç ~ teñelgüç*, а другими тюрками как *teñilgün ~ teñelgün* [Kâşgarlı Mahmud 2008: 613/14], в турецком языке османского периода последний термин приобрел форму *dülengeç ~ divlenceç* и стал названием птиц типа «жаворонков и трясогузок» [Sami 1318/1901: 633]. Это слово используется и в современном турецком языке. На территории Анатолии слово *çaylak* зафиксировано в известном словаре Менинского [Tulum 2011: 517].

Совершенно ясно, что слово *çaylak* тюркского происхождения. Этимология слова *çaylak* в турецком языке связана с звукоподражанием *çağ ~ çav ~ çay* [Eren, 1999: 82, Nişanyan 2009: 105, Nişanyan 2007: 225].

Махмуд Кашгари указал, что слово *çab* является звукоподражательным, этот корень встречается в глаголах *çağıla- ~ şağıla-* ‘шуметь, клокотать (о воде)’, он приводит пример *suw çağıladı* ‘вода клокотала’ [Kâşgarlı Mahmud 2008: 586]. Этот корень в некоторых тюркских языках встречается в значении «громкий шум, крики»; в шорском языке он входит в состав глагола *şagla-* ‘материть, ругать’ [Kurpeško-Tannagaşeva, Akalın 1995: 99].

Эвлия Челеби, опираясь на легенду о Всемирном потопе, писал о том, что коршун издает звуки не только при полете, но и при спаривании: «*Cemî tuyûr, keşti-i Nuh'un direkleri ve serenleri üzre meks etmişlerdi. Mürg-ı çaylak dahi cima sabr etmeyüp cima ederken feryad etmesi ol zamandan kalmışdır*» [Evliya Çelebi: 213].

Все эти данные указывают на то, что слово *çaylak* происходит от корня со значением «громкий звук», что во времена Махмуда Кашгари у него имелись варианты в виде *çağıla- ~ şağıla-*, что в турецком языке анатолийского периода корень существовал в составе таких слов, как *çağır-* ‘орать, выкрикивать’, *çağlağan* ‘вода, текущая с шумом’, *çağlağ* ‘водопад’, *çağlağlık* ‘течение воды с шумом’, *çağnamak* ‘выкрикивать, кричать’, *çağnat çağnat* ‘журча’, *çağnaşmak* ‘говорить’, *çağrışdurmak* ‘заставлять орать’, *çağı* ‘журчание, шум’, *çağşatmak* ‘бренчать, звенеть’, *çakçaka* ‘камень, издающий звуки в жерновых мельницы’, *çakıldak* ‘флюгер на бахче, пугающий птиц своим звуком’, *çakıldı ~ çakırdı* ‘звук звяканья и стука’, *çalgi* ‘музыкальный инструмент’, *çanğı* ‘разговор’, *çap çap* ‘звук чавканья’, *çav* ‘громкий шум’, *çavır* ‘объявление, анонс’, *çavlanmak* ‘славиться’. Имеются также лексемы, производные от этого корня с узким гласным: *çığıldı* ‘крик’, *çığırmak* ‘орать, кричать, пригласить’, *çigu* ‘крик, выкрик’ *çınramak* ‘звенеть’ и так далее [Tarama Sözlüğü].

В современном турецком языке в таких словах, как *çağıl çağıl*, *çağıldamak*, *çağıltı*, *çağıltılı*, *çağırmak*, *çağıırım*, *çağırış*, *çağıрма*, *çağılamak*,

çağlayan, çağrı, çakıl çukul, çakıldak видны явные следы звукоподражательной основы [Türkçe Sözlük 2011].

В производном слове *çaylak* использован суффикс *-la+k > -lak* [Eren 1999: 82, Nişanyan 2009: 105, Gülensoy 2007: 225]. Этот суффикс, как видно из нижеследующих примеров, используется также в словах: *bağırtlak* 'чирок', *bügelek* 'слепень', *cırlak* 'сверчок', *daylak* 'верблюдица', *emlek* 'ребенок или детеныш животного в период выкармливания грудью', *taylak* 'жеребенок или верблюжонок'; он используется для образования названий животных или насекомых и вносит в их значение уменьшительно-ласкательный оттенок.

Предположение А. Титце о том, что рассматриваемое нами слово могло произойти от слов *çaylak* в значении «животное с широко расставленными рогами, лошадь с большим промежутком между ногами» или *çaynak* в значении «с искривленными ногами и руками», встречающихся в глоссарии «Derleme Sözlüğü» [Tietze 2002: 486], не может быть принятым по семантическим основаниям. Данные физические характеристики в указанных словах несовместимы с особенностями строения тела птицы.

Наличие в шорском языке слова *şaylak* 'чайка' и в тоболо-иртышском диалекте языка сибирских татар¹ *çaylan* 'коршун' [Räsänen 1969: 95] доказывает, что рассматриваемое слово используется и за пределами турецкого языка.

Откуда пришло выражение асепи çaylak. Самым ранним источником, зафиксировавшим выражение *асепи çaylak* в значении «используется в шутку для выражения неумелости кого-либо», является первое издание толкового словаря турецкого языка, появившееся в 1943 г. в мягкой обложке и переизданное 1945 г. в жестком переплете [Türkçe Sözlük 1945: 02]. Однако начало использования этого словосочетания в турецком языке приходится на полвека раньше его фиксации в словаре. В XIX в. в Османской империи служащих, ответственных за извещение сановников о присвоении им званий или о наградах, называли словом *çaylak* [Pakalın 1983: 339]. В настоящее время данное значение слова *çaylak* в словарях не зафиксировано, отныне оно упоминается только как исторический термин.

Вот что пишет Решат Экрем Кочу об обязанностях служащих при визириате в Османском государстве, именуемых *çaylak*: «это прозвище, даваемое категории молодых служащих, появившихся в управленческом аппарате при османском правительстве после расформирования организации Янычар в 1826 году и при создании новой системы организации государства. Почти все они были молодыми людьми из провинции, с правильными чертами лица, с эффектным телосложением, энергично и до конца выполнявшие поставленные перед ними задачи, к тому же они часто являлись самыми ближайшими родственниками прислуги, работавшей при визириате. А некоторые из них даже приходились сыновьями или младшими братьями... Когда находящиеся в Стамбуле высокие чины, министры, сановники назначались на новую должность или же получали повышение или награду, но при этом официально еще не были уведомлены об этом, однако, как только становилось известным об одобрении в последней инстанции, ин-

¹ В этимологическом словаре Х. Эрена вместо «тоболо-иртышского диалекта» указано «татарский» [Eren 1999: 82], между тем в толковом словаре татарского языка нам не удалось обнаружить это слово [Татар 1981].

формация об этом тайно сообщалось одному из *çaylak*'ов; и он сразу же доносил хорошую новость лицу, получившему назначение, награждение или повышение, а взамен получал от того вознаграждение» [Коçu 1963: 3800].

Этих служащих не без оснований называли *çaylak*. *Çaylak* выбегал из здания визириата, чтобы сообщить новость получившему назначение человеку, и кричал об этой вести в местах большого скопления людей вдоль его пути. *Çaylak*'а, бегущего вскрикивая во весь голос, словно коршун, тоже ждали с нетерпением в доме сановника, жаждущего повышения или назначения. Люди, ожидавшие такую весть, приговаривали *Gözümüz yolda, kulağımız çaylakta* 'Глаза наши на дороге, уши наши на чайлаке'.

Недавно поступившие на службу и работавшие под началом прислуги у визирей *çaylak*'и, которые не могли достаточно громко объявить и вовремя донести ожидаемую весть до людей, стали неизбежно называться *acemi* 'новичок, новенький'. Иными словами, выражение *acemi çaylak* возникло не по аналогии с полетом птицы, а от нерасторопности курьеров, находившихся на службе при визириате в Османском государстве.

В распространении этого выражения в литературном языке большую роль сыграла пьеса «*Acemi Çaylak*», поставленная в театре Рашида Рызы вечером 13 января 1932 г. Спустя два года после постановки этой пьесы употребление указанного словосочетания в письменном языке было зафиксировано в газете, датированной 17 февраля 1934 г. Однако со временем слово *acemi* выпадает, а его значение переходит ко второму компоненту словосочетания, т.е. *çaylak* стало непосредственно выражать значение «начинающий, неопытный, незрелый» [Devellioğlu 1955: 77].

ЛИТЕРАТУРА

- Ana Britannica*. – İstanbul: Ana Yayıncılık AŞ, 1994, Cilt 9.
- Ahmed Vefik Paşa*. Lehce-i Osmanî. Cilt 1. – İstanbul: Tabhane-i Âmire, Hicri 1293 [Miladi 1876].
- Çizmeciler Osman*. Ünlü Deyimler ve Öyküleri. 2. Baskı. – İstanbul: Kastaş Yayınevi, 2002.
- Devellioğlu, Ferit*. Türk Argosu. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1955.
- Eren Hasan*. Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. – Ankara, 1999.
- Evliya Çelebi*. Seyahatname. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Bağdat Köşkü nüshası, C.IV.
- Gündüzalp Selim*. Dillerde Dolaşan Deyimlerin Gerçek Öyküleri: Deyimler ve Öyküleri. 8. Baskı, Cilt 4, – İstanbul: Zafer Yayınları, 2010.
- Kâşgarlı Mahmud*. Kitabı Divanu Lugati't-Türk. Tıpkıbasım. – İstanbul: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2008.
- Koçu Reşad Ekrem*. İstanbul Ansiklopedisi, Cilt 7, İstanbul: Ercan Matbaası, 1963.
- Kurpeşko-Tannagaşeva Nadejda, Akalın Şükrü Halûk*, Şor Sözlüğü. – Adana: Türkoloji Araştırmaları Yayınları, 1995 .
- Nişanyan Sevan*. Sözlerin Soyağacı. 4. Baskı. – İstanbul: Everest Yayınları, 2009.

Nişanyan Sevan. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2007.

Pakalın Mehmet Zeki. Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü. 3. Baskı. – İstanbul: Devlet Kitapları, 1983.

Räsänen Martti. Versuch eines Etymologischen Wörterbuches der Türksprachen // Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XVII, 1. – Helsinki, 1969.

Şemseddin Sami. Kamus-ı Türkî. Cilt 1. – İstanbul: İkdam Matbaası, Hicri 1318 [Miladi 1901].

Tarama Sözlüğü. Türk Dil Kurumu Yayınları. – Ankara .

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Казан, 1981, Т.3.

Tietze Andreas, Tarihi ve Etimolojik Türkiye Türkçesi Lûgati // Simurg Yayınları. – İstanbul-Wien, 2002.

Tulum Mertol. 17. Yüzyıl Türkçesi ve Söz Varlığı. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2011.

Türkçe Sözlük. 1. Baskı. – İstanbul: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1945.

Türkçe Sözlük. 11. Baskı. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2011.

***Şükrü H. Akalın.* Metaphoric transfer of meaning by reduction
of components (ÇAYLAK > ACEMI ÇAYLAK > ÇAYLAK)**

Summary. The article deals with the etymology of the word *çaylak* 'kite'.

Key words: etymology, metaphor, figurative speech, cross-language correspondence, Turkish language

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ****МУЗЫКАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТРИЛОГИИ А.Х. ТАНПЫНАРА
«МАХУР БЕСТЕ»
(РОМАН «ПОКОЙ» КАК ЧАСТЬ ТРИЛОГИИ)**

А.С. Аврутина (г. Санкт-Петербург)

Резюме. В статье дается анализ творчества одного из классиков турецкой литературы XX в., Ахмеда Хамди Танпынара. Его роман «Покой» считается одним из ярких турецких романов новейшего времени. Роман является частью задуманной писателем в 1942 г трилогии: «Напев «Махур» (Mahur), «Покой» и «Все, что за сценой». Модернист Танпынар – сложный для понимания и толкования автор: столь насыщен и разнообразен язык его символов. Роман «Покой» – первое в турецкой литературе произведение, в котором затронута проблема европеизации турецкого общества, поданная с использованием принципов модернизма

Ключевые слова: Ахмед Хамди Танпынар, турецкий роман, турецкая проза, «Покой», «Махур Бесте», дастгах, маканат, макаменная традиция, модернизм

Ахмед Хамди Танпынар (1901–1962), вероятно, самый непредсказуемый автор турецкой литературы XX в. Конфликт Востока и Запада, традиционного и нового, возможность и целесообразность попыток повернуть время вспять – вот главные темы романов Танпынара. В Турции особенно популярны два его романа – «Покой» и «Институт настройки часов».

Роман «Покой» – первое в турецкой литературе произведение, в котором с использованием принципов модернизма затронута проблема европеизации турецкого общества. Действие его начинается в 20-е годы XX в. – это время борьбы с интервентами в Анатолии и начало освободительного движения – и продолжается до 1950-х гг. Написанный в классической манере роман разделяется на части; повествование ведется от лица разных персонажей; происходят скачки во времени и в повествовании, отчасти, в фолкнеровской манере – от персонажа к персонажу. Главный герой романа Мюмтаз – молодой историк, который является представителем промежуточного, переходного поколения, поколения на стыке культур. В вопросах личного счастья и социальной ответственности Мюмтаз ищет ответ на вопрос: какая жизнь ему ближе – современность постепенно европеизирующегося общества, которое с каждым днем теряет свои национальные черты, либо традиции прошлого. Ответа на свои вопросы он не находит ни в религии, ни в любви, ни в западной культуре.

Критики, литературоведы и читатели нередко упускают из виду один знаменательный момент, важный для понимания столь непростого произведения, как «Покой»: роман является частью трилогии, задуманной писателем в 1942 г.

Первым романом данной трилогии и первым романом Ахмеда Хамди Танпынара был роман «Напев Махур» («Mahur Beste») (полностью опубликован в 1975 г.). В отрывках роман был опубликован в Турции в 1944 г. (в газете Cumhuriyet) и является, как и многие произведения Танпынара, незаконченным. Следующими частями трилогии стали романы «Покой» («Huzur») (1949) и «Все, что за сценой» («Sahnenin Dışındakiler»), первая публикация в отрывках – 1950 г., полное издание – 1973 г.).

Первый роман посвящен автору настоящего «Напева Махур», одному из самых известных авторов Османской империи, блистательному композитору «Эпохи Тюльпанов» Эйюби Абу-бекиру Аге, жившему в Стамбуле и творившему в первой половине XVIII в.¹ Однако в романе эта мелодия представлена как произведение выдуманного персонажа, Талат-бея, и начинается она словами одной известной газели Нешати.

В следующем романе «Покой» (который тоже публиковался в отрывках в газете Cumhuriyet с февраля по июнь 1948 г.), мотив «Махур Бесте», мелодия из репертуара классической османской музыки, олицетворяющая великую культуру исчезнувшей империи, также является лейтмотивом всех событий.

В третьем романе «Все, что за сценой», написанном в 1955 г., а опубликованном в 1973 г. уже после смерти Танпынара, эта мелодия тоже как бы звучит за кадром, сопровождая героев в их повседневной жизни в период становления Турецкой Республики и оставаясь символом ушедшей эпохи. Хронологически роман затрагивает время национально-освободительного движения в Анатолии, повествуя о жизни людей из различных слоев общества: как стамбульской интеллигенции, так и простых людей.

Для турецкой литературы второй половины XX в. не типична столь тесная связь с музыкой, хотя именно в этих трех романах и особенно в романе «Покой» среди перечисляемых автором символов ушедшей эпохи традиционная османская музыка фигурирует едва ли не на первом месте, конкурируя здесь с османской поэзией, а еще со столицей ушедшей империи – великим Стамбулом, каждая улица которого в романе представлена как памятник того или иного исторического события.

Говоря о реверансах в сторону османской музыкальной традиции как в трилогии в целом (которую исследователи иногда условно именуют «Махур Бесте» – «Напев Махур»), так и в романе «Покой» в частности можно было бы усмотреть отсылки к профессиональной музыкальной устной традиции, реализуемой в мистических радениях и в устной музыкальной практике.

Для начала хотелось бы сказать несколько слов о классической музыкальной традиции Востока, так как, обращаясь к биографии Танпынара, мы узнаем, что приблизительно в 1933 г. друг и коллега писателя по творческому цеху, ценитель классической османской музыки, поэт Яхья Кемаль (Бейатлы) (1884–1958) впервые отвел Ахмеда Хамди в архив Стамбульской консерватории [Пылев 2011: 53]. Там, по воспоминаниям писателя, они несколько раз слушали на пластинке мелодию «Нева-кяр», созданную выдающимся османским композитором XVII–XVIII вв. Итри, которая стала одним из главных произведений репертуара классической османской музыки [Окау 2010: 25]. (нева –

¹ «Махур Бесте» композитора Эйюби Абу-бекира Аги можно послушать по следующему адресу: <http://www.youtube.com/watch?v=j1L5OIX8MHs>, доступ: 10.04.13.

так называется один из мотивов, употребляемых в дастгахе Махур, а кяр – один из распространенных жанров макампной традиции; однако музыковедческие термины, связанные с пониманием авторского замысла, будут рассмотрены ниже).

Именно с этого времени начинаются регулярные посещения Танпынаром консерваторского архива и любовь к классической османской музыке, нашедшая отражение в большинстве его поэтических и прозаических произведений, а также в некоторых его научных статьях. Можно даже сказать, что музыкой он занимался почти профессионально. Известно, что выступая на радио в передаче, посвященной творчеству Яхьи Кемалы и турецкой классической музыке, Танпынар даже обозначил три программных произведения, которые, по его мнению, определили всю историю развития османской музыки [Kerman 2010: 144]: среди этих произведений было названо и «Нева-кяр» Итри.

Прежде чем анализировать связи художественной литературы и музыки, следует прояснить некоторые детали, связанные с ближневосточной традиционной музыкальной системой – с искусством «макамат». Данный термин обозначает особую музыкальную практику профессиональной музыки устной традиции (передаваемой от учителя-мастера ученику), существующей в культуре народов Ближнего и Среднего Востока. Датировка данной традиции носит дискуссионный характер. Ряд исследователей полагает, что эта традиция зародилась одновременно в разных регионах Ближнего Востока еще в сасанидское время и проникла в исламскую культуру приблизительно в VII в. во время арабского завоевания Ирана. Другие исследователи относят зарождение искусства «макамат» к X–XII вв. – периоду, крайне важному для всех сфер искусства арабского халифата. Поскольку именно в это время власть халифа ослабевает и государство распадается на ряд независимых областей, контакты соседствующих народов возрастают, и это приводит к бурному развитию ремесел и экономики, и – как следствие – к перевороту в общественном сознании, нашедшему отражение в философской мысли, искусстве, литературе. Исследователи, склоняющиеся именно к столь поздней датировке возникновения «макамной» традиции, апеллируют к факту, что именно к этому времени относятся первые упоминания о ней в произведениях художественной литературы; например, в поэме «Хосров и Ширин» Низами (XII в.), в трактате «Китаб ал-адвар» Сафи ад-дина (XIII в.) [Джани-заде 1984: 5].

Искусство «макамат» нашло выражение в ряде форм, наиболее известными из которых являются: персидский «дастгах», арабский «макам», азербайджанский «мугам» и другие. Осмысление творческих процессов в данной традиции опирается на два важнейших принципа: соблюдение канона и импровизацию [Джани-заде 1984: 2–4]. Несмотря на обширную традицию теоретических описаний макама, восходящую к трудам Урмави (XIII в.) и Мараги (XIV в.), нотированные записи старинных макамов отсутствуют. Теории турецкого макама и попытки нотирования его (в европейской системе пятилинейной тактовой нотации) возникли довольно поздно, в XIX в. Аналогичные теории и попытки нотации азербайджанского мугама были предприняты в XX в. Музыкальная нотация макама до сих пор не унифицирована.

Главным элементом, репрезентирующим исполняемый макам, является лад-макам. Тонально-пространственные параметры структуры музыкального произведения, связываемые главным образом с макамом, определяют его экспрессию, выступают в качестве его основной темы [Там же: 9].

Знатокам ближневосточной музыки свойственно весьма образно описывать в своих трудах те или иные термины. Например, музыковед XIX в. из Азербайджана Навваб Карабаги (из Шуши), основываясь на трудах того же Урмави и

Мараги, в своей брошюре «Визух ил-аргам» («Объяснение музыкальных терминов») сравнивает музыкальную культуру народов Ближнего Востока с двенадцатиколонным сооружением, с высоты которого открывается вид на все четыре стороны света: от Андалусии до Китая и от Средней Африки до Кавказа [Гаджибеков 1945: 10].

Обращение к исполнительской форме «дастгах» в рамках макаменной традиции (этимологию слова «дастгах» возводят к позиции (gāh) руки (dast) на грифе струнного инструмента) вызвано тем, что данная форма позволяет сочетать звуковой материал инструментальных макамов-соло, с поэтическими произведениями, что позволило выйти исполнителям за рамки музыкального искусства и обратиться к литературе. Таким образом, можно утверждать, что дастгах (наиболее полная композиционная версия макама, вокально-музыкальное произведение) является как бы отражением всего эстетического опыта народов мусульманского Востока [Джани-заде 1984: 12].

Обозначение дастгаха традиционно даётся по ладу, которым начинается и заканчивается музыкальная композиция, так что термин «дастгах» может относиться и к модальному ладу, и к целостной композиции на основе данного лада (хотя соотношение европейского термина «лад» и «дастгах» является не совсем точным). Часто каждой из исполняемых в дастгахе газелей соответствует одна область ладового звучания (макам), а вместе со сменой газели происходит смена макама [Джани-заде 1984: 18].

Считается, что существует семь основных дастгахов и еще пять производных от них. Среди основных дастгахов находится и «Махур». Происхождение этого невероятно популярного и по сей день на Ближнем Востоке дастгаха (его вариант Махур-хинди распространен в Азербайджане, а Хесар-е Махур, с совсем другим звукорядом, – в Иране) связывают с городом Махур. Таких города два, в Иране и Индии: но именно иранский город чаще всего упоминается в различных традиционных музыкальных трудах.

Почему же именно Махур, «Dastgah-e Mahur» был выбран Ахмедом Хамди в качестве основного лейтмотива трилогии?

Относительно дастгаха Махур написано немного, но удалось установить следующее: звукоряд лада Махур близок европейской мажорной гамме (и распространенному у всех исламизированных народов, в том числе у турок, ладу Рафт) с центрацией на тоне «до» первой октавы, но с мелодическим обыгрыванием (особенно в импровизационных формах, как в дастгахе, так и мугаме) следующей за «до» ступени – «ре» первой октавы. Кроме того, интервальная структура Махура (единственного из всех дастгахов, имеющих отличную, как уже говорилось, от европейской системы нотацию) соответствует интервальной структуре основных ладов в западной классической музыке.² И хотя всего дастгахов двенадцать (либо семь при более строгом подходе), таких свойств не имеет больше ни один из них. Кроме того, структура этого дастгаха такова, что притом, что он сохраняет все отличительные черты, свойственные остальным дастгахам (финалисы, интервальная структура, модальная структура), ни одна мелодия не может сохранять чистоту этого лада. Видимо поэтому мелодия «Напев Махур» («Махур Бесте»), написанная в XVIII в. знаменитым композитором «Эпохи тюльпанов» Эйюби Абу-

² Автор весьма признателен музыковеду Т.М. Джани-заде, признанному специалисту по музыке мусульманского Ближнего Востока, за сведения по данному вопросу, полученные в личной консультации.

бекиром Агой, была своего рода революцией в традиционной османской музыке.

В романе «Покой» Танпынар демонстрирует глубокую связь между музыкой, внутренним миром человека и цивилизацией. Например, в отрывке:

«Тевфик-бей подал рукой знак:

- Погодите, сейчас я попробую свой голос! – он улыбнулся Ихсану, словно бы говорил: вернемся в прежние дни. И затянул мелодию «Нева-кяра».

Это был гимн Итри. Нуран, глядя на странный блеск в глазах дяди, рукой отбивала такт по коленке.

Ихсан тихо подпевал ему, как, бывало, в дни Перемирия, когда Тевфик-бей навещал его в городской тюрьме.

После того, как смолкли последние переливы макама, заключенные в первых фразах и хранившие хрустальные переливы основной мелодии, Тевфик-бей замолк, а потом вздохнул:

- Сколько лет я уже не пел. Сейчас словно прошел по следам собственного голоса. Остальное я совершенно забыл.

Нуран с Мюмтазом были растеряны, словно побывали где-то в далекой стране и вернулись.

Они никогда не слышали, как силен голос Тевфика-бея, налившийся мощью в мелодии Итри. Казалось, какая-то неизвестная птица соорудила сказочный дворец из разлива огромной реки, из разлива яркого света. Но, что самое чудесное – все это, все то, что их окружало, внезапно менялось под властью композитора!

- Тевфик-бей, может, вы соизволите исполнить нам и Махур Бесте?

Тевфик-бей проворчал:

- Махур Бесте? – он насмешливо посмотрел на Мюмтаза. – Ну хорошо... Только тихо... - и он в самом деле принял тихонько нащупывать голосом ноты дастгаха, а затем внезапно его голос взмыл ввысь.

Теперь больше не чувствовалось роскоши Итри, это было что-то совсем другое; все сразу почувствовали одно и то же. Словно бы каждый из них был заключен в крохотную пещеру в таинственной скале. Ихсан подумал: «Итри так сближает! Но и Махур прекрасен». Какое-то время он молчал; он чувствовал все ту же несвободу, а потом сказал:

- Из некоторых вещей очень трудно выйти.

Мюмтаз отозвался:

- Да, трудно... Иногда бывает так трудно, что я спрашиваю себя, кто мы.

- Мы – эти старинные мелодии. Мы – эти Нева-кяры. Мы – эти Махур Бесте! Мы – их формы жизни в нас, на которые они же нас и вдохновили. Вот, кто мы такие...» [перевод автора статьи; см.: Танпынар 2013: 286].

Романы «Покой», «Махур Бесте» и «Все, что за сценой» объединяет именно этот мелодический поток. Нуран, в которую влюблен Мюмтаз, главный герой романа «Покой», в «Покое» и «Махур Бесте» является внучкой вымышленного автора «Махур Бесте», Талат-бея. Кроме того, в романе «Покой» автор рассказывает вымышленную историю создания мелодии:

«Махур Бесте» была написана дедом Нуран, Талат-беем. История ее появления превратила его персону среди членов их старинной семьи, несколько поколений которой появилось на свет в результате родственных браков, в зловещий призрак эпохи Танзимата. Это странное произведение запомнилось всем.

Ведь «Махур Бесте», скорее, напоминала полный горечи крик, который, как и в других похожих мелодиях, будучи единожды услышанным, не отпускает человека. История создания произведения была озаглавлена зловещим приключением. Жена Талат-бея, Нурхайят-ханым, сбежала с любовником, одним египетским майором, и тогда Талат-бей, любитель музыки Мевлеви, написал это произведение. На самом деле ему хотелось написать фасыл для мевлеви. Но

как раз в это время из Египта вернулся один его друг и сообщил о том, что Нурхайят-ханым внезапно умерла. Позднее он узнал, что эта смерть, оказывается, случайным образом произошла в ту ночь, когда он закончил свое произведение» [Там же: 189].

У А. Х. Танпынара есть стихотворение (1933 г.), которое считается знаковым в его творчестве. В этом стихотворении автор грустит о том, что поток времени невозможно разделить на фрагменты: *Ne içindeyim zamanın / Ne de büsbütün dışında.*

Поскольку хронологически это стихотворение появилось в 1933 г. раньше его крупных прозаических произведений, считается, что именно оно выразило, так сказать, временную эстетику А.Х. Танпынара. Взгляды, временные схемы и символы, определенные этой эстетикой, появляются во всех его произведениях: и в его немногочисленных стихах, и в рассказах, и в романах. Вообще игры со временем, отдаленно напоминающие фолкеровскую манеру, свойственны его произведениям. Например, один из главных героев романа «Махур Бесте» Бехчет-бей имеет свойство как бы носить за собой повсюду свое время, жить в собственном времени. Это происходит не только потому, что герой часто спит, а потому, что он ощущает себя как бы между двумя эпохами. В связи с этим автор награждает его эпитетом «*mahtun*», который переводится как «опьяненный, сонный, мечтательный» и который неспроста созвучен со словом «махур». Похожие эксперименты со временем можно встретить и в «Покое», и в романе «Все, что за сценой», и в отдельном романе «Институт настройки часов» (1954).

Еще один мотив творчества Танпынара, характерный для данной трилогии, выявился в раннем рассказе «Адам и Ева», в котором говорится, как Адам и Ева были навечно разлучены после грехопадения и искали друг друга всю жизнь на земле. В рассказе показано, как первые люди впервые стали заложниками рока, судьбы, предопределения. Тема злого рока, предопределения, с которым невозможно ни бороться, ни примириться, получила отражение и в трилогии. Героиня романа «Все, что за сценой» произносит такие слова: «...*sizler öyle seversiniz. Uzaktan ağlamak için*», выражая тем самым протест с невозможностью воссоединения, с нежеланием смириться с судьбой. Эта тоска по потерянной любви, расставание, бесконечный поиск любви, поиск себя, тоска о былом, о котором невозможно забыть, определяет бесконечный процесс, в котором участвуют все без исключения герои трилогии – и, по ощущениям автора, – одновременно все жители, все «потомки» погибшей империи. Так, герой романа «Покой» также ищет по всему Стамбулу покинувшую его возлюбленную Нуран, не желая смириться с ее уходом, но гуляя по улицам, где они бродили вместе, вспоминает не только свою возлюбленную, не только прошедшие минуты счастья, но и безвозвратно ушедшие в прошлое великие исторические события, связанные с этими улицами.

В данной трилогии есть еще и другие музыкальные мотивы, объединяющие эти три романа, хотя обычно их издают и читают по отдельности. Здесь мы намеренно не упомянули об образе Стамбула, об образе исчезнувшей империи – это тема отдельной статьи.

Читая каждый из трех романов, замечаешь, что они – одно целое, именно благодаря музыке. Роман «Махур Бесте» в чем-то даже напоминает оркестр, который исполняет свою мелодию силами экспериментирующего со временем, терзаемого внутренними голосами главного героя, Бехчет-бея. Несмотря на близость сюжетов и родство персонажей, несмотря на соседство рассматриваемых эпох, именно классическая османская музыка, именуемая нетурецким словом «*musiki*», является главным мотивом, ставшим основой трилогии.

ЛИТЕРАТУРА

Гаджибеков У. Основы азербайджанской народной музыки. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1945.

Джани-заде Т.М. Азербайджанские мугамы. Проблема музыкального мышления в искусстве «макамат» / Автореф. дис. ... канд. искусствоведения (искусствоведение. 17 00.02 – музыкальное искусство). – М., 1984.

Пылев А.И. Ахмед Хамди Танпынар и его роман «Спокойствие» (о некоторых стилистических особенностях формы и содержания произведения) // Вестник СПб. ун-та. Сер. 13. Вып. 3, декабрь. 2011.

Танпынар А.Х. Покой / перевод с турецкого А.С. Аврутиной. – М.: Изд-во Ad Marginem, 2013.

Kerman Z. Ahmet Hamdi Tanpınar'da Resim ve Musiki: Mahur Sularında Tutuşan Gemi // Ahmet Handi Tanpınar. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2010.

Okay M. O., Zamanın İçinde ve Dışında bir Hayat Hikayesi // Ahmet Handi Tanpınar. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2010.

Apollinariya S. Avrutina. Music motives in the trilogy “Mahur Beste” of A.H. Tanpınar (the novel “A Mind in Peace” as a part of the trilogy)

Summary. The article is dedicated to literary works of a cult figure in the Turkish literature of the 20th century, the Turkish writer Ahmet Hamdi Tanpınar. His most famous novel “A Mind in Peace” written in modernist traditions and recently translated into Russia by the author of this article, is considered to be one of the greatest Turkish novels of the present time. Tanpınar is one of the authors who are most difficult to perceive and analyze, his style combining modernism and symbolism. Symbols used in his novels emerge from historic cultures and literary traditions, being both elements of the gone Ottoman Empire and modern Eastern and Western Culture. The famous “musical” trilogy “Mahur Beste” unites 3 novels, and “A Mind in Peace” is one of them. This trilogy was planned in 1942. Its first novel “Mahur Beste” was first published in extracts in 1944. An analysis of musical motives in the trilogy as its main leitmotif uniting all the three novels and determining the specific style of the novel “A Mind in Peace” is the aim of this article.

Key words: Ahmet Hamdi Tanpınar, Turkish novel, Turkish literature, “A Mind in Peace”, “Mahur Beste”, maqāma, dastgāh, maqāmāt tradition, modernism.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
КОМПОНЕНТА В РОМАНЕ ЭЛИФ ШАФАК «ОТЕЦ И ВЫРОДОК»**

М.М. Репенкова (г. Москва)

Резюме. В статье на примере одного из самых известных романов турецкой писательницы Элиф Шафак «Отец и выродок» (2006) рассматривается трансформация национально-культурного компонента в постмодернистском тексте «без берегов». Доказывается, что национальное теряет замкнутость и стабильность, на равноправной основе соединяется с инонациональным. Идея совмещения несовместимого и примирения непримиримого воплощается Элиф Шафак в гибридно-цитатном знаковом образовании (симулякре) турецко-армянской семьи, в которой национальное выступает лишь как составная часть полинациональной культурной общности, без неё не существующей.

Ключевые слова. Элиф Шафак, роман «Отец и выродок», национально-культурный компонент, нарративная модификация, турецкий постмодернизм, симулякр

Представительница «второй волны» турецкого постмодернизма (Ихсан Октая Анар, Хасан Али Топташ, Кюрушат Башар, Перихан Магден и др.) Элиф Шафак (род. в 1971 г.) – писательница, пишущая на турецком и английском языках, выступающая одновременно переводчиком собственных художественных текстов. Её произведения¹ насыщены различными иноязычными заимствованиями (имена людей, топонимы и т.п.). Но этим она не ограничивается. В своих турецкоязычных произведениях Э. Шафак часто использует слова, обороты, цитаты на английском, французском, немецком, армянском и др. языках, что придаёт её творчеству дух космополитизма, нового глобализационного мировидения. В порядке вещей для Э. Шафак давать своим персонажам полинациональные имена. Писательница изменяет их имена на разные национальные лады в течение романного действия, в зависимости от той национально-культурной среды, в которой они живут. Так, героиня романа «Отец и выродок» Шушан Истанбулиян последовательно превращается в Шермин 626, затем в Шермин Казанджи и, наконец, в Шушан Чакмаджиян. Сын Шушан Левон становится Левентом, внучка Армануш матерью-американкой переименовывается в Эми, а сама Армануш, общаясь с друзьями по интернет-кафе называет себя «Мадам. Моя душа-изгнанница». В том же романе писательница часто наделяет персонажей с турецкими или армянскими именами и фамилиями американским гражданством. Например, Мустафа Казанджи, сын Левента Казанджи переезжает из Стамбула в Аризону, женится на американке и двадцать лет не общается

¹ Э.Шафак является автором восьми романов – «Пинхан» (Pinhan, 1997), «Зеркала города» (Şehrin Aynaları, 1999), «Запретный» (Mahrem, 2000), «Блошиный рынок» (Bit Pahası, 2002), «Чистилище» (Araf, 2004), «Пять к пяти» (Beşbeşe, 2004, в соавторстве с М. Мунганом, П. Кюр, Ф. Улаем, Дж. Окером), «Отец и выродок» (Baba Ve Piç, 2006), «Любовь» (Aşk, 2009), «Искендер» (İskender, 2011), одного сборника рассказов «Анатолия на дурной глаз» (Kem Gözlerle Anadolu, 1994) и сборника эссе «Мидийский корень / Прилив и отлив» (Med-Cezir, 2005).

со своими турецкими родственниками. Совместимость, но не слияние разноязычных элементов, представление национально-культурного в необычном ракурсе, разрушающем стереотипы массового сознания, отражает в творчестве Э. Шафак постмодернистское понимание космополитизма, предполагающее не стирание национальной специфики, а плюралистическое единство гетерогенного. И в этом турецкая писательница не является первооткрывательницей. Ещё в 80-х гг. XX в. писатель-постмодернист Муратхан Мунган в сборнике рассказов «Сорок комнат» (Kirk Oda, 1987) продемонстрировал аналогичную трансформацию национально-культурного компонента. М. Мунган и Э. Шафак предупреждают своим творчеством, что «заикленность» исключительно на национальном, пренебрежение интересами «другого»/инонационального, не похожего на себя самого, равно как и отречение от национальных корней, неминуемо приводят к взрыву негативного потенциала в коллективной психике нации, к перекоосу тёмных, до-личностных сторон в человеческом архетипе вообще.

Симбиоз национальных и инонациональных культурных составляющих в творчестве Э. Шафак в определённой мере программируется её собственной судьбой. Писательница родилась в Страсбурге, в семье турецкого дипломата. Детство девочки прошло во Франции, Испании, Иордании, а после развода родителей – в Турции. После окончания Средневосточного Технического университета (г. Анкара) и защиты диссертации Э. Шафак несколько лет жила в США, преподавала в университетах Мичигана и Аризоны, активно сотрудничала с американскими и европейскими газетами и журналами, что во многом (несомненно, вкупе с художественными достоинствами творчества турецкой писательницы-постмодернистки) определило интерес к её произведениям со стороны ведущих западных издательств Penguin и Viking.

Российские исследователи также отмечают внимание Э. Шафак к «проблемам межнационального общения, порожденным мультикультурностью как современного общества, так и общества периода Османской империи» [Софронова 2012: 86], к «проблеме поиска турками собственной идентичности» [Сулейманова 2010: 256] в изменившемся мире нашего времени. Отечественные литературоведы справедливо усматривают динамику национально-культурного компонента в творчестве Э. Шафак, но трактуют это лишь как «распад и нежизнеспособность традиционной восточной семьи» [Сулейманова 2010: 258], как «утрату национальной идентичности человека с восточным менталитетом» [Софронова 2012: 87]. Однако это только одна сторона сложнейшей проблемы, поставленной писательницей в романистике. Другая, не менее важная, заключается в том, чтобы показать, как можно противостоять процессам «стирания» национального. Наличие такого выхода в произведениях писательницы делают ее творчество позитивным и сглаживают мрачность и безнадежность жизни ее персонажей.

В данной статье предпринимается попытка комплексного исследования национально-культурного компонента в постмодернистском тексте Э. Шафак на примере её самого известного как в Турции, так и за рубежом романа «Отец и выродок». За эту переведённую на многие языки мира книгу, в которой затрагивается одна из острейших проблем – признание современными турками и всем мировым сообществом факта геноцида армян в Османской империи (1915–1917 гг.), писательница привлекалась к суду по 301 статье УК Турции по обвинению «в оскорблении национального достоинства турок». Однако в октябре 2006 г. Верховный суд Стамбула прекратил дело против Э. Шафак, не найдя в её творчестве состава преступления.

Сразу же оговоримся, что постмодернизм, текстуализируя объективную реальность и субъективно воспринимающее её сознание, отрицает любого рода центризм, превращает их в агрессивно-тоталитарные дискурсы (метанарративы), подавляющие человека, стирающие его индивидуальность. В разряд таких дискурсов-текстов попадают все социально-политические и культурно-эстетические составляющие современной человеческой цивилизации, включая государство, нацию, семью, религию и т.п. Поэтому в большинстве случаев писатели-постмодернисты, над какой бы проблематикой они ни работали, создают произведения-палимпсесты, в которых все художественные элементы настроены на децентрацию, снятие оппозиций, радикальный плюрализм. Утрачивает стабильность и оппозиция «национальное – инонациональное». Её стороны на гетерогенной, плюралистической (как равноправные) основе соединяются друг с другом, в результате чего возникают гибридные (гибридно-цитатные) знаковые образования. Они воплощают идею совмещения несовместимого, примирения непримиримого. Гетерогенный характер знаков, которые используются писателями-постмодернистами для гибридно-цитатного моделирования, препятствует стиранию национально-культурных различий. Но национальное в таком случае может существовать лишь как составная часть полинациональной совокупности, теряющая смысл без этой совокупности и «стирающееся».

В романе Э. Шафак «Отец и выродок» с помощью гибридно-цитатного моделирования создаётся такая полинациональная общность в виде «сборного» текстового образа, а точнее симулякра семьи, состоящей из двух ветвей турецкой (Турция, Стамбул) и армянской (США, Сан-Франциско, Аризона). Для её создания писательница задействует множество кодов мировой культуры, таких как ближневосточные волшебные сказки, коранические предания, турецкая реалистическая проза (Р. Нури Гюнтекин, Х.Э. Адывар, Я.К. Караосманоглу и др.), латиноамериканский магический реализм (Г. Маркес, Х.Л. Борхес), эстетская романистика Милана Кундеры, западный массмедийный дискурс (поп и рок музыка, шоу-программы, глянцево-журналы и т.п.). О том, что семья-симулякр существует исключительно в текстовом пространстве, свидетельствуют названия глав – это продукты, составляющие основу для сладкого блюда ашуре, которое по коранической легенде дало возможность последователям пророка Нуха не умереть с голоду в последние дни плавания на Ковчеге. Таким образом, Э. Шафак текстуализирует реальность, приравнивая ашуре к жизни, а жизнь – к главам своего романа. Но поскольку текстовая модель постмодернистской реальности ризоматична, бесконечно ветвится подобно грибнице, то в ней, как уже отмечалось, нет твёрдых основ (центризм), а жизнь легко переходит в смерть.

Чёткие текстовые параметры просматриваются и в пространстве городов, в которых существует семья-симулякр. Стамбул, Сан-Франциско, штат Аризона превращаются в города – книжные лабиринты Х.Л. Борхеса, центрами которых являются кафе-тексты: в Стамбуле – кафе «Кундера», расположенное в центре города; в Аризоне и Сан-Франциско – кафе «Константинополь», являющееся одним из сайтов для общения единомышленников в социальной сети Интернета. Посетителями этих кафе становятся представительницы самого молодого поколения семьи – внучки Армануш (Аризона, Сан-Франциско) и Асия (Стамбул), а также «одномерные люди» с вымышленными именами, которые одевают на себя различные социальные и культурные маски и только так идентифицируются в текстовом пространстве города (Алкоголик-карикатурист, Чрезвычайно неспособный поэт, Сценарист–националист, создатель крайне национали-

стических фильмов, Несчастливая домохозяйка, Анти-кавурма, Леди -павлин, Барон Baghdassarian и др.).

В семье-симулякре турецкий и армянский национально-культурные компоненты выступают как равноправные и взаимосвязанные (общие предки – бабушка Шушан Истанбулиян с армянской стороны и дедушка Рыза Селим Казанджи с турецкой стороны). Разрыв этой взаимной связи оборачивается для членов семьи трагедией. Распад единства, совокупности обыгрывается Э. Шафак тем, что обе ветви семьи теряют родину (Турцию, Стамбул), причём армяне в прямом смысле, а турки – в переносном. Представители армянского клана (семейство Истанбулиян) эмигрируют в Америку из-за геноцида армян в Османской империи 1915–1917 гг., тоскуют по исторической родине, живут замкнуто, культивируя дух страдания армян в начале XX в. Представители турецкого клана (семейство Казанджи) остаются жить в Стамбуле, но теряют духовную связь с родиной.

Э. Шафак акцентирует момент симуляционной «турецкости» семьи Казанджи, ведь на самом деле все они наполовину (по бабушке Шушан) армяне. Члены семьи Казанджи долгие десятилетия стараются стереть из памяти своё историческое прошлое (убийство армян в Османской империи), семейные корни (стараясь забыть бабушку, сбежавшую от деда; забыть отца, издевавшегося над своими детьми; забыть брата, изнасиловавшего сестру и т.п.). В их семье, живущей исключительно настоящим моментом, царит дух кемалистской модернизации жизни на западный манер (просвещение, равноправие полов и т.п.). Одна из тётюшек семейства (Зелиха-тейзе) всегда носит мини юбки, другая (Джеврие-тейзе) «помешана» на претворении в жизнь кемалистской идеи «пробуждения» Анатолии путём просвещения, внучка Асия слушает песни только Johni Cash, все члены семьи Казанджи смотрят по телевизору лишь адаптированные на турецкий лад американские шоу-программы.

Потеря родины для обоих кланов превращает их жизнь в симуляцию жизни, в игру, в которой верх берут до-личностные коллективные психозы и инстинкты. Культ национализма приводит турецких армян Истанбулиян к ярому национализму. Они видят врагов уже не только в турках, но во всех других нациях, которые не похожи на них самих. Они ненавидят американку Роуз, на которой женится Барсам, сын Шушан от второго брака. Называют её презрительно «не армянкой». Ненависть родственников мужа вынуждает Роуз вместе с маленькой дочкой Армануш уйти от Барсама, которого она любит, и выйти замуж за Мустафу Казанджи, приехавшего в США учиться. В результате этого Роуз для армянской семьи превращается уже не просто во врага, а во врага №1, которому невозможно доверить воспитание внучки Армануш. Общение Армануш с бабушкой, отцом и матерью превращается в пытку. Она одинаково любит всех и не знает, как их примирить. Девочка начинает врать обеим воюющим сторонам и в итоге сбегает тайно от родни в Стамбул, в дом родственников отчима Мустафы, чтобы разобратся в семейной драме. Барсам также нечестен по отношению к родным, воспитывавшим его в культе армянского национализма. Он всю жизнь обманывает их, стремясь освободиться от своей «армянской смуглости», забыть армянский язык, отдалиться от армянского «семейного древа» и стать настоящим американцем. Отчасти поэтому он и женится на американке из Аризоны, но потом влюбляется в неё без памяти, а после развода не может найти себе спутницу жизни и страдает от душевной пустоты.

В турецкой ветви семьи несчастья начинаются с того момента, когда Шушан Истанбулиян бросает своего малолетнего сына Левона / Левента и мужа-турка Рызу Селима Казанджи, спасшего её из стамбульского сиротского дома.

Она убегает от них со старшим братом в США, чтобы воссоединиться с армянской роднёй. Рыза Селим, мучающийся от разлуки с Шушан, женится на нелюбимой женщине Джиджианне, помогающей ему воспитывать сына. Левент вырастает двуличным человеком. Для посторонних людей он мил и интеллигентен, а для собственной семьи он – монстр и деспот. Своих детей (четверых дочерей Бану, Джеврийе, Фериде, Зелиху) и жену Гюльсум он ненавидит и бьёт, приёмную мать презирает, отца ни во что не ставит. Порядок и покой в семье наигранные, существующие только для соседей и знакомых. Когда же рождается долгожданный мальчик Мустафа, то он становится культовой фигурой для всей родни. Поскольку Рыза Селим и Левент умирают рано, так и не дожив до своего сорокалетия, среди женщин Казанджи возникает поверье, что над мужчинами их рода довлеет злой рок. Над единственным мальчиком Мустафой все женщины семьи «трясутся». Пытаясь обмануть судьбу, его одевают в девичьи платья, не подстригают локоны, балуют, в результате чего вырастает асоциальная личность, злобный эгоист, оказавшийся способным изнасиловать младшую сестру Зелиху, у которой от него рождается дочь Асия. Опять же, чтобы обмануть судьбу, Мустафа уезжает в Америку, пытается забыть на чужбине своё прошлое, женится на Роуз (бывшей жене Барсама) и воспитывает его дочь Армануш. По сути, как и его армянский брат Барсам, о существовании которого Мустафа не догадывается, он стремится стать настоящим американцем, даже забыть турецкий язык.

Семья Казанджи, по меткому определению внучки Асии, является «настоящим сумасшедшим домом». В ней все играют в другого: мать Асии Зелиха – в её тётю, отец Асии Мустафа – в её дядю, тётя Бану (старшая из дочерей Левента) – в разговаривающую с джиннами прорицательницу, тётя Джеврийе – в современную учительницу-просветительницу Чалькушу из романа Гюнтекина, сумасшедшая тётя Фериде – в женщину-коллаж (она каждый день предстаёт перед родственниками в новом обличье, каждый день красит волосы в другой цвет в зависимости от настроения или в зависимости от цвета волос той знаменитости, которой она в этот момент подражает), а сама Асия – в примерную турецкую внучку, хотя она пьёт, курит, употребляет наркотики, имеет связь с женатым мужчиной и ненавидит всё турецкое. Роуз, познакомившаяся с женщинами семейства Казанджи в свой приезд в Стамбул, уверена, что понять такую семью умом невозможно «Она является неразрешимой загадкой, нашедшей пристанище в границах одного дома» [Şafak 2006: 357]. Роуз не понятно, почему некоторые из женщин этого семейства, которое никак не вписывается в привычный образ традиционной турецкой семьи, покрывают головы платками (бабушка Джиджианне, тётюшка Бану), а другие носят мини юбки, пьют, курят и презирают платки.

Э. Шафак намеренно создаёт у читателя ощущение того, что в «изоляции» от второй армянской половины турецкая семья Казанджи постепенно погружается в пучину тёмного коллективного бессознательного и поэтому обречена на вымирание. В ней царят инцестуальные связи, обман, убийство / самоубийство. Мустафа, приехавший вместе с Роуз в Стамбул, чтобы вернуть беглянку приёмную дочь домой, погибает в старом особняке семейства Казанджи.

Воссоединение семьи, двух национальных компонентов на гетерогенной, равноправной, плюралистической основе происходит через посредство двух внучек – Армануш и Асию. Девочки знакомятся в Стамбуле, куда Армануш сбегает от родных, живут в одной комнате старинного особняка семейства Казанджи, постепенно проникаются друг к другу симпатией и искренней любовью. Именно эти девушки возвращают своих отцов к национальным корням.

Обман Армануш всей родни и её отъезд в Турцию, о котором становится известно из-за смерти бабушки Шушан, заставляет Барсама задуматься о том, насколько важно для его дочери решить проблему собственной национальной самоидентификации. Он понимает, что зря не воспитывал Армануш в армянских традициях, зря не знакомил её более близко с армянской культурой. Поведение Армануш заставляет её отца и мать вновь начать общаться спустя годы молчания и взаимной непримиримости.

Мустафа, как и его армянский брат, тоже возвращается к национальным истокам, осознавая, что без них жить невозможно. После двадцатилетнего отсутствия в родном турецком доме он встречает Асью. Девочка производит на него неизгладимое впечатление, и он пытается узнать у сестёр, кто её отец. В одной из возможных трактовок романа его сестра Бану даёт ему понять, что Асия – плод его преступления, что его вина перед всей семьёй неизгладима и что избывть вину можно только смертью. Она предоставляет Мустафе возможность сделать выбор – либо жить дальше, как прежде (без родины, без своей семьи на чужбине в Америке), либо вернуться к истокам, к человечности, признать прошлое преступление и совершить самоубийство, съев ашуре с цианистым калием. Бану оставляет миску с ашуре на тумбочке перед его кроватью, и Мустафа выбирает искупление смертью. По тексту романа трудно определить, предупреждает ли Бану Мустафу о яде или же совершает намеренное преступление. Вариативность – одна из черт постмодернистской поэтики.

Асия и Армануш приводят друг друга на «чужую территорию» – Асия приводит Армануш в кафе «Кундера», а Армануш Асию – в интернет-кафе «Константинополь». Причём среди «чужих»/«других» обе девочки становятся друг для друга помощниками и защитниками. Для них самих и посетителей кафе этот приход способствует восприятию привычного в необычном ракурсе, преодолению стереотипов мышления. В кафе «Кундера» Армануш и Асия вдруг осознают, что ничего турецкого в завсегдатаях интеллектуального турецкого кафе не осталось. Они, как эмигранты-космополиты, лишённые родины, всё время в пути, у них отсутствует дом, о чём свидетельствуют висящие на стенах фотографии дорог из различных частей света. В атмосфере безразличия и апатии к внешнему миру посетители кафе заняты исключительно собственным внутренним миром: своими чувствами, самокопанием. Во всём их поведении ощущается неспешность, сонность, вялость, пессимизм (это некая аллюзия²). Они, оказывается, мало что слышали об учинённом в 1915–1917 гг. младотурками массовом убийстве армянского населения Османской империи, потому что в современной Турции не выходит никаких исследований на эту тему. Они, оказывается, сочувствуют Армануш и её семье. Армануш с удивлением узнаёт о том, что туркам не свойствен крайний национализм, присущий армянам, что даже сценарист с ярко выраженными националистическими взглядами, создатель острых фильмов, снимает их лишь для развлечения. Посетители кафе «Кундера» открывают для Армануш совершенно иное видение турецкой нации – мужчины много пьют и ругают собственное правительство и всё современное капиталистическое общество потребления; женщины носят мини юбки, курят, пьют, делают на теле татуировки, что явно не соответствует восточной скромности. Для Асии открытие заключается в том, что одни друзья-интеллектуалы могут запросто бросить ей в лицо оскорбительное прозвище «выро-

² Здесь невольно вспоминаются романы М. Кундеры «Неспешность» (1995), «Подлинность» (1997), «Неведение» (2000).

док/безотцовщина», а другие заступиться за неё, ударив обидчика кулаком по физиономии.

В интернет-кафе «Константинополь» «чужими» для Асси являются армяне, живущие в США, предки которых в начале XX в. бежали от из Турции. Армянские посетители кафе-сайта ненавидят турок, не доверяют им и не верят в то, что турки могут измениться к лучшему. Поездку Армануш в Стамбул они называют поездкой «в стан врага», где девушку непременно «проглотят». Когда же Армануш знакомит посетителей кафе с Асией – девушкой по имени Турчанка, удивлению участников разговора нет предела. Оказывается, это первая турчанка, с которой они могут разговаривать и которая просит у них прощение за преступление своих дедов. Выясняется, что она не просто не знает прошлого своей страны (для Асси открытием является даже то, что знаменитый османский архитектор Синан был армянином), но и собственного прошлого, например, она не знает, кто её отец. Неожиданным для обеих девочек становится и откровение Барона Baghdassarin, признающего: «Среди армянской диаспоры есть много и таких, кто совершенно не хочет, чтобы турки признали геноцид, потому что этим признанием турки выбьют почву из-под ног армянских националистов, то есть ту самую почву, которая держит армян вместе. Как турки привыкли не признавать осуществлённую несправедливость, так и армяне привыкли руками и ногами держаться за воспоминание о несправедливости, которой их подвергли. ... Необходимо, чтобы изменились две стороны» [Şafak 2006: 271].

Символом объединения двух семейных кланов является брошь в виде граната с рубиновыми камешками-зёрнышками. Эту брошь отец Шушан – Оганнес Истанбулиян купил для её матери, но так и не успел подарить, поскольку был арестован и расстрелян. Брошь нашли позже в его кабинете. Братья передали брошь младшей сестре Шушан, а та, убегая из Стамбула в Америку, оставила её своему сыну Левенту. Много лет спустя Левент подарил брошь старшей дочери Бану, которая теперь собиралась передать её Армануш, внучке Шушан. Гранат, символизирующий множество в едином, как нельзя лучше демонстрирует будущее турецко-армянской семьи – мирно сосуществующую полинациональную общность. Симптоматично, что рисунок с гранатом представлен и на обложке романа.

Роман Э. Шафак «Отец и выродец» вписывается в формат нарративной модификации турецкого постмодернизма. Такая трансформация в 1990–2000 гг. является доминантной для национальной литературы знакового моделирования. Нарративный характер романа определяется самой его композиционной структурой, основывающейся на бесконечном количестве рассказов разных действующих лиц. Роман напоминает собой Стамбул, где разворачиваются основные события повествования, то есть «город-открытую книгу, состоящую из десяти миллионов рассказов, переходящих один в другой» [Şafak 2006: 249]. Большая часть рассказов принадлежит злему джинну-гулйабани Ядовитому-бею. Он открывает горькую правду Бану-тейзе о тайнах двух семейств: об известном стамбульском поэте и журналисте Оганнесе Истанбулияне и его семье, об их доме – центре культурной жизни Стамбула, о сказке, которую писал Оганнес для армянских детей про «Потерявшегося маленького голубя и безмятежную страну весны», про арест и убийство Оганнеса и дальнейшую трагедию его семьи, про причины вырождения рода Казанджи, в котором сбежавшая бабушка оказалась дочерью Оганнеса, её сын Левент – деспотом к собственным детям, а его сын Мустафа – отцом племянницы. Рассказы джинна переплетаются с рассказами Бану-тейзе, ос-

нованными на коранических сюжетах, турецких волшебных сказках. Сказочная нарративность, положенная в основу романа, подчёркивается и эпиграфом ко всему произведению:

«Было ли, не было ли,
божьих тварей, якобы, как зёрен, больше всех,
а слишком много говорить, якобы, грех».

ЛИТЕРАТУРА

Софронова Л.В. О соотношении массового и элитарного в творчестве турецкой писательницы Элиф Шафак // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 16 апреля 2012 г.). – М.: ИД «Ключ-С», 2012.

Сулейманова А.С. Постмодернизм в современной турецкой литературе // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. Очерки. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010.

Şafak Ş. *Baba ve Piç.* – İstanbul: Metis, 2006.

Mariya M. Repenkova. Transformation of the Ethnic Culture Component in the Novel “The Bastard of Istanbul” by Elif Şafak

Summary. The article considers one of the famous novels of a Turkish writer Elif Şafak – “*The Bastard of Istanbul*” (2006) to be an example of transformation of the ethnic culture component in a post-modernist text “without bounds”. It proves that ethnic cultural components, without losing their specificity and heterogeneity, at the same time lose their reticence and stability and get combined with foreign cultural components. The idea to combine incompatibilities and to conciliate irreconcilable aspects is being incarnated by Elif Şafak in the form of a symbolic hybrid formation (*simulacrum*) of a Turkish-Armenian family where the ethnic component represents a constituent and an integral part of a poly-ethnic cultural whole.

Key words. Elif Şafak, the novel “The Bastard of Istanbul”, ethnic culture component, narrative modification, Turkish post-modernism, simulacrum.

**ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В ТЮРКСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОСАХ***Шакир И. Ибраев (г. Астана)*

Резюме. В статье прослеживаются основные мотивы эпоса «Манас». Все мотивы во всем их многообразии (как по содержанию, так и по форме) требуют комплексной разработки, одним из аспектов которой является определение взаимоотношений мотивов и художественных средств в конкретном эпическом тексте.

Ключевые слова: эпос «Манас», культурное наследие, кыргызы, фольклор, эпический мотив

Эпические поэмы веками служили народу инструментом познания своего героического прошлого; самобытности и характера предков; преемственности поколений, мировоззрения, ощущения окружающей природы. В них народ сосредоточил, с одной стороны, историческую картину героического бытия, с другой, художественный образ батыров, служивших примером храбрости и оказавших влияние на воспитание юного поколения. Образ народного батыра, без преувеличения, был эталоном, идеалом для целых поколений, который со временем становился все более популярным и безупречным.

Памятники героического эпоса – это бесценная часть культурного наследия, это предмет национальной гордости народа. В этом плане кыргызский народ вправе гордиться богатством устного поэтического творчества, вершиной которого, безусловно, является эпос «Манас».

Как известно, этот эпос превосходит по объему все известные мировые эпосы, такие как «Илиада» и «Одиссея», «Шахнамэ» и «Махабхарата».

Грандиозность эпоса «Манас» составляет одну из уникальных особенностей эпического творчества кыргызов, которая, прежде всего, обусловлена своеобразием истории самого народа, самоотверженно сопротивлявшегося от нападений многочисленных завоевателей. Величайшее мужество народа и его представителей стало предметом поклонения и воспевания, нашедшего отражение в героическом характере кыргызских эпических произведений в целом, и в эпосе «Манас» в частности.

Обращаясь к фольклору, и в частности, к «Манасу», ученые [1, 2, 3] постоянно сталкивались с проблемой эпического историзма, так как в любом эпосе можно наблюдать переплетение легендарных и реальных событий. Это обусловило уникальную особенность эпоса – полистадиальность мотивов, сюжетов и образов.

В сложной сюжетной канве кыргызского эпоса можно различить по крайней мере три основных слоя.

Первый: архаический (по В. Жирмунскому – сказочно-мифологический [4]). Признаками этого слоя являются: чудесное рождение героя; характерное для батыра детство; первый подвиг (в последующих эпосах встречается

не всегда); известие о невесте (поиск невесты); состязание с невестой (смотрины), либо состязание с соперником; победа и возвращение с невестой.

Герои и сюжеты, восходящие к этому слою, находят близкие аналогии в богатых сказках тюркских народов.

Этот слой, по мнению многих исследователей, характеризуется «широкими среднеазиатскими связями эпоса», которые, в свою очередь, обусловили диапазонность произведения, большое количество персонажей, динамичность, пространственность.

Анализ сюжета показывает, что пространство становится неотъемлемой частью определенной эпической эпохи. Пространственные понятия и географические названия в традиции эпоса являют в совокупности своей нерасторжимое целое, одним из важнейших свойств которого является взаимозаменяемость. Однако эта взаимозаменяемость строго основывается на логике и целостности общеэпического фонда, который в целом состоит из представлений об особой эпической эпохе и соответствующей ей среде.

Пространственное противопоставление своего и чужого в эпосе «Манас» воспринимается с теми особенностями сюжета, с которыми оно предстает в структурном единстве. Это признаки *второго слоя*.

В связи с этим следует рассматривать и названия народов, которые фигурируют в эпосе как захватчики (китай, калмак, манчжур). С другой стороны, названо немало народов и племен, с кем кыргызы находились в дружеских связях. В качестве союзников в эпосе упоминаются ойроты, погон, нойгуты, катаганы, кыпчак, аргыны, джедыгеры и другие, вошедшие позже в этнические группы казахов, узбеков, монголов, таджиков.

Последний, наиболее поздний слой, по мнению ученых [4], определил собой включение религиозных мотивов: элементы мусульманской мифологии и легенды, паломничество героев в Мекку, эпизодическая фигура Джахангира-ходжи и т.д.

Как видим, в этом легендарном произведении гармонично вплетенная фантастика и гиперболизация являются художественным средством для создания бессмертных образов реальных людей, отдавших жизнь за свободу и независимость своего народа. Талантливые сказители, передававшие эпос из поколения в поколение, превратили его в большую поэму, включившую в себя новые исторические события, новых персонажей, усложняясь все дальше в своем сюжетном построении.

Одновременно происходит и внутреннее расширение эпических мотивов. Так, главный герой проживает все этапы своей эпической биографии: рождение и детство, с их фольклорными общими местами, героическое сватовство, героические подвиги, гибель от руки вероломного предателя. А постепенное развитие эпоса привело к его циклизации, что в конечном итоге рождает огромную национальную эпопею.

Особенностью кыргызской эпопеи по сравнению с национальными эпическими произведениями большинства других народов является, на наш взгляд, последовательно разворачивающийся и наполняющийся национальным самосознанием мотив единения своего народа, его устремленность в будущее и мирное существование, любовь к Родине, воспевание достойных сынов своего отечества.

Эпохальность повествования, многособытийность, широкий спектр персонажей, многослойность и полистадиальность – все они в отдельности характерны для исторических, архаических, героических и романтических эпо-

сов. Присутствие и взаимопереплетение этих эпических черт в одном произведении – свидетельство феноменальности эпоса «Манаса», который по праву был назван исследователями «энциклопедией кыргызского народа» [5].

Таким образом, эпический сюжет – понятие целостное. Его особенности, специфику, исторический путь развития, принципы обновления, перемещения отдельных частей можно всецело выразить с помощью *мотивов*.

Во-первых, с точки зрения семантики, аналогичные мотивы встречаются в произведениях, не схожих по времени и жанру. Например, мотивы, характерные для эпоса, такие как чудесное рождение героя, его взросление, усилия в поисках невесты и т.д., присущи также мифу, сказке, лирическому эпосу. В данном случае мотив во многих жанрах является общим социальным фоном, сюжетным событием, наполняемым действием, с традиционными устоями.

Во-вторых, содержательное сходство мотивов только внешнее, художественное сюжетное отражение в различных жанрах и произведениях далеко не одинаково. Мотив в эпосе, можно сказать, находится в состоянии постоянного развития и определенной динамики.

В-третьих, не схожие друг с другом по содержанию эпические мотивы образовались в результате исторического развития. Их функция сходна в большинстве своем в связи с освоением новых источников в отображении иной действительности.

В-четвертых, эпические мотивы, в свою очередь, несут двойную функцию: в равной мере как традиционную, так и новаторскую.

В зависимости от конкретной эпической ситуации, а также разновременной специфики эпоса близкие по содержанию мотивы передаются в разной контекстуальной семантике и в разных формах эпического повествования (в составе монолога, диалога, авторской речи). Поэтому изучение мотива во всем его многообразии, как по содержанию, так и по форме, требует комплексной разработки, одним из аспектов которой является определение взаимоотношений мотивов и художественных средств в конкретном эпическом тексте.

Эпос «Манас», благодаря своей четкой системе распределения мотивов, представляет собой целостную историю кыргызского народа. Историко-культурное значение эпоса заключается в том, что он в течение многих веков оказывал существенное влияние на формирование эстетических вкусов, идей патриотизма и национального характера кыргызского народа. А его образы бессмертны, прежде всего, потому, что они обладают такими высокими моральными качествами, как беспредельная любовь к родине, честность, храбрость.

В силу своей высокой художественности эпос «Манас» вот уже многие века заслуженно занимает и будет занимать еще долгие годы достойное место в духовной культуре не только кыргызского, но и всех тюркоязычных народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собр. соч. в 5-ти т. – Алма-Ата, 1961. Т. I. – С. 48–49; Т.2, 1985. – С. 289–300, 357–358, 368–369, 420–422.

2. *Радлов В.В.* Кара-киргизы // Из Сибири. Страницы дневника. – М.: ГВЛ, 1989. – С. 348–354.

3. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963.

4. *Жирмунский В.М.* Введение в изучение эпоса «Манас»// В.М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. – Л., 1974; *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. – М.; Л., 1962.

5. *Берков П.Н.* Алтайский эпос и «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». – М., 1961.

Shakir I. Ibraev. Epic motives in Turkic historical epic poems

Summary. The paper traces main motives of the epic "Manas". All its motives in their diversity (both in content and in form) require a comprehensive research. One aspect of such research should be defining the relationship between the motives and artistic means in a particular epic text.

Key words: "Manas", cultural heritage, Kyrgyz people, folklore, epic motive.

**ЭККЛЕЗИОНИМЫ КАЗЫГУРТА И ЛЕГЕНДА
О ВСЕМИРНОМ ПОТОПЕ***Н.Ж. Мынбаев (г. Шымкент, Казахстан)*

Резюме. В статье рассматриваются экклезионимы горного массива Казыгурт в связи с легендой о Всемирном потопе.

Ключевые слова: экклезионим, топоним, ономастика, миф, легенда, антропоним, этноним, этнография

Ономастика – социально значимая наука, так как ономастический материал является неотъемлемой частью истории, культуры, этнографии, отражает мировоззрение и мировосприятие народа. Особенно значимы антропонимы, этнонимы и топонимы, ибо в историю вершат личности и народ в целом на определенном географическом пространстве. Не менее важное значение имеют в этом плане и экклезионимы. Примером тому, может служить полемика, возникшая несколько лет тому назад в Казахстане. Республиканские газеты опубликовали ряд статей, которые резко критиковали решение о строительстве на горе Казыгурт памятника-мемориала «Нұх пайғамбар кемесі» – «Ковчег Ноя» (Южно-Казахстанская область Республика Казахстан).

Экклезионимы горного массива Казыгурт не получили должного освещения в научной литературе. В настоящее время их рассмотрение представляется особенно интересным, поскольку, будучи связанное с легендой о Всемирном потопе, оно затрагивает основы мировоззрения и выходит на решение этнополитических и культурологических проблем казахского народа.

Казахи с древнейших времен почитали окружающую местность и гору Казыгурт, называя ее *Қазығұрт – киелі тау* 'Казыгурт – священная гора'. На Казыгурте имеется большое количество, на которых совершались обряды поклонения различным духам и божествам.

Этот ороним известен в тюркском мире с незапамятных времен: он встречается уже в «Огуз-наме», древнейшем тюркском памятнике устного народного творчества; кроме того известно, что один из внуков Огуз-хана носил имя Казыкурт.. Есть упоминание об этих горах и у Фазллаха Рашид ад-Дина (XIV в.): «На восток земли огузского эля простирались до Иссык-куля и Алмалыка, на юг до Сайрама и гор Казыкурт-таг и Карджак-таг, на север — до гор Улу-таг и Кичик-таг, в которых добывают медь, на запад до города Йангикент, что при устье реки Сыр, и до Каракумов. В этих названных местах они жили четыре-пять тысяч лет» [Рашид ад-Дин 1987: 166].

В сочинении Абу-л-гази Бахадур-хана «Родословная туркмен» тоже отмечается эта гора. Приводя отрывок из сочинения Коркут-ата (X в.), автор пишет: «Они перекачивали камни, (лежавшие) в ущелье через горы Казыкурт» [Абу-л-гази 1982: 51].

В арабских источниках зафиксирован не только ороним, но также и ойконим Казыкурт, который встречается в разных фонетических вариантах: Гаркерт, Газкерт, Газкурт, Гузгерт, Геркурт, Гуркурт. По мнению К. Омралиева, город с подобным названием существовал в первом веке нашей эры [Омралиев 1967].

Сюжет легенды о Всемирном потопе известен в религиозной литературе и в фольклоре разных народов мира с древнейших времен. Вспомним хотя бы древнешумерскую поэму о Гильгамеше. Шумеры, как предполагают, мигрировали к берегам реки Тигра и Евфрата из азиатских просторов, а О. Сулейменов высказал гипотезу даже о их тюркском происхождении¹. По легенде о Всемирном потопе и спасателе рода человеческого, пророк Ной спасает правоверных от потопа. С соизволения Всевышнего он построил ковчег и взял в свой корабль только верующих в Бога людей. Наибольшее распространение получили два варианта этой легенды: христианский, по которой Ноев ковчег остался на горе Арарат в Армении; другой – исламский, согласно ему ковчег находит пристанище на горе Джуди в Аравии.

С Кавказскими горами связаны также некоторые сюжеты. Во время землетрясения 1948 г. на горе Акила (территория Турции) обнажился якобы окаменевший остов гигантского корабля. Живущие здесь курды считают, что это Ноев ковчег.

Существуют легендарные сведения о месте захоронения пророка Ноя. Как печатала газета «Оракул», могила Ноя якобы находилась до 1984 г. в Нахичевани (Азербайджан). Местные деятели компартии дали указание срыть надгробие [«Оракул» 2007]. Происхождение названия Нахичевань местные жители связывают с именем Ноя // Нуха // Ноаха. В.А. Никонов дает такую справку: «Нахичевань – столица Нахич. АССР, на р. Аракс. Назв. производят из армян. *нах* «первый», *иджеван* «сошествие». В центре древней Армении, южнее Ван, был г. Наксуана, известный по ассирийским надписям; упомин. у Птолемея. Связь названий обоих городов несомненна, она могла быть результатом переноса родного назв. населением, оттесненным с прежних мест, или возникнуть независимо из одних и тех же слов одного языка. Непонятность назв. породила легенду, связывающую его со Всемирным потопом, о котором рассказывает Библия, заимствовав это из других религии (Передней Азии): Нах – иджеван «сошествие Ноя» из ковчега. В качестве гипотезы можно допустить образование из *аван* «местечко, слобода» и личного имени Нахуч» [Никонов 1966: 285].

В исламском мире легенда о ковчеге Ноя имеет три интерпретации, касающиеся места локализации причаливания корабля.

По первой, Ноев ковчег нашел пристанище в невысоких горах Нур-ата (Самаркандская обл., Республика Узбекистан). Это произошло, как считают религиозные деятели, по той причине, что горделивость высоких гор не в почете у Аллаха. Вторым вариантом описал известный русский путешественник-географ А.П. Федченко: «Далее за Дарьей возвышалась отдельная гора Афтоб; хотя последняя и не отличалась особой высотой (не более 3500 м), но туземцы сочли долгом обратить на нее наше внимание, так как на ней остановился Ноев ковчег. Про претензии ташкентцев, что ковчег остановился на Казыгурте, они, конечно, знали и объяснили это невежеством. О том же, что их гора не более как один из многих претендентов на то же значение, они, очевидно, и не подозревают» [Федченко 1950: 48].

Третий вариант существует также издавна и у казахского народа. По данной легенде ковчег Ноя пристает к горе Казыгурт. В устном народном творчестве сохранилась легенда, в которой говорится:

«*Қазығұрттың басында кеме қалған,
Ол Әулие болмаса неден қалған?»*

‘На горе Казгурт остался ковчег
Не будь того, откуда эта святыня?’

Действительно, на вершине горы Казыгурт есть углубление, напоминающее след причала корабля на грунте. Это место и населенный пункт поблизости называется: *Кеме қалған* ‘Корабль остался’. По сообщению археолога Б.А. Байтанаева, поблизости от этого места есть огромный круг с крестом посередине. Круг и крест выложены из камней. О. Сулейменов отмечает широкое распространение такого

знака у многих народов мира, вплоть до инков и майя, а древние шумеры читали его как *udu* ‘бог солнца’ [Сулейменов 1998: 263]. В Национальной энциклопедии Казахстана отмечено, что данная легенда имеет прототюркские корни, возникла в 1-ом тысячелетии до н. э. Казыгурт здесь толкуется как центр распространения человечества [Энциклопедия 2003: 488].

Теперь рассмотрим языковые факты – топонимы и экклезионимы Казыгурта. По точному определению Н.И.Надеждина, «топонимика – язык земли». Здесь необходимо особо подчеркнуть, что реально существующие топонимы и экклезионимы данной территории связаны конкретно с легендой о Всемирном потопе. Они как бы свидетельствуют о том, что легенда имеет под собой реальную основу.

Напомним, что местность, о которой шла речь выше, называется *Кеме қалған*. С некоторой натяжкой можно отметить и ойконим *Ленгер*. Отдельные ученые считают, что *Ленгер* происходит от казахского *Ілінгер*, т.е. ‘якорь [ковчега Ноя]’. Но надо иметь в виду и широкое распространение данного топонима в Центральной Азии, Афганистане, Иране в форме *Лянгар* ‘караван-сарай, поблизости от перевала’ (восходит к иранским языкам, букв.: ‘шесть канатоходца’).

В казахском варианте легенды о Всемирном потопе пророк Ной спасает не только продолжателей рода человеческого, но и забирает в свой ковчег по паре животных для размножения. Эта сторона сказания, по нашему мнению, нашла свое особое развитие и отражение у казахского народа. В Казыгуртском регионе и в соседнем Узбекистане имеется ряд мест, где, по народным преданиям, захоронены духи-покровители тех или иных животных. Названия этих мест являются экклезионимами, то есть именами собственными, связанными с религиозно-мистическим мировосприятием и миропониманием живших здесь в разное время народов. В тюркской ономастике эта группа имен собственных не изучена в должной степени.

В словаре ономастической терминологии Н.В. Подольской термину экклезионим дается такая справка: «Экклезионимы – класс топонима. Собственное имя место свершения обряда, место поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря ... Пр.: церковь Покрова на Нерли, Данилов монастырь, Оптиная пустынь, Плевенская часовня, Игнач крест (придорожный крест) ... Происхождение греческое, означает «собрание», «место для собрания», «церковь+оним» [Подольская 1988: 149].

Местность, обозначенная именем собственным такого содержания, особо почитаема в народе. В указанном регионе встречается ряд казахских экклезионимов. Например, в мистических сказаниях казахского народа не раз отмечается, что покровителем верблюдов является *Ойсыл Қара әулие*, однако место поклонения на земле покровитель не оставил за собой.

*«Қазығұрттың басында кеме қалған,
Ұлық әулие болмаса неден қалған?
Жетім тайлақ үстінде жатып қалып,
Ойсыл Қара әулие содан қалған».*
‘На горе Казыгурт остался ковчег,
Не будь того, откуда эта святыня?
Верблюжонок остался в том месте
Святой Ойсыл Кара тому свидетельство!’

Что примечательно, верблюд в понимании казахского народа – священное животное, из шерсти верблюда нельзя вязать и носить носки.

В Казыгуртском районе есть экклезионим, связанный с верблюдоводством: недалеко от пос. *Қара төбе -Ақ бура* находится место поклонения, родник и ручей, которые также считаются священными.

Лошадь в миропонимании казахского народа является также особо почитаемым животным. *Қамбар ата* (имя собственное, не переводится) считается покровителем лошади. В Казыгуртском районе ЮКО, недалеко от населенного пункта *Алтын тобе* находится святое место *Жылқышы ата* ‘Табунщик отец’. Этот экклезионим выступает как синоним *Қамбар ата*. В Чиланзарском районе г. Ташкента есть святое место – кладбище *Бота ата*.

В народных преданиях *Қамбар ата* фигурирует как покровитель лошади

*«Қазығұрттың басында кеме қалған,
Ұлық әулие болмаса неден қалған?
Қыршаңқы тай үстінде жатып қалып,
Қамбар ата әулие содан қалған»*

‘На горе Казыгурт остался ковчег,

Не будь того, откуда святыня?

Здесь остался жеребёнок,

Камбар ата, тому свидетельство!’

Не меньшим почитанием в народе обладает крупный рогатый скот. С древнейших времени бык был тотемом кочевых племен. В легенде так говорится об этом животном:

*«Қазығұрттың басында кеме қалған,
Ұлық әулие болмаса неден қалған?
Тышқақ тана үстінде жатып қалып,
Зеңгі баба әулие содан қалған»*

‘На горе Казыгурт остался ковчег,

Не будь того, откуда святыня?

Здесь остался теленок

Святой Зеңги баба тому свидетельство!’

Покровителем крупного рогатого скота выступает *Зеңгі баба*. По официальным источникам, Зеңгі баба был внуком Ходжа Ахмета Ясави от его дочери Анбар ана. В данном поверье имеется явная неувязка, так как по легенде Зеңгі баба должен был жить в глубокой древности, а Ходжа Ахмет Ясави жил и творил в XII в. Местность Зеңгі баба находится под Ташкентом (ныне Зангистинский р-н Ташкентской области).

По преданию Зеңгі баба был пастухом и достиг высокого духовного совершенства. До сих пор в народе соблюдается традиция в отношении этого святого: если у коровы рождается двойня, одного теленка принято в качестве приношения жертвовать в пользу мечети Зеңгі бабы.

Широкое распространение получает экклезионим *Шопан ата*, который встречается в Мангистауской области Казахстана и в Республике Узбекистан.

*«Қазығұрттың басында кеме қалған.
Ұлық әулие болмаса неден қалған?
Ақсақ қозы үстінде жатып қалып,
Шопан ата әулие содан қалған»*

‘На горе Казыгурт остался ковчег,

Не будь того, откуда святыня?

Ягненок остался в том месте

Святой Шопан ата тому свидетельство!’

Предположительно, название связано с широким распространением овцеводства. Экклезионим Шопан ата (букв. ‘Чабан отец’) имеет синонимический вариант Қошқар ата (в тюркских языках *қошқар* ‘баран’ имеет положительную окраску). В городе Шымкенте есть святое место и мечеть Қошқар ата, родник и река, пересекающая город, также называются Қошқар ата. Экклезионим

Қошқар ата отмечен и в Байдибекском районе ЮКО, и в Жуалинском районе Джамбульской области.

С овцеводством связан и экклезионим, встречающийся в Казыгуртском районе. О нем в легенде сказано:

*«Қазығұрттың басында кеме қалған,
Ұлық Әулие болмаса неден қалған?
Қосқұлақ лақ үстінде жатып қалып,
Сексек Ата әулие содан қалған».*

‘На горе Казыгурт остался ковчег,
Не будь того, откуда святыня?

Козленок остался в том месте

Святой Сексек ата тому свидетельство!’

Сексек ата (фонетический вариант *Шекшек ата*, не переводится) признается покровителем коз. Как считают некоторые служители ислама, Шекшек ата один из учеников Ходжа Ахмета Ясави, что дает основание провести параллель его образа с Зеңгі баба.

Два экклезионима стоят в легенде особо. Об одном из них сказано так:

*«Қазығұрттың басында кеме қалған,
Ұлық әулие болмаса неден қалған?
Ала күшік үстіне ыршып түсіп,
Құмай тазы пір болып содан қалған».*

‘На горе Казыгурт остался ковчег,
Не будь того, откуда святыня?

Щенок остался в том месте

Құмай тазы тому свидетельство!’

Құмай тазы в данном случае дух-покровитель охотничьих собак. Другой экклезионим также связан с охотой с ловчими птицами:

*«Қазығұрттың басында кеме қалған,
Ұлық Әулие болмаса неден қалған
Шегір деген балапан шөпке қонып,
Шегір баян әулие содан қалған».*

‘На горе Казгурт остался ковчег,
Не будь того, откуда святыня?

Птенец остался в том месте

Шегір баян тому свидетельство!’

Шегір баян является духом -покровителем ловчих птиц.

Казахская экклезионимия имеет особую специфику. Она в определенной мере отражает многовековую сложную историю народа, свидетельствует об этапах формирования культурных и духовных ценностей, менталитете нации.

Следует отметить, что из шести вариантов легенды о Всемирном потопе, обнаруженных нами у различных народов, именно казахская версия легенды веско подкреплена устным народным творчеством, фактами топонимики, экклезионимами и связана с хозяйственной деятельностью казахского народа.

Казахская легенда о Всемирном потопе и о пророке Ное является фактом устного народного творчества.

Здесь уместно процитировать выдержку из работы «О пророке Мухамеде» выдающегося востоковеда В.В. Бартольда. Важным является то, что вариант легенды о горах Джуди и Арарат, по мнению ученого, позднее заимствование. Автор пишет: «Джуди – гора в северной Аравии. Уже впоследствии мусульмане перенесли название Джуди на гору в бассейне Тигра, к которой христианское, может быть, еще вавилонское, предание приурочивало легенду о потопе,

значительно позже, не ранее X века, перенесенную на гору Масис в Армении, получившую от европейцев библейское название Арарат» [Бартольд 1966, б: 635].

Любой миф, легенда является общечеловеческим творением, начало которого уходит в глубокую древность, развитие которого проявилось у разных народов по-своему, с учетом их хозяйственного уклада, исторических и культурных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Абу-л-гази 1982 – Абу-л-гази Бахадур хан. Родословная туркмен / пер. А.Н. Кононова. – М., 1982. – 51 с.
- Бартольд 1966, б – *Бартольд В.В.* Сочинения, т. VI, 1966. – С. 630–647
- Энциклопедия 2003 – Қазақстан: Ұлттық энциклопедия. Т. 5. – Алматы, 2003. – 488 с.
- Никонов 1966 – *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. – М.: Наука, 1966. – 285 с.
- «Оракул» 2007 – газета «Оракул», № 10(139), 2007г.
- Омралиев 1967 – *Омралиев Қ.* Қазығұрт және оған катысы бар топонимдер жайлы // Қазақстан мектебі, №4, 1967.
- Подольская 1988 – *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988. – 149 с.
- Сулейменов 1998 – *Сулейменов О.О.* Язык письма. – Алматы-Рим, 1998 – 263 с.
- Рашид ад-Дин 1987 – *Фазллах Рашид ад-Дин.* Огуз-наме / пер. Р.М. Шукюровой. – Баку: Элм., 1987. – 166 с.
- Федченко 1950 – *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. – М., 1950.

Nurlan J. Mynbaev. Ecclesionyms of Kazygurt and the Legend of the Flood

Summary. The article is devoted to ecclesionisms in the Kazygurt Mountain area in connection with the World myth.

Keywords: ecclesionym, toponym, onomatology, myth, legend, anthroponym, ethnonym, ethnography

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯНСКОГО БУЛАВА

Хендрик Бусхотен (г. Майнц, Германия)

Резюме. В статье обосновывается тюркская этимология славянского *булава* на основе словоупотребления в тексте Рабгузи «Кысас ул-анбийа».

Ключевые слова: этимология, славянские языки, тюркские языки, *hарах le-gomepon*, заимствования

Этимология слова «булава» (булава; гетманский жезл) славистами традиционно признается сугубо внутриславянской. Однако же предположение Фасмера в высшей степени неубедительно: **bula* ‘шишка, набалдашник’ + *-ava*, где *bula*, редко встречающееся в славянских языках слово, в конечном счете имеет германское происхождение (ср. нем. *Beule*) [Фасмер 1964: 237]. Но ни в семантическом отношении, ни исходя из распространения *bula*, это решение не выглядит привлекательным. Вероятное тюркское происхождение слова частным образом принималось тюркологами (например, К. Менгесом), но эта гипотеза решительно отвергается Фасмером [Там же]. Более того, ни в одном из тюркских языков не было обнаружено ни одной приемлемой параллели, которая была бы связана со словом «булава».

Однако, по нашему мнению, предположение о тюркских корнях славянской «булавы» может быть сделано на основе одного из случаев употребления слова *bulaġu* в Лондонской рукописи рассказов Рабгузи «Кысас ул-анбийа», написанных в 1310 г. на хорезмийском тюрки. При подготовке этой рукописи к публикации указанное слово было просто включено в указатель и ему не было уделено внимания [Voeschoten e.a. 1995]. Кроме того, поводом к написанию данной заметки стало то, что за прошедшие с тех пор годы мне удалось получить копию Бакинской рукописи сочинения Рабгузи, которая является пока наиболее ранней в хронологическом отношении, и в ней содержится интересующий нас отрывок. Говоря «наиболее ранняя», мы подразумеваем XVI в., более древние списки этого произведения до нас не дошли.

Слово *bulaġu* встречается в одном предложении из повествования о битве при Кербеле, где был убит Хусейн, внук пророка Мухаммада: *Zur'a bin Šarīki t-Tamīmī Husaynīj āligiñä bulaġu (بولاعو) birlä urdī* «Зур'а б. Шарик ат-Тамими ударил Хусейна булавой в его руку» [MS British Library Add 7851, fol. 248r12; ср.: Voeschoten e.a. 1995: 566; факсимиле рукописи см.: Grønbech 1948]. В Бакинской рукописи в этом же предложении, однако, использовано персидское заимствование *gürz*: *Sol āligiñä gürz birlä urdīlar*. «Они ударили булавой в его левую руку» [MS Ac. Sc. Vaku B 1460, fol. 146v4]. Такое различие в словоупот-

реблении не имеет большого значения и является довольно типичным для рукописей, переписанных разными писцами.

Использование слова *gürz* вместо *bulaġu* примечательно само по себе, так как обычно в данном тексте для обозначения булавы используется слово *topuz*, и *gürz* не встречается нигде более. Но в той же степени примечателен тот факт, что мы встречаем слово *bulaġu* только лишь в этом одном случае; таким образом, мы имеем дело с *hapaх* *legomenon* (слово в документе только один раз). С другой стороны, с нашей точки зрения, значение «булава» здесь хорошо подходит. О том же, почему эти слова встречаются лишь по одному разу, можно только гадать. Однако следует отметить, что сцена гибели Хусейна является одним из наиболее трагических эпизодов (если не самым трагическим) всего повествования, и, вероятнее всего, употребление слова, которое более в рукописи не встречается, служит дополнительным приемом, подчеркивающим драматичность описания.

Что касается этимологии самого слова *bulaġu*, то наиболее вероятным представляется возвести его к глаголу **bulġa-* «смешивать; мутить; досаждать. вредить; сеять смуту» [ДТС 122] с суффиксом *-ġu/-ġü* (с функцией образования существительных, что подтверждает древнетюркский материал; ср.: [Erdal 1991: I, 152]), однако, мне кажется сомнительным, что в данном случае мы имеем дело с «лексикализацией» омофона отглагольного существительного); примеры тому — *bīčġu* ‘пила’ (< *bīč-* ‘резать’, CL 294), *biläġü* ‘точильный камень’ (< *bilä-* ‘затачивать лезвие’, CL 341) и *yüligü* ‘лезвие» (< *yüli-* ‘брить’, CL 928). Связь глагола *bulġa-* с кровавыми сражениями и войной также хорошо подтверждается в тексте самого произведения «Кысас ул-анбийа», см., например: *qanġa bulġa-* ‘испачкать в крови’.

Чередование *bulaġu* > *bulaw(u)* является обычным для кыпчакских языков; ср.: *buqaġu* > *buqaw(u)*; *buqaġu* и *buqav* встречаются в Лондонской рукописи «Кысас-ул-анбийа»; *biläġü* > *biläwü* (в списке Хоутсма), *biläv* (в *Codex Cumanicus*) [CL, 341].

Остается разрешить два вопроса. Во-первых, маркер женского рода *-a* в слове «булава» может быть отражением конечного *-u* в *bulaġu* или же являться просто результатом процесса морфологической адаптации в каком-то из славянских языков. К. Менгес приводит некоторые примеры, в которых заимствованные слова (в его списке преимущественно из арабского языка) были интегрированы в класс имен на *-a*; ср.: **naqt* ‘небольшая монета’ > *nagat* > *ногата* [Menges 1951: 29] и **sayf* ‘меч’ > *сабля* (Menges 1951: 39).

Во-вторых, необходимо объяснить исчезновение /ġ/ в начале слога (**bulġaġu* > *bulaġu*). В хорезмийском тюрки /ġ/ в данной позиции сохраняется, в особенности в глаголе *bulġa-* и его производных *bulġan-* и *bulġaš-*. В нашем случае исчезновение /ġ/, по всей видимости, является результатом диссимилиации под влиянием взрывного велярного (в этом случае также /ġ/) в следующем слоге. Достоверность подобного объяснения подтверждается такими примерами, как *bulġaq* ‘беспорядок / беспорядочно’ > *bulaq* в раннечагатайском (в выражении *alaq bulaq*) и в современном киргизском [CL 336], оба языка сохранили глагол *bulġa-*, от которого, возможно, и происходит наш дериват в его изначальной форме; *äšgäk* ‘осел’ > *äšäk* in an early stage [CL 260]; *orġaq* ‘sickle’ > *oraq* (в раннечагатайском и у Хоутсма, CL 216); *qulqaaq* ‘ухо’ > *qulġaaq* > *qulaq* уже в караханидском языке (XI в.) [CL 621], *yatġaaq* > *yatġaaq* ~ *yataq* ‘место для лежания’ (в чагатайском XV в.) [CL 888].

Таким образом, значение слова *bulagu* 'булава; жезл' в процитированном отрывке из «Кысас ул-анбийя» Рабгузи кажется довольно ясным. Даже если мы имеем дело с *һарах*, связь славянского «булава» с тюркскими языками очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

- ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964.
Boeschoten H., Vandamme M., Tezcan S. Al-Rabghūzī, The Stories of the Prophets. Vol. I. Text Edition. – Leiden, 1995.
Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxf., 1972.
Erdal M. Old Turkic Word Formation: a Functional Approach to the Lexicon. 2 Vols. – Wiesbaden, 1991.
Grønbech K. Narrationes de Prophetis. Cod. Mss. Britt. Add 7851. – København, 1948.
Menges K. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor' Tale. Supplement to Word, Monograph No. 1. – N.Y., 1951.

Перевод с англ. Т.А. Аникеевой

Hendrik Boeschoten. On the origin of the Slavonic word *bulava*

Summary. The article discusses a Turkic etymology of the Russian word *bulava*.

Key words: etymology, Slavonic languages, Turkic languages, hapax legomenon, loanwords

**К ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОАРЕАЛЬНОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЮРКСКИХ КОМПОНЕНТОВ ДВУХ
ГРАФФИТИ (№ 153 и 149) XI и XII вв.
ИЗ СОБОРА СВ. СОФИИ В КИЕВЕ**

Г.-Р. А.-К. Гусейнов (г. Махачкала)

Резюме. В статье устанавливается огузская и болгарская принадлежность лексических элементов двух граффити – **ИВАН ЧОР(ЧЮР)** и **ДАДИЛЬЦЕ КАСОЖ-ИЧЬ ТЪМ[О]УТОРО[КА](НЬЦЬ)** – и их исторические связи с тюркскими языками Северного Кавказа, Крыма и Подонья. Это свидетельствует о том, что в XI–XII вв. в регионе Северо-Западного Кавказа было представлено не только адыгское, как обычно полагают, но прежде всего болгарское и иное тюркское население, довольно тесно связанное с рядом других местных этносов.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, болгарские и огузские языки, граффити, Киев, собор Святой Софии

К числу прямых археологических свидетельств использования в Киеве X в., вероятно, тюркоязычным населением арабского куфического письма относится, как известно, надпись, обнаруженная на боковой поверхности литейной формочки с киевского Подола. По предположению Б.И. Маршака, оно было торкским, т.е. огузским [см.: Мединцева 1983: 92].

Однако сам факт использования арабской графики предполагает исповедание торками ислама, что в рассматриваемое время представляется маловероятным. Наоборот, та их часть, которая вошла в состав черных клобуков – союзников Киевской Руси – и осталась в Поросье после нашествия Батые в 1240 г., была ассимилирована местным славянским населением и приняла, надо полагать, христианство.

Принятие христианства, возможно, отдельными торками могло иметь место гораздо раньше, и к числу более надежных свидетельств этого следует отнести собственно языковые факты, рассматриваемые ниже. К ним относится тюрко(огузско)-славянское двуязычное граффити (№153) XI в. из Киевского храма св. Софии. В нем обнаруживается антропоним **ИВАН ЧОР (ЧЮР)**, который считается принадлежащим торкам (черным клобукам) и возводится к титулу **Ўbr(ın)**, упоминаемому Константином Багрянородным (ок. 948 г.) [Прицак 1988: 52–53]. В датированных древнетюркских памятниках этот титул известен еще под 732 г. [ДТС: 157, 219]. Он имеет иранское или китайское происхождение [Ср.-ист. грамм. тюрк. яз.: 321] и отразился в названии печенежского рода (Кюэрчи) Чур [Баскаков 1969: 256], что еще раз указывает на его огузскую принадлежность.

К этому же имени может иметь отношение русск. фолькл. *Чурило (Чурил-ка, Чуришка, Шурило) Пленкович*. Он в некоторых былинах сюжетно связан и с галицко-волынским богачом Дюком, появление которого некоторые исследователи относят к XII–XIII вв., а Чурилы – к рубежу XI–XII вв., когда и упоминается *Иван Чор (Чюр)* из рассматриваемого граффити. В образе Чурилы некоторые исследователи видят также отражение деятельности князя Кирилла-Всеволода Ольговича

(1116–1146 гг.), друга половцев, врага Киева, разорителя сел и городов [Тарланов 2002: 82].

Речь, возможно, идет в данном случае о правившем в 1139–1146 гг. дяде князя Игоря Северского Всеволоде II Высокомерном (Ольговиче). Он был рожден от половчанки – дочери Осалук-хана Бурчевича [Плетнева 1990: 47, 150, 151]. Имя *Чурила* могло быть вторым (языческим) прозвищем-оберегом вышеупомянутого князя, в котором конечное *-ила* находит свой аналог в единичном – из прост. *здоровила* – суффиксе имен существительных, называющих лицо [Русск. грамм. 1980: 177].

Неслучайно, видимо, в русских былинах Киевского цикла названный фольклорный герой не только отличается своим иноземным происхождением, что подтверждается именем его отца – Пленко Сорожанин, вторая часть которого восходит к др.-русс. СУРОЖЬ – названию г. Судака в Крыму, тюркско-булгарскому по происхождению [Гусейнов 2011: 26], но и социальным статусом. Об этом говорит поездка князя Владимира в поместье Чурилы и служба последнего в Киеве стольником-чашником, а затем «позовщиком на пиры» [см.: Русский Биографический Словарь].

Следующая по времени фиксация рассматриваемых лексических форм имеет место в настенной надписи (граффити) (№149) XII в. в киевской Софии, в которой автор называет себя ДАДИЛЬЦЕ КАСОЖ-ИЧЬ ТЪМ[О]УТОРО[КА](НЬЦЬ) [Зализняк 2008: 213, прим.41], что указывает на его связь с населением соседних, более южных регионов. Первое упоминание второй части соответствующего антропонима связано с сообщением «Повести временных лет» о взятии князем Святославом Семендера во время похода 965 г. и традиционно считается «первым сохранившимся упоминанием об аланах-ясах в русской хронике...»: «В ЛѢТО 6473 ИДЕ СВЯТОСЛАВЪ НА КОЗАРЫ СЛЫШАВШЕ ЖЕ КОЗАРИ ИЗИДОША ПРОТИВУ СЪ КНЯЗЕМЪ СВОИМЪ КАГАНОМЪ И СЪСТУПИШАСЯ БИТ[ИСЯ] И БЫ]ВШИ БРАНИ ОДОЛѢ СВЯТОСЛАВЪ КОЗАРОМЪ И ГРАДЪ ИХ БѢЛУ ВЕЖЮ ВЗА И ЯСЫ ПОБѢДИ [И] КАСОГЫ». Затем следует упомянутый в той же летописи под 1022 г. поединок между князем Мстиславом Тмутараканским и касожским князем по имени РЕДЕДЯ, в результате которого последний был убит, и Мстислав «ДАНЬ ВЪЗЛОЖИ НА КАСОГЫ» [см. Алемань 2003: 490, 490, прим.12].

Этноним (КАСОГ-Ы) впервые упоминается греческими источниками (*Κασαχ-ος*, VIII в.), затем, в X в., как страна *Κασαχία* – Константином Багрянородным, страна *Kasa* – в письме (др.-евр.) кагана Иосифа (X в.) и *Каѡак*, не желающие «назначить царя, чтобы он правил ими», у ал-Масуди [Алемань 2003: 350; Волкова 1973, 19-20; Фасмер 1967, 206]. Само слово является болгарским репрезентатом лексических форм тюркских языков со значением «беглец», а его инодиалектным вариантом – известное с 1395 г. др.-русс. КОЗАКЪ [Гусейнов 2010: 58].

Причем исходное значение «беглец» рассматриваемого этнонима отвечает зафиксированному в «Армянской географии» Анания Ширакаци (не позднее конца VII в.) названию одного из племен болгароязычных хонов-протокумыков, продвинувшихся первоначально (с конца V – первой половины VI в.) из восточного Предкавказья к другим болгарским племенам. Именно они располагались к северу от Кубани и стали известны здесь под наименованием Огхондор-Блкар-пришельцы [Гусейнов 2009: 69].

Неслучайно именно здесь, на Кубани и в Западном Предкавказье, проживали т.н. «черные болгары», которые упоминаются в договоре Игоря с Византией 944 г. и примерно тогда же Константином Багрянородным [Гадло 1979: 193,

прим.]. Именно они находились в непосредственной территориальной смежности с Тмутараканским княжеством.

О том же говорят и данные Идриси (1154 г.), согласно которому из трех частей Кумании (Белой, Черной и Внешней) по соседству с Тмутараканью находится Черная (северная), а западнее ее находится Белая (западная) Кумания. Белая, или Западная, Кумания включала Приднестровье и Приднепровье, центром Черной был Северный Донец. Соответственно кубанские, или приазовские, болгары назывались черными болгарами, а их страна – Черной Болгарией [Кононов 1978:167–168].

Первая же часть рассматриваемого имени из данного граффити ДАДИЛЬЦЕ КАСОЖ-ИЧЬ (т.е. касог) ТЪМ[О]УТОРО[КА](НЬЦЬ)[Зализняк 2008: 213, прим.41] может представлять собой метатезное (искаженное) отражение имени касожского предводителя РЕДЕДЯ (см. выше), упомянутого в «Повести временных лет» под 1022 г. Его этимон также является тюркским, возможно, огузским и имеющим соответствия в кумыкском языке [Гусейнов 2010, 57], имеет значение «муж-отец» («вождь»), ибо касоги, по данным ал-Масуди, не желали «назначить царя, чтобы он правил ими» [Алемань2003: 350]. Все это поддерживается известным пребыванием хазарских печенегов-огузов в исторических пределах Тмутараканского княжества и вхождением в XI–XII вв. в состав государства Сельджукидов Семендерского (Джидан) царства кумыков, в пределы которого переселяются несколько племен огузского круга [Гусейнов 2010, 56–57]. Известные и другие, фольклорные свидетельства связей вышеупомянутых языков с огузскими [см. Гусейнов 2010а: 52–56].

Что же касается идущего еще от «Истории Адыгейского народа» Ш. Бекмурзина-Ногмова утверждения об адыгском происхождении рассматриваемого имени, то, как было установлено Н.С. Трубецким, «весь рассказ был сочинен автором книги, за исключением припева, являющегося искажением припева адыгейских свадебных песен – *Уредэ*. Последний обнаруживает сходство с припевом русских свадебных песен – *Уредеди, Уряди* и алтайских – *ойрыд* [см.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве»].

Однако такой известный специалист в области этимологии адыгских языков, как А.К. Шагиров, полагал, что вышеупомянутый адыгский свадебный рефрен «никакого отношения к имени летописного Редеди, разумеется, не имеет» [Шагиров 1973: 368, 371]. На его взгляд, «источником заимствования для русских свадебных песен послужила адыгская свадебная песня», а сходство с алт. *ойрыд* носит случайный характер ввиду междоименного происхождения обоих слов.

Что касается третьей части ТЪМ[О]УТОРО[КА](НЬЦЬ), указывающей исходную область проживания носителя рассматриваемого антропонима – ТЪМУТОРОКАНЬ, ставшей после похода Святослава (965 г.) центром русского Тмутараканского княжества, то он имеет древнекоманско(кумыкско)-булгарское происхождение [Гусейнов 2010б]. Установлены и иные, в т.ч. топонимические, свидетельства близости ойконимики Северо-Восточного Кавказа, Крыма и прилегающих областей, входящих в зону Салтово-Маяцкой культуры. Их анализ позволяет полагать, что они являются языковым наследием булгарских племен, господствовавших на пространстве от Крыма до Дербентского (Каспийского) прохода еще в эпоху Хазарского каганата [Гусейнов 2012].

Традиционно полагают также, что русское население Тмутараканского княжества устанавливает связи с абхазо-адыгскими племенами абазин, ясов и касогов [Захаров 2002: 58,59] (о булгарском происхождении последних см. в

предшествующем изложении). Под именем же ясов, побежденных Святославом вместе с булгарами-касогами (см. выше), могли быть известны т. н. хазарские печенеги-огузы, представленные в степном междуречье нижнего Дона и Кубани и входившие в гарнизон крепости Белая Вежа и находившиеся тем самым в исторических пределах Тмутараканского княжества [Гусейнов, 2010: 56-57].

Якобы упоминаемые еще в «Повести временных лет» в контексте известного ее сообщения «АВЕР, ИЖЕ СУТЬ ОБЕЗЫ» абазины, точнее, тот этнос, который проживал в пределах их нынешнего расселения на Северном Кавказе, также является, по всей видимости, одним из местных болгарских племен. Оно может быть отождествлено с народом авазов, известным не позднее конца VII в. в регионе, близком к Тмутаракани. Его название – с упоминаемым к началу X в. (булгарского типа [Баскаков 1985, 33]) наименованием хазарского (булгарского) рода Авыр//Авар/Аваз//Абаз. Данный факт поддерживается расселением в VI–VIII и в начале IX вв. болгарских племен зихов, традиционно считающихся протоадыгскими, юго-восточнее Таманского (будущего Тмутараканского княжества) полуострова [Гусейнов 2009: 61–62].

Здесь и могли располагаться вышеупомянутые болгарские племена Авер/Обез. Их наименование, отложившись в древнерусском названии аваров ОБЪРЕ, ОБЪРИ, ед. ч. ОБЪРИНЬ, восходит к этнониму ушедшего в Паннонию хазарского рода кабаров, первоначальной областью проживания которого являлся Северный Кавказ и Дагестан [Гусейнов 2010в].

Показательно и то, что, согласно археологическим данным, на кувшине, найденном в Тмутаракани в слоях середины X в., обнаружены тамгообразные знаки, связываемые с местным тюркским населением Тмутаракани. Они имеют близкие аналогии с подобными знаками в памятниках Причерноморья, Саркела, Маяцкого (см. выше о Салтово-Маяцкой культуре) городища, в славянских древностях. Сюда же относится датируемый второй половиной – концом X в. кириллический фрагмент БАТ... на ручке амфоры, предположительно связываемый с именем болгарского хана Бат-Баян. Причем в хазарской крепости Саркел (в условиях схождения материальной культуры Тмутаракани и Саркела / Белой Вежи в X в.) на фрагменте амфоры также были обнаружены тамгообразные знаки, очень близкие к тмутараканским. Они сделаны в период, когда во второй половине X – начале XI в. оба города — Тамань и Белая Вежа — входили с систему русских княжеств [Медынцева 1998: 180, 182–185].

Все изложенное выше свидетельствует о том, что в рассматриваемую эпоху в регионе Северо-Западного Кавказа было представлено не только адыгское, как обычно полагают, но прежде всего болгарское и иное тюркоязычное население, достаточно близкородственное ареально смежным этносам Северо-Восточного Кавказа, Дагестана, Крыма и Подонья. Дальнейшую интерпретацию вышеупомянутых граффити и изучение иных новых, в т. ч. и языковых, фактов, связанных с ареалом расселения носителей болгарских и других тюркских языков в указанных регионах, следует отнести к числу актуальных задач изучения их совместной с восточными славянами этнической истории.

ЛИТЕРАТУРА

Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. – М.: Менеджер, 2003.

Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1985.

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969.

Волкова Н.Г. Этнонимы народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Древние булгары на Балканах и Кавказе: область исходного расселения и происхождение этнонима. К протолингвоэтногенезу зихов, балкар (малкар) и кумыков // Вопросы тюркологии. – Махачкала, 2009. Вып.4.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала, 2010.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Антропонимика русских былин в контексте ее древних отношений с тюркскими языками Северо-Восточного Кавказа и Дагестана // Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики». – Майкоп, 2010 (а).

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Др.-русс. ТЪМУТОРОКАНЬ/ТЪМУТАРКАНЬ и АШ-ТАРАКАНЬ в контексте истории взаимоотношений тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. – Пятигорск, 2010 № 3 (б).

Гусейнов Г.-Р.А.-К. ОБЪРИ «Повести временных лет» и «ШЕЛОМЫ ОВАРЬСКЫЯ» «Слова о полку Игореве» в контексте древних взаимоотношений языков народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. – Пятигорск, 2010. № 2(в).

Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком / Автореф. дис... докт. филол. наук. – Махачкала, 2011.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. О некоторых общих булгаризмах в ойконимике Крыма и Северо-Восточного Кавказа//Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2012, № 224.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Захаров В.А. Тмутараканское княжество // Сборник Русского исторического общества. От Тмутаракани до Тамани. – М.: Русская панорама, 2002, № 4 (152).

Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. – М., 1978.

Медынцева А.А. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983г. Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1983.

Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. – М.: Наука, 1998. – С. 180, 182–185.

Прицак О.И. Тюрко-славянское двуязычное граффити XI столетия из собора св. Софии в Киеве // Вопросы языкознания. 1988, №2.

Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990.

Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. Т. I.

Русский Биографический Словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulex.ru/01240105.htm> (дата обращения: 15.09.2012).

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2001.

Тарланов З.К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск, 2002.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1967. Т.2.

Шагиров А.К. Этимологический разбор кабардинской песенной фразы *уэрейдэ рейдэ оу* (или *у-э-э) редэдэ махуэ* // *Этимология*. 1971. – М.: Наука, 1973.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве» – СПб., 1995. Т. IV// [Электронный ресурс].URL: <http://www.feb-web.ru/slovenс/es/default/asp/> (дата обращения: 15.09.2012).

Garun-Rashid A.-K. Guseynov. Historical, etymological, ethnic and area interpretation of the Turkic components of two graffiti (№ 153 and 149) of 11 and 12 Cc. from St. Sophia Cathedral in Kiev

Summary. As a result of the made analysis are established Oguz and Bulgar accessory of considered lexical elements – ИВАН ЧОР (ЧЮР) and ДАДИЛЬЦЕ КАСОЖИЧЬ ТЪМ[О]УТОРО[КА](НЬЦЬ) – and their historical link with Turkic languages of the North Caucasus, the Crimea and Don river's area. It testifies and that during a considered era in the region of North Western Caucasus it was presented not exclusively Adyghe, as usual believe, but first of all Bulgar and other Turkic population, rather closely related to adjacent ethnoses of the called region.

Key words: North Western Caucasus, Bulgar and Oguz languages, Kiev, graffiti, St. Sophia Cathedral

БАТРАК, МАЛАЙ, БАРАНЧУК

И.Г. Добродомов (г. Москва)

Резюме. В статье обосновывается русское происхождение слов *батрак*, *малай*, *баранчук*.

Ключевые слова: этимология, русский язык, тюркские языки, источник заимствования, межъязыковые связи

Русское название сельскохозяйственного наёмного работника *батрак* известно по деловой письменности Смоленского края с последней четверти XVI в. (1585) [1].

В конце XIX в. Н.В. Горяев предположил «северно-татарское происхождение» этого слова с производными: «Батр-ак-ъ, батр-ач-ка, батр-ач-и-ть: татар. (с ъв.) батрак (Словарь Остроумова)» [2]. Однако, дело осложняется тем, что казанско-татарское *батрак* ‘батрак, рабочий’ тюркологи, не без оснований, считают русским заимствованием [3], поскольку другим тюркским языкам оно почти неизвестно и является эндемичным словом на тюркской почве. Это обстоятельство вместе с желанием найти истоки слова породило большое количество этимологических догадок и домыслов.

Среди многочисленных этимологических предположений, которые пытаются объяснить происхождение русского слова *батрак* господствует и эта бездоказательная фантазия: «Вероятно, производн. с суф. *-ак* (по образцу рус. *рыбак, мастак*) от диал. *батырь* ‘староста в артели крючников’, заимств. из тур. *batir, batur* ‘смелый, отважный» [4]. Остаётся неясным, что нового вносит суффикс *-ак* в «производное» слово, и нет аналогичных образований, поскольку ни *рыбак*, ни *мастак* таковыми не являются.

Эта предложенная А.И. Соболевским и поддержанная М. Фасмером этимологическая версия «по семантико-словообразовательным основаниям» убедительно подвергнута критике Н.М. Шанским, назвавшим её менее убедительной по сравнению с татарской этимологией, выдвинутой уже В.П. Бурнашевым [5]: «было бы *батыряк* с очень устойчивым *ы*, совершенно иного типа, нежели – указываемые как аналогичные *мастак* (см.), *маклак* (см.) и диал. *тумаκ* ‘ублюдок’» [6]

Столь же сомнительна и попытка перенести суффиксацию слова *батырь* уменьшительным суффиксом *-ак* на тюркскую почву, поскольку предполагаемое при этом тюркское **batyraq* ‘богатырёк’ [7] нигде не зафиксировано и с богатyrством его связь семантически никак не обнаруживается за отсутствием самого факта.

Не имеет даже отдалённого правдоподобия весьма фантастическое производство от глагола типа *батать* (воронеж.) ‘ударять, стучать’, др.-рус. *батати* ‘колотить, tundere’ [8] и т.п., смело предложенное В.Н. Топоровым [9].

В.Н. Шипова включила слово *батрак* в свой «Словарь тюркизмов в русском языке» как заимствование из татарского языка, но зачем-то также привлекла сравнительную степень *бадрак* (тур.), *батрак*, *патрак* (чагат.) ‘скорее’ [10], не имеющую к существительному *батрак* никакого отношения, кроме случайного созвучия.

Среди этимологических домыслов самого фантастического характера есть и просто невысказанные типа выведения русского *батрак* из древнегреческого названия лягушки *βάτραχος* [11].

Случайное созвучие с венгерской формой множественного числа *bátrak* от *bátor* ‘смелый’ является только лишь курьёзом и не может быть основой для этимологии русского социального термина *батрак*, хотя В.Н. Топоров едва ли имел основание считать, что «можно было бы думать, напр., о старом мадьяризме, ср. венг. *bátor* ‘смелый’» [12].

Отталкиваясь от русского диалектного слова *братчина* ‘артель’, П.Я. Черных ставит вопрос: «Не получилось ли батрак на русской почве из **братрак* или вследствие межслоговой диссимилиации (*братра* - > *батра* -), или от возможной вариантной формы **батръ* (> и.-е. **bratrъ*)?». Далее, не давая ответа на этот двойной вопрос, ставит под видом ответа новый: «Старшее знач. слова, *батрак*, очевидно, было другое: «товарищ по работе, по труду, иногда по горькой участи (?)». [13]. Никаких семантических ассоциаций с *братом* и *братством* слово *батрак* не обнаруживает.

Географически, семантически и фонетически ущербно сближение с румын. *bătrân* ‘старик’ [14].

Подробный анализ предложенных этимологических соображений сделан в «Русском этимологическом словаре» А.Е. Аникина и в рецензии на него, причём автор этимологического словаря, скептически относясь к высказанным ранее этимологиям, считает, что слово *батрак* остаётся «без надёжной этимологии», с чем приходится согласиться [15]. Вместе с тем стоит согласиться и с мнением А.Е. Аникина: «Тем не менее, тюрк. этимол. <русского слова *батрак*> остаётся наиболее вероятной».

В рамках этих соображений А.Е. Аникина следует принять этимологию русского социального термина *батрак* из тюркского источника, с чем согласно большинство этимологов, которые справедливо считают, что на русской почве это слово в такой форме образоваться не могло. Но и на тюрко-татарской почве слово *батрак* не имеет корней и выглядит как изолированное заимствование, хотя в современных окружающих языках сейчас не обнаруживается подходящий источник заимствования.

В изучении русско-тюркских языковых контактов много сделано по части изучения тюркского вклада в русскую лексику, но русский вклад в лексику тюркских языков исследован явно недостаточно, особенно применительно к древним периодам. Однако при учёте истории как русского, так и тюркских языков, такой источник может быть найден в древнерусском языке. В качестве источника татарского *батрак* можно предположить древнерусское название юноши, подростка, слуги, помощника, молодого воина *отрокъ* [16].

Многозначное слово *отрок* имело распространение почти во всех славянских языках, причём иногда оно начиналось протетическим согласным *в* – (*w*). [17]. В русском языке перед начальным ударным гласным *о*- мог эпизодически появляться протетический согласный *в*-, что и сейчас отражено в

колебании фонетики слов *восемь* – *осьмь*, *вотчим* – *отчим*, *вотчина* – *отчина*, *вострый* – *острый*, *воспа* – *оспа* и т.д.

Весьма вероятная в древнерусском языке форма **вотрок* с начальным протетическим *в-* может стать источником для татарского *батрак* и далее русского *батрак*.

Дело в том, что когда-то в тюркских языках не было согласного звука *в-* и в тех русских словах, которые содержали этот звук и заимствовались тюрками, звук *в-* заменялся звуком *б-*: русская частица *ведь* приобрела в татарском языке облик *бит*, а название плоского деревянного бруска с рукояткой для выколачивания белья при полоскании или для катания его на скалке *валёк* приобрело в татарском языке облик *бэлэк*. Чувашское название проруби *вак*, *вакй* в татарском языке стало звучать *бэке* (и даже *мэке* в диалектах).

Древнерусский гласный *о* был широким слабо лабиализованным звуком, поэтому в старых тюркских заимствованиях из русского языка он мог передаваться звуком *а*: русск. *солома* → татар. *салам*, русск. *село* → татар. *сала*, русск. *солод* → татар. *салат*, русск. *малый* (в диалектной форме *мáлой*) → татар. *малай*.

Следовательно, есть основания считать, что русское слово *отрок* (**вотрок*) было заимствовано татарским языком, где оно приобрело облик *батрак*, и в таком виде вернулось обратно в русский язык, став совсем другим словом *батрак*, связь которого со своим первоисточником *отрок* оно уже утратило.

Возможен и другой путь проникновения русского слова *отрок* в татарский язык и появления в нём слова *батрак* – через болгарско-чувашское посредство. В чувашском языке начальные лабиализованные гласные *у-*, *о-* регулярно развивают лабиальную протезу *в-* (часто с делабиализацией гласного), что отражено, например в русском тюркизме *ватага* (в других тюркских языках *отаг* ‘шатёр, комната, семья’) [18].

На чувашской почве слово *отрок* испытало такое же преобразование начала слова как и в русских словах *улей* (→ чуваш. *вёлле*) и *острый* (→ чуваш. *вастра* ‘ловкий, проворный, поворотливый, бойкий’) [19]. Но, к сожалению, ожидаемая форма **ватрак* в современном чувашском языке не сохранилась, но следы её представлены в татарском *батрак*.

В истории слова *батрак* интересно то, что в советское время оно из русского языка проникло в книжные стили многих тюркских языков (башкирский, алтайский, каракалпакский, казахский, киргизский, туркменский, узбекский, хакасский), а также в другие языки народов СССР, но социальный термин *батрак* в этих языках является результатом совсем новых процессов проникновения русской терминологии в книжную речь народов страны.

Можно в качестве параллели к судьбе слова *батрак* указать на судьбу субстантивированного прилагательного *малый* ‘молодой человек, слуга’, которое было заимствовано тюркскими языками Поволжья и Средней Азии и после некоторого фонетического преобразования на тюркской почве вернулось обратно в русский язык, что осторожно описал Н.К. Дмитриев: «*Малай*, ж.р. *малайка*. Так русские на Волге называли прежде татарских парней и девиц. Форма женского рода образована, конечно, на русской почве; что касается формы мужского рода, то она и по сие время употребляется у татар в значении ‘парень’. Поскольку в других тюркских языках это слово почти не встречается, не происходило ли оно от старого русского *малый*?» [20].

Слово *малай* фиксируется сейчас гораздо большим числом тюркских языков, чем это указано Н.К. Дмитриевым: каракалпак. *малай* 'работник, батрак, прислужник, лакей'; башкир. *малай* 'мальчик, мальчишка'; новотуркмен. *malaj* 'посыльный, слуга'; киргиз. *малай истор.* 'наемный рабочий, работник, исполнявший домашние работы', *перен.* 'наемник, прислужник'; казах. *малай* 'работник (подпасок)'; узбек. *малай* 'слуга, служанка, прислуга'; *презр.* 'прислужник, лакей, наёмник'.

В неоконченном академическом словаре было зафиксировано слово общего рода (с неточной пометой о его принадлежности к мужскому – м.): «*Малайка*, и. м. Молодой татаринъ, азиатъ. *Спѣшившіеся два другихъ башкира, одинъ тощій въ рваномъ беиметѣ, а другой ещё малайка, припали къ тропѣ и внимательно рассматривали слѣды конскихъ копытъ.* Маминь-Сибир. Въ дорогѣ, с. 46. Кличка всѣхъ молодыхъ кавказцевъ-арестантовъ на каторгѣ (Дорошевичъ, Сахалинъ). Кличка всякого работника-туземца въ Оренбургскомъ и Средне-Азиатскомъ краѣ (Журн. Дѣло, 1874, №9, с. 124). *Наишъ малайка, кривоглазый хаджи, вѣрнѣйшій и честнѣйшій человекъ...* Ардовъ, Средн.-Аз. очерки (Русск. Вѣд. 1899, №24). Мальчикъ. *Волж.* (Д.<аль>). (Словарь русского языка, составленный Постоянной словарной комиссіей Академіи наукъ СССР, т. 6, вып. 1 Л, 1927, стб.87).

В переиздании этого выпуска пять лет спустя текст словарной статьи *малайка* в основном сохранился при сильном обновлении списка составителей словаря и лиц, содействовавших составителям, но слово получило туманную помету *обл<астное>*, а употребление слова у каторжников – *Доревол<юционное>* [21].

Десять лет спустя Н.К. Дмитриев в докладе 1942 г. о тюркских элементах русского словаря (впервые опубликовано в 1958 г. в «Лексикографическом сборнике», вып. III и перепечатано в сборнике статей Н.К. Дмитриева «Строй тюркских языков» в 1962 г.) применительно к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940), где слова *малай*, *малайка* нет, дал краткую этимологическую справку об этих словах.

Как показывает двухтомный академический «Сводный словарь современной русской лексики» (М., 1991), слова *малай*, *малайка* пока не попали в большую лексикографию, но они отмечаются как региональные слова в русских специальных и областных словарях [22].

Трансформация существительного *малый* осуществилась, вероятно, в рамках такого межъязыкового тюркско-русского жаргона (пиджина), который полтора века назад описывал В.И. Даль: «сосѣдніе съ башкирами и киргизами русскіе бесѣдуютъ съ ними на какомъ-то условномъ языкѣ, гдѣ слышишь: *баранчукъ* (ребенокъ), *марушка*, *марджа* (марья, русская баба), *кур-гашъ* и *курпячъ* (ягня), *мазарки* (могила), *маханъ* (конина), *шара бара* (хламъ), *калта́* (сума) и пр., хотя часть этихъ словъ и не татарскія, а калмыцкія» [23]. Одно из слов этого тюркско-русского пиджина Поволжья и Средней Азии рискнула вставить в свои стихи А.А. Ахматова:

Я буду помнить звездный кров...
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей...

В.М. Жирмунский ошибочно объяснил это слово как узбекское *баранчук* ‘малыш, ласкательное название ребёнка’, хотя узбекский язык этого слова не знает. [24]. Гораздо точнее объяснение В.И. Даля: «*Баранчукъ*, *прм.* бороноволокъ, парень, подростокъ // *Орнб. сиб.* вообще ребенокъ, особенно въ разговорѣ съ татарскими народами (хотя слово это не татарское; монгольское?)» [25].

Здесь поправки требует лишь апелляция к монгольскому языку, где такого слова нет. На самом деле можно думать, что это подвергшееся фонетической обработке в тюркском языке, где нет начального *п*- (башкирский), русское слово *парень*, *паренёк*, *парнишка* с тюркским уменьшительным суффиксом *-чук*. Русско-тюркский пиджин Поволжья, Средней Азии, Кавказа пока ждёт своего исследования [26].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 1. – М., 1975. – С. 80.
2. *Горяев Н.В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис, 1896. – С. 13.
3. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. – СПб., 1911, стб. 1516.
4. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007. – С. 32. Этимология высказана А.И. Соболевским в 1913 году; см.: *Соболевский А.И.* Труды по истории русского языка. Т. 2, – М., 2006. – С. 357. В.Н. Топоров считает данную этимологию «явно неудовлетворительной» и даже не разбирает её. (См.: *Топоров В.Н.* Др. греч. *βάτραχος* и др. // Балто-славянские исследования. 1981. – М., 1982. – С. 160.
5. *Бурнашев В.П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, помыслов и быта народного, т. I, – СПб., 1843. – С. 35.
6. *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 2. – М., 1965. – С. 57.
7. *Аникин А.В.* Русский этимологический словарь, вып. 2. – М., 2008. – С. 275.
8. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. – СПб., 1893, стб. 45.
9. *Топоров В.Н.* // *Zbonik u čast Petru Skoku (Mélanges de linguistique dédiés à la mémoire de Petar Skok) / Zagreb*, 1985. – С. 499.
10. *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата, 1976. – С. 67.
11. *Топоров В.Н.* Др.-гр. *βάτραχος* и др. (заметка на полях) // Балто-славянские исследования 1981. – М., 1982. – С. 160–162.
12. Там же.
13. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка, т. I. – М., 1993. – С. 78.
14. *Orel VI.* Russian Etymological Vocabulary, Book 1. – Calgary 2007. – P. 93.
15. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 2. – М., 2008. – С. 275–276; рецензия И.Г. Добродомова // *Этимология 2009–2011.* – М., 2013.
16. Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 14. – М., 1988. – С. 19–20.

17. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 38. – М., 2012. – С. 126–131.
18. Мелиоранский П.М. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени // Изв. Отд. русского языка и словесности имп. АН, т. X, №4, 1905. – С. 117–119.
19. Егоров В.Г. Чăвашла-вырăсла словарь. – Чубашкар, 1954. – С. 29, 34.
20. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – С.567-568.
21. Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР, т.6, вып. 1: М – Малый, 2-е изд. – Л., 1932, стб. 90.
22. Сводный словарь современной русской лексики». М., 1991, Шеломенцева З.С. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. – Фрунзе, 1971. – С. 81–82; Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – С. 227–228; Словарь русских народных говоров, вып. 17. – Л., 1981. – С. 317; Аюпова Л.Л. Лексика народов Башкортостана в русском языке. – Уфа, 1994. – С. 85–86.
23. Даль В.И. О наречиях русского языка / Толковый словарь живого великорусского языка. Т.I, – М., 1955. – С. XLVII.
24. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. – Л., 1977. – С. 486.
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.I. – М., 1955. – С. 47.
26. Здесь имеется только неоконченная статья, опубликованная посмертно: Дмитриев Н.К. Русско-башкирские языковые отношения / Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 465–482.

Igor' G. Dobrodomov. Batrak, malaj, barančuk

Summary. The article deals with the etymology of the words *batrak*, *malaj*, *barančuk*.

Key words: etymology, Russian language, Turkic languages, source of borrowing, cross-language correspondence

СЛОВО *КАРА* / *ХАРА* И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ
В ХАЗАРСКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Глашев (г. Москва)

Резюме. В статье на основе анализа ряда письменных источников устанавливаются значения прилагательного *кара* / *хара* в хазарском языке.

Ключевые слова: хазарский язык, письменные источники, семантика, этимология, реконструкция

Ряд источников сохранил ценнейшие сведения, соединение которых в единую цепь может нам дать общее представление о характере тюркских языков, распространенных в Восточной Европе в V–XI вв. Особенно такие источники ценны, если они имеют отношение непосредственно к хазарскому языку. Сегодня известно не так много хазарских слов, и поэтому любое прояснение имеющегося материала крайне важно для реконструкции хазарского языка. Одним из бесспорных хазарских слов в источниках является *кара* / *хара*. Ценность источников, содержащих это слово, еще и в том, что оно встречается в них в конкретном контексте, что несет в себе важную информацию о лексике и фонетике хазарского языка. Однако именно это слово осталось без должного внимания тюркологов. Между тем, тщательный анализ источников, содержащих это хазарское слово, дает основание заключить, что оно в них употреблено не в значении «черный», как заключили практически все авторы, а в ином значении, причем в двух разных значениях, которые не имеют отношения к самому известному тюркологам значению слова *кара* в тюркских языках.

Одним из таких документов является список епархий византийской церкви VIII в., сохранившийся в списке XIV в. (Париж. 1555А). Исключительная ценность данного документа в том, что в нем дается перевод хазарского гидронима на греческий язык. В этом документе есть фраза: «*λζ Ἐπαρχία Γοθθίας α .. ὁ Χοτζίρων συνεγγυς Φουλῶν καὶ τοῦ Χαρασίου ἐν ᾧ λέγεται τὸ μαῦρον νερόν*¹ ‘Епархия Готия ... хоциров ... поблизости от Фулл и от Харасиу, который называется Черная вода’». ² Далее идет текст: «*β ... ὁ Ἀστὴλ ἐν φ λέγεται ὁ Ἀστὴλ ὁ ποταμὸς τῆς Χαζαρίας ἐστὶν δὲ κάστρον.* ‘... Астиля – Астилем называется река в Хазарии, имеется и крепость’». ³ Если вторая часть (*σίου*) в названии реки *Χαρασίου* не вызывает сомнений в том, что это тюркское *су* ‘вода’, то первая часть слова (*χара*) так и осталась без внимания тюркологов. Дальше констатации того, что это слово «черный» дело не пошло. Но так ли все просто?

Исследователь языков сибирских тюрков В.Н. Попов писал: «Остановимся подробнее на речках, называемых *аксу* и *карасу*. На первый взгляд, кажется, что

¹ ByzTurc. II. 340.

² Переводы: *Васильевский В.Г.* Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Введение и греческий текст с переводом. // Труды. Т. III. – Петроград, 1915; *Кулаковский Ю.* ЖМНП. 315 (1898) – С. 190.

³ *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae* // Ed. J. Darrouzès. – Paris, 1981. p. 245, № 777–779.

легко и просто перевести *аксу* “белая вода” и *карасу* “черная вода”. Но один ли цвет *ак* “белая” и *кара* “черная” явился определяющим признаком этих речек?» Э.М. Мурзаев определил значение *аксу* и *карасу* так: «карасу – питающиеся за счет талых снеговых и ледниковых вод в высоких поясах гор и сбегаящих вниз на равнину». В казахско-русском словаре Х. Махмудова и Г. Мусабаева дается пять значений слова *ак* и восемь – *кара*. Основное значение у *ак* ‘белый’, у *кара* – ‘черный’. Но в этом словаре дается отдельное толкование термину *карасу* ‘стоячая вода’, ‘пруд’. Все эти значения *аксу* и *карасу* указаны и Г.К. Конкашпаевым. А.Н. Кононов подчеркивает, что *карасу* – родниковые речки, в которых вода всегда прозрачная, а сам термин *кара* ничего общего не имеет со значением «черный» и употребляется в значении «суша, земля», т.е. *кара-су* – ‘земля-вода’, ‘вода из земли’, *ак-су* – тип реки, цвет воды которой не белый...».⁴ В карачаево-балкарском и алтайском языках *карасу* قراصو ‘родниковая, незамерзающая, чистая ключевая вода’.⁵

Добавим лишь, что важно и то, что в исследуемом источнике в слове *къара* начальный глубокозаднеязычный *къ* заменен глухим *х*. Начальный глухой *х* в словах *река*, *родниковый* или *черный* встречается в хакасском (*хара*), якутском (*хара*) и монгольском (*хара*)⁶. В связи с этим заслуживает внимания мнение С.П. Толстого о том, что «в хазарском языке имело место чередование ح||ق (кахан, хакан, каган)⁷, что соответствует делению хазарского языка на восточный и западный диалекты». Таким образом, византийский источник донес до нас уникальное свидетельство о хазарской лексике, да еще снабдив его переводом.

Но хазарское слово *къара* встречается в источниках и во втором значении. Есть сообщение арабского автора X в. ал-Истахри, содержащее хазарское словосочетание *кара-хазар* قارا حازر: «Хазары не похожи на турок; они черноволосы и их два класса: одни называются «карахаза́ры»; они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс белый, видный по красоте и наружным качествам...».⁸ Это сообщение было неправильно растолковано большинством исследователей, что внесло путаницу в данный вопрос. А.Е. Крымский замечает относительно этого хазарского словосочетания, что «...Истахри и Ибн-Хаукал однозначно говорят о том, что сами хазары произносят слово «черный» как *кара*...».⁹ О том, что сами арабские авторы, плохо разбиравшиеся в культуре тюрков, ввели в заблуждение своих читателей говорит другое сообщение. Арабский географ XII в. ал-Идриси пишет в своем сочинении о Черной Кумании: «...От города ал-Хазариййа до города Кира 25 миль, а от последнего до Куманиййи, по имени которой названы кумани (алкуманиййун), 25 миль. Она названа Черной Куманией (Куманиййа ас-сауда) потому, что близ нее [протекает] река, которая сперва приходит в ее землю, а затем опускается в ущелье тех гор, что между ней и Кирой, а это – большие горы с высокой вершиной, недоступные. Далее эта река выходит из ущелья, и при этом ее вода

⁴ Попов В.Н. О некоторых гидронимах павлодарской области // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1966. – С. 19–20.

⁵ Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. – Нальчик, 1970. – С. 84–85; Будагов. II. 43.

⁶ Исхаков Ф.Г. Тувинский язык. Материалы для научной грамматики. Очерк по фонетике. – М.; Л., 1957. – С. 16.

⁷ Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М.; Л., 1960. – С. 81.

⁸ BGA. I. 223; СМОМПК. XXIX. С. 49; СМОМПК. XXXVIII. С. 115; Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л. 1936. – С. 80.

⁹ Рукопись «Языковая принадлежность хазар (и родственных с ними булгар) как хронологический ключ к их древнейшей истории», отдел рукописей ЦНБ НАН Украины. Ф. I, 25495.

[становится] черной, словно дым. Это хорошо известно и не отрицается...». ¹⁰ Ясно, что в обоих случаях арабские авторы поступили как филологи и перевели *кара* как 'черный'. Это не удивительно, если даже российские и советские тюркологи дали такой же перевод. Даже у В.В. Радлова в его знаменитом словаре приводится подробнейший анализ значений слова *кара* во многих тюркских языках, но все рассуждения автора сводятся главным образом к двум значениям: «черный цвет» и «чернь» (беднота, зависимое сословие). ¹¹ Вообще, упрощенный подход к переводу важнейших древнетюркских терминов порой удивляет. Многие авторы, не знакомые глубоко с этнографией и этнокультурой древних тюрков, давали ошибочную трактовку таким словам, как *кара*, *көк*, *сары* и др. Показательна история с термином *Көк тюрк*. Подавляющая часть исследователей как один твердили, что *Көк Тюрк* – это «голубые тюрки» ¹², что является совершенно неприемлемым переводом. Ясно, что *Көк Тюрк* – это «Небесные тюрки», что подчеркивает божественное, элитное происхождение этих тюрков. Примерно так произошло и со словом *кара*. Это слово большинство исследователей считало показателем социальной зависимости (С.А. Плетнева, М.И. Артамонов и др.), но древнетюркские и другие древнеписьменные источники этого не подтверждают.

Пожалуй, самым показательным топонимом со словом *кара* является название *Черная Болгария*. М.И. Артамонов в своей работе «История хазар» очень кратко говорит о названии *Черная Болгария*: «...черные болгары остались под властью хазар, их название соответствовало их подчиненному положению...». ¹³ Нужно сказать, что М.И. Артамонов ранее был более близок к истине, отмечая: «Весьма возможно, что у арабских писателей мы имеем дело с превращением социальных категорий в различные физические типы посредством буквального истолкования соответствующих непонятных в их истинном значении терминов». ¹⁴ Такая перемена позиции не совсем ясна. Возможно, сказывается то, что, будучи талантливейшим ученым-археологом, автор не был ученым-тюркологом, ибо сам Константин Багрянородный опровергает более позднее мнение М.И. Артамонова, как мы это увидим ниже. Во-первых, упускается из виду сообщение Константина Багрянородного в его труде «Об управлении империей» о том, что «...Черная Болгария может воевать против хазар...». ¹⁵ Странные подчиненные у хазар, которые могут воевать против них и угрожают их безопасности. Именно на эту нестыковку справедливо обратил внимание и В.Я. Петрухин: «С.А. Плетнева считает, что это наименование (Черная Болгария. – А.Г.) отличает зависимых от Хазарии болгар от свободных дунайских и волжских, но в середине X в. черные болгары могли уже воевать против хазар, равно как и против греков и Руси». ¹⁶ Кстати, как раз именно Волжская Булгария, которую С.А. Плетнева считает независимой, и была зависима от Хазарии.

Нет никаких сомнений в том, что в самой прямой связи с именем *Черная Болгария* и *черные болгары* находятся три важных названия, дошедшие до нас из глубокой древности: *черные хазары (кара-хазары)*, *Черная Кумания*, *Черная Балкария (Къара Малкъар)*. Название *Къара Малкъар* (Черная Балкария) еще сегодня бытует

¹⁰ Бейлис В.М. Ал-Идриси о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГТВЕ. 1979. – С. 211.

¹¹ Радлов. II. 1. 132.

¹² Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – Л., 1960.

¹³ Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 172.

¹⁴ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936. – С. 80.

¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. (Гл. 12).

¹⁶ Петрухин В. Послесловие // С.А. Плетнева. Очерки хазарской археологии. – М.: «Гешарим», 2000. – С. 224.

у балкарцев. Так, иногда балкарцы говорят: «Мени биттеу Къара Малкъар биледы! Сен болмацы затланы айтаса!» – ‘«Да меня вся Черная Балкария знает! Ты, что чушь несешь!»’. Так часто говорила моя бабушка Мариам Карабашева, которая проживала в с. Верхняя Балкария. Говоря *Черная Балкария*, балкарцы имеют ввиду не всю Балкарию, а только Верхнюю Балкарию, некогда самое большое и сильное балкарское общество в верховьях р. Черек (Черекское ущелье). Еще два названия у этого общества были: *Уллу Малкъар* (Большая Балкария) и *Огъары Малкъар* (Верхняя Балкария). Слово «Уллу Малкъар» также употреблялось как синоним «Къара Малкъар». Таким образом, *Къара Малкъар* – это *Великая (Большая) Балкария*. Дело в том, что издавна у балкарцев и карачаевцев сложилось неписанное правило, что именно Верхняя Балкария является своего рода «законодательницей мод», прежде всего в обычном праве. Если возникал трудный спор, а в обычном праве был пробел, за комментарием обращались к старейшинам Верхней Балкарии. Это правило действовало даже в Карачае.

Как уже сказано, именно упрощение перевода непонятого выражения мы имеем в случае с Черной Болгарией, черными хазарами и Черной Куманией. Поэтому совершенно справедливо замечание В.М. Бейлиса по поводу сообщения ал-Идриси: «Объяснение, данное у ал-Идриси названию Черная Кумания, вероятно, со слов его информатора, представляется искусственным. По-видимому, это наименование возникло как соотносительное с названием Белой Кумании. Локализация Черной Кумании затруднительна. На карте Л показаны горы близ Черной Кумании, название гор отсутствует, обозначена и река, проходящая сквозь эти горы и впадающая в море ан-Нитас между Черной Куманией (лежащей к югу от гор) и Белой Куманией (на север от хребта). Описание гор, скорее всего, соответствует впечатлениям очевидцев в горах Западного Кавказа, однако трудно допустить существование города куманов-половцев на юг от этих гор ... Описание реки, вероятно, имеет в основе какие-то реальные впечатления о горной реке, выходящей из ущелья. Но дальнейший текст с упоминанием Белой Кумании еще больше подчеркивает искусственность и надуманность пояснения названия Черная Кумания. В нашем распоряжении нет сообщения о разделении куманов-половцев на «белых» и «черных», подобно тому, как разделяет хазар ал-Истахри».¹⁷ Нелишне будет напомнить о том, что карачаево-балкарцы называют р. Кубань еще *Къара-Къобан-су* (букв. «Великая река»).

Кара (*къара*) во многих тюркских языках произносится так же, как по-хазарски, и действительно означает «черный», но не только, как это было показано выше на примере Черной Болгарии. К сожалению, этому интересному слову не уделено должного внимания ни в одном старом и современном исследовании. Можно отметить только написанную на немецком языке работу Селинга Касселя «Магьярские древности», в которой автор собрал по этой теме довольно большое количество примеров¹⁸. Но работа эта уже давно стала библиографической редкостью. Больше попыток рассмотреть этот вопрос я не знаю. В таких языках, как карачаево-балкарский, хакасский, алтайский, тувинский, шорский *кара* означает еще «великий, большой, могучий; армия». А. Гафуров приводит интересный перечень тюркских мужских имен: *قره Qara* «могучий, сильный, великий»; *قارا باي Qarā Bāi* «могучий повелитель»; *قارا باتور Qarā Bātūr* «могучий богатырь»; *قارا بىغا Qarā Bīgha* «великий герой».¹⁹ Такие же значения *кара* мы встречаем в эпосе

¹⁷ Ibid. С. 211.

¹⁸ Magyarische Alterthümer. – Berlin, 1848. – S. 144.

рабуга قرا بغا «великий герой».¹⁹ Такие же значения *кара* мы встречаем в эпосе других тюркских народов. Например, в хакасском эпосе «Алтын Арыг»:

Черная великая (большая) река вздулась,
Взволновалась, вышла из берегов.
В момент тот из *Черной большой* реки
Черный бык вышел.
Рога Черного быка –
Рога-меч, рога-копье.
На *Черный хребет* (он),
Мыча и ревя, идет...²⁰

Но не только в хакасском эпосе мы находим указание на черный цвет как синоним величия или больших размеров. В карачаево-балкарском эпосе тоже есть рассказы о черных быках.²¹

Однако большинство авторов усмотрели в рассматриваемом хазарском словосочетании слово «черный» (А.Е. Крымский), либо указание на зависимых хазар, переводя слово *кара* как «чернь», «простолюдин», «зависимое население» (М.И. Артамонов).²² Таким образом, даже крупный филолог и знаток восточных и тюркских языков А.Е. Крымский дал ошибочное толкование данному слову.

Между тем имеется другое ценное сообщение о «кара-хазарах». Оно содержится в малоизвестном труде астронома конца XV – начала XVI в. Низама ад-Дина Абд ал-Али ибн Мухаммада ибн Хусайна ал-Бирджанди «Аджа'иб ал-Булдан», где говорится: «Страна хазаров. [Хазары] – одна группа [из] тюрков. Жилища их из дербендского дерева; они чрезвычайно красивы и приятны, и их называют *кара-хазарами*. Когда возраст их падишаха переходит за сорок, они его отстраняют [от власти], [полагая], что его разум становится ущербным».²³ Это сообщение осталось обделенным вниманием всех хазароведов. Но оно как раз опровергает оба приведенных выше мнения относительно значения хазарского слова *кара* в *кара-хазар*. Контекст сообщения ал-Бирджанди не оставляет сомнений в том, что термин *кара-хазар* связан с понятием «народ», «войско», «армия».

В этих же значениях слово *кара* мы находим в древнетюркских рунических текстах. У древних тюрков Алтая и Семиречья слово *кара* применительно к племени или народу не имело ничего общего с его подчиненностью или зависимым положением, а, наоборот, демонстрировало независимость и высокий социальный статус. Такое деление мы находим у тюргешей. Тюргешские племена занимали первоначально территорию Прибалхашья и бассейн р. Или. Усилившись в начале VIII в., они, пользуясь разгромом Западно-Тюркского каганата со стороны кагана восточных тюрков Мочжо (Капаган-кагана) в 704 г., убили последнего кагана тюрков Ашина Синь в г. Кулане. Тюргеши делились на две части – на желтых и черных, являющихся потомками двух тюргешских каганов: Согэ (708–717 гг.) – желтые тюргешы и Сулу (717–738 гг.) – черные тюргешы. В древнетюркских источни-

¹⁹ Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – М.: Наука, 1987. – С. 142.

²⁰ Боргояков М.И. Гунско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология. 1976. № 3. С. 59.

²¹ Джуртубаев М.Ч. Древние верования карачаевцев и балкарцев. – Нальчик, 1991. См. также: Мизиев И. История и культура Кабарды и Балкарии в XIII–XVIII вв.

²² Артамонов М.И. История хазар, С. 172.

²³ Аджа'иб ал-Булдан Бирджани // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. – М., 1973. – С. 171.

как последние названы кара-тюргешами: «...Тюргешского кагана мы победили и обратили в бегство. Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и буре... их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. Но кара-тюргешский народ откочевал в глубь страны...».²⁴ После этого разгрома черные тюргешы будут господствовать в Семиречье с главной ставкой в Таласе. Как видим, если речь в этом тексте и идет о подчинении, то лишь о подчинении желтых тюргешей черным тюргешам. В то время как черные тюргешы сохранили свою независимость и продолжали противостоять соседним тюркам, контролируя все Семиречье до того момента, когда в 739 г. каган черных тюргешей был убит неким Арслан Тарханом, каганом ферганских тюрков, при поддержке китайских войск. В связи с этим нельзя не привести замечание Ю. Немета о том, что европейские источники сообщают о том, что гуннскому «визирю» (*Gaganus et Juggugus principes Hunnorum*), занимавшему после кагана высшую ступень иерархии, разбивали черный шелковый шатер как показатель его высокого ранга²⁵. Такое же деление, как у тюргешей, до сих пор существует у ногайцев – на *къара-ногъай* и *акъ-ногъай*.²⁶ Такое же родовое деление еще до недавнего времени сохранялось у шорцев Горной Шории. До 1940-х гг. каждый шорский род в большинстве случаев населял определенный район. Например, род *šor* с подразделениями *sariŋ šor*, *qara šor*, *ŋrūt šor* обитал преимущественно по р. Кондоме. Другие роды жили по другим рекам.²⁷ В связи со всем сказанным небезынтересно привести сообщение автора начала XV в. Иоана д'Галонифонтибуса, который пишет: «Здесь (Прикубанье) живут две группы народов: белые и черные черкесы (карачаевцы. – А.Г.).²⁸ Слово «черный» означает только *название народа*, но не говорит о цвете их кожи. Горцы именуются черными, а те, что живут в долинах и на побережье моря, – белыми тарками. Никто никогда не посещал этих черных, и сами они никогда не покидают гор, кроме тех случаев, когда им необходима соль. Они имеют свой собственный язык и свою письменность...».

Эта древнетюркская и хазарская система деления общества на царя и остальной народ сохранялась у карачаево-балкарцев еще в нач. XX в. В юридических документах того времени читаем: «старшины и черный народ; достоинство первых можно сравнить с узденями первой степени, а вторых с вольными жителями Кабарды»²⁹, «малкарцы разделяются на старшин и черный народ»³⁰, «избранные медиаторы от старшин Шакмановых, а от черных народов штабс-капитан Гиргоко Абисалов, и между ими был посажен посредником помощник пристава Захарий Исааков, которые спорное дело между Шакмановыми и черными решили следующим образом по прилагаемой при сем описи статьям, которые подтвердили черные, было в присутствии нашем...».³¹ В архивной справке посемейных списков Балкарии за 1886 г.

²⁴ Бичурин И. И. 73, 370; Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВО-РАО. т. XII. вып. II-III, с. 125.

²⁵ Немет Ю. К вопросу об ававрах (пер. И.Г. Добродомова) // *Turkologica*. К 75-летию акад. А.Н. Кононова. – Л., 1976. – С. 298-305.

²⁶ Калмыкова С. О состоянии изучения диалектов ногайского языка // ВДТЯ. 1968. – С. 114.

²⁷ Бабушкин Г.Ф. О шорской диалектологии // ВДТЯ. 1968. – С. 120–121.

²⁸ В рукописи: *tarçası*.

²⁹ Балкария. Страницы прошлого. Вып. III. – Нальчик, 2006. – С. 18.

³⁰ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 19247, л. 13-19 об., 22 об.–24, 31 об.–33 об.

³¹ ЦГА КБР, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 153-155 об.; Балкария. Страницы прошлого. Вып. V. – С. 24–30.

мы также находим информацию: «...слово таубий – есть высшее сословие в горских обществах, которые до освобождения холопей были рабовладельцами и, кроме этого, в некоторых отношениях им подчинялись и *кара-уздени*. Слово *кара-узденъ* тоже означает бывших рабовладельцев, и по сословию есть лица привилегированные...».³²

Все изложенное выше говорит о наличии в Хазарском каганате особой социальной группы под названием «*къара-хазар*», которая, возможно, была связана с болгарскими племенами Хазарского каганата. Именно из этих кара-хазаров, скорее всего, формировалось ядро армии и происходили многие хазарские тарханы. Есть все основания связать кара-хазаров с савирами. В пользу этого говорит и второе название кубанских и приазовских булгар – «черные болгары», и второе племенное название карачаевцев и балкарцев, до сих пор сохранившееся за ними в сванском языке – *saviar*. Так, Г.В. Вернадский отмечал, что «...svartг на древнем норвежском означает «черный»... согласно китайской традиции, воспринятой большинством степных народов, черный – это цвет севера (ср. черные булгары, черные угры и т.д.). Более того, как мы уже видели, в армянских источниках *саварти* назывались *севордик*, или «черные сыновья»...».³³ Таким образом, термин *кара-хазар* мог означать, видимо, ту часть хазар, которая составляла хазарское войско или черных болгар, а не зависимых крепостных людей Хазарского каганата, как ошибочно предполагало абсолютное большинство авторов. Более того, представленный анализ позволяет нам в значительной мере продвинуться вперед в сложнейшем деле реконструкции тюркских языков Восточной Европы в раннесредневековый период.

СОКРАЩЕНИЯ

- Будагов – *Будагов Л.* Словарь турецко-татарских наречий. – СПб., 1869.
 ВДТЯ – Вопросы диалектологии тюркских языков.
 ДГТВЕ – Древнейшие государства на территории Восточной Европы.
 ЗВОРАО – Зап. Восточн. отд. Имп. Российского археологич. об-ва.
 Радлов – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. В 4-х т.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 СМОМПК – Сборник для описания местностей и племен Кавказа.
 ЦГА КБР – Центральный гос. архив Кабардино-Балкарской Республики.
 BGA – Bibliotheca Geographorum Arabicorum.
 ByzTurc – *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Die Byzantinische Quellen der Geschichte der Türkvölker. Bd. I-II. – Berlin, 1958.

³² Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа (Архивная служба КБР). За 1886 год. Т. IV, Ч. 2. – Нальчик, 2009. – С. 635.

³³ *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь-Москва, 2004.

Ahmat A. Glashev. The word “Kara/Hara” and its meanings in the Khazar language

Summary. The article determines the meanings of the adjective “*Kara/Hara*” in the Khazar language on the base of analysis of a number of written sources.

Key words: the Khazar language, written sources, semantics, etymology, reconstruction

БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ТЮРКСКУЮ ЛЕКСИКОГРАФИЮ

Ф. Миннуллин (г. Казань)

Резюме. В статье на примере работ Ф.А. Ганиева обсуждается важная проблема лексикографирования в тюркских словарях составных глаголов.

Ключевые слова: тюркская лексикография, составной глагол, способ глагольного действия, глагольное словообразование

Научно-исследовательская деятельность известного татарского лингвиста Фуата Ашрафовича Ганиева весьма многогранна и плодотворна. Начиная с 60-х гг. прошлого столетия вот уже более 50 лет он успешно занимается актуальными проблемами татарского языкознания, он автор более 300 научных трудов, в том числе 16 монографий. Его работы широко известны в научных кругах и достойно оценены авторитетными учеными-тюркологами. Основные труды ученого посвящены описанию словообразовательной системы современного татарского литературного языка, поэтому с его именем прочно связывается развитие этой самостоятельной лингвистической дисциплины в татарском языкознании.

Большое место в исследованиях Ф.А. Ганиева занимает изучение татарского глагола. В 1963 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Видовая характеристика глаголов татарского языка», являющуюся в тюркологии одной из сложнейших и спорных проблем. В этой работе ученый впервые показал наличие предельных и непредельных глаголов в тюркских языках и то, что значения русской категории совершенного и несовершенного вида передаются в татарском языке формами времени в зависимости от предельности и непредельности глагольной лексемы. По его мнению, в тюркских языках имеется лексико-грамматическая категория характера протекания действия («способы действия»), которая принципиально отличается от категории вида. Автор впервые в татарском языкознании дал обстоятельный анализ категории характера протекания действия, доказав на фактическом материале, что вспомогательные (модифицирующие) глаголы, многие из которых полисемантичны, никак не выражают категорию совершенного и несовершенного вида, а участвуют в передаче характера протекания действия. Под научной редакцией своего наставника и научного руководителя, крупного татарского лингвиста Л. Заляя, данная диссертационная работа в 1963 г. была издана отдельной книгой¹, которая получила высокую оценку многих известных ученых. Например, акад. Д.Г. Тумашева считала ее «классическим трудом в тюркологии».

Далее Фуат Ашрафович обратился к системному исследованию словообразования в татарском языке. Еще до защиты докторской диссертации (1977) на тему «Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке», он опубликовал 2 монографии: «Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке» (1974) и «Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке» (1976), в которых детально исследовались многочисленные словообразующие суффиксы, разнообразные словообразовательные типы и их модели, производящие основы с точки зрения их лексико-грамматического характера или языка-источника.

Различные структурно-семантические типы словообразования детально освещались Ф.А. Ганиевым также в таких его монографиях, как «Вопросы морфологии татарского языка» (1980), «Образование сложных слов в татарском языке» (1982), «Конверсия в татарском языке» (1985) и др.

Как известно, долгое время тюркские языки рассматривались только как «агглютинативные», то есть такие, в которых все как грамматические, так и словообразовательные значения выражаются лишь агглютинацией (суффиксацией). Однако, по утверждению Ф.А. Ганиева, в тюркских языках больше половины словообразовательных и около половины грамматических значений выражается аналитически, то есть дополнительными словами, поэтому тюркские языки являются агглютинативно-аналитическими языками.

«В тюркских языках, в том числе в татарском, – отмечает Ф.А. Ганиев, – наблюдается интересное и оригинальное явление – образование сложных глаголов от глаголов, многими исследователями эти образования называются “составными глаголами”»². Во многих грамматиках они считаются самостоятельными словами, отдельными лексическими единицами языка. Впервые они упоминаются в грамматиках И. Гиганова, А. Казембека (он же ввел термин «составной глагол»), М. Иванова, А. Троянского. К проблемам сложных (составных) глаголов обращались также П.М. Мелиоранский и В.В. Радлов, рассматривая их в разделе глагольного словообразования.

В дооктябрьский период о составных глаголах татарского языка некоторые сведения содержатся в грамматиках А.Х. Максуди, Г. Нугайбека, Г. Сагди³.

В послеоктябрьское время интерес к изучению составных глаголов усиливается. В трудах Г. Ибрагимова, М. Курбангалиева и Х. Бадиги, Дж. Валиди, Г. Алпарова дается их краткая характеристика. Г. Алпаров утверждает, что вспомогательные глаголы употребляются для придания основному глаголу «дополнительного понятия». Р.С. Газизов эти образования относит к лексическим единицам⁴. По мнению В.Н. Хангильдина, вспомогательные глаголы при образовании составных глаголов влияют на семантику основного глагола⁵.

Составные глаголы нашли отражение в исследованиях таких известных тюркологов, как Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, Э.В. Севортьян, Б.А. Серебренников, В.М. Насилов, И.А. Батманов, А.А. Юлдашев, Н.П. Дыренкова, Л.Н. Харитонов и др.

Однако в трудах тюркологов нет единой точки зрения на природу составных глаголов в тюркских языках. Одни считают их продуктом словообразования, то есть самостоятельными глаголами (Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, А.Н. Кононов), другие – средством выражения категории вида (А.А. Юлдашев). Б.А. Серебренников пишет, что образования «деепричастие + вспомогательный глагол» характеризуют способ протекания действия⁶. Вопросы составных глаголов довольно подробно освещены А.Г. Алекперовым – в азербайджанском, Д.М. Насиловым – в узбекском и других тюркских языках, А.Т. Тыбыковой – в алтайском, Н.О. Оралбаевой – в казахском, М.М. Текуевым – в карачаево-балкарском языке; авторы считают их аналитическими глаголами, однако не выражающими видовую категорию⁷.

Подробное освещение образование составных глаголов татарского языка нашло отражение в трудах Ф.А. Ганиева, где он всесторонне показывает сущность составного глагола, его роль и значение, определяет границы и отличия их от других внешне сходных языковых величин. Как и некоторые исследователи, он отмечает, что составные глаголы выражают не категорию вида, а различные способы протекания действия, или характер протекания действия. По

его мнению, составные глаголы являются сложными лексическими единицами языка, а не грамматическими формами.

Составные глаголы в татарском языке, как известно, состоят из комбинаций деепричастия на *-ып/-еп, -п* или на *-а/-ә, -ый/-и* и некоторых вспомогательных (модифицирующих) глаголов.

В тюркологии принято считать, что основное значение составного глагола выражается первым компонентом (деепричастием), а модифицирующий глагол вносит дополнительный лексический оттенок, уточняет, конкретизирует значение первого глагола. Набор вспомогательных глаголов, участвующих в образовании составных конструкций, до сих пор окончательно не установлен. В грамматиках татарского языка Г. Алпарова, Р.С. Газизова, М.З. Закиева, В.Н. Хангильдина, Н.З. Бакеевой указано от 23 до 29 модифицирующих глаголов⁸.

По мнению Ф.А. Ганиева, в роли модифицирующих в татарском языке выступают следующие глаголы: *алу* 'брать, взять'; *ату* 'кидать, кинуть'; *бару* 'идти, пойти'; *бетү* 'кончатся, кончиться'; *бетерү* 'кончать, кончить'; *бирү* 'давать, дать'; *йөрү* 'ходить'; *калу* 'оставаться, остаться'; *карау* 'смотреть'; *керү* 'войти, входить'; *килү* 'приходить, прийти'; *китү* 'уходить, уйти'; *кую* 'ставить, поставить'; *салу* 'положить, класть'; *тору* 'стоять, находиться, пребывать'; *төшү* 'спускаться, спуститься'; *узу* 'проходить, пройти'; *утыру* 'сидеть'; *чыгу* 'выходить, выйти'; *чыгару* 'выносить, вынести'; *язу* 'лишаться, лишиться'; *яту* 'лежать'; *жибәрү* 'посылать, послать'; *житү* 'достигать, достичь'; *житкерү* 'доводить, довести'⁹.

Эти глаголы очень продуктивны в образовании сложных лексических единиц – составных глаголов, и как показывает конкретный материал современного татарского языка, их количество достигает десятка тысяч. Большинство составных глаголов образуется по модели «деепричастие на *-ып/-еп, -п* + модифицирующий глагол». В этом отношении особенно активны такие модифицирующие глаголы, как *алу* 'брать, взять'; *китү* 'уходить, уйти'; *тору* 'стоять, находиться, пребывать'; *бетерү* 'кончать, кончить'; *кую* 'ставить, поставить' и др.

В образовании составных глаголов по модели «деепричастие на *-а/-ә, -ый/-и* + модифицирующий глагол» модификаторами являются такие глаголы, как *бару* 'идти, пойти'; *башлау* 'начинать, начать'; *бирү* 'давать, дать'; *йөрү* 'ходить'; *калу* 'оставаться, остаться'; *килү* 'приходить, прийти'; *тору* 'стоять, находиться, пребывать'; *төшү* 'спускаться, спуститься'; *узу (үтү)* 'проходить, пройти'; *алу* 'брать, взять'. Однако такие глаголообразования в современном татарском языке сравнительно незначительны. Среди них наибольшую активность проявляет модифицирующий глагол *башларга*; например: *кычкыра башлау* 'закричать', *өрә башлау* 'лаять', *биш башлау* 'заплясать'¹⁰.

Кроме того, в словарях татарского языка встречаются и другие модели составных глаголов, в которых модифицирующими выступают: *ташлау (актарып ташларга* 'расшвырять, разбрасывать'); *төкереп ташларга* 'выплюнуть'; *эрләп ташларга* 'отругать, упрекнуть', *керттергә (бәрәп керттергә* 'забить'); *өстәрәп керттергә* 'втащить'. В татарско-русский словарь (1966) при помощи данных вспомогательных глаголов включено всего 43 словарные единицы¹¹.

Таким образом, благодаря многочисленным и основательным исследованиям Н.К. Дмитриева, А.Н. Кононова, Б.А. Серебренникова, Э.В. Севортяна, Н.А. Баскакова, А.А. Юлдашева, Ф.А. Ганиева, Д.М. Насилова и других в тюркологии и татарском языкознании статус составных глаголов определен, по многим языковым материалам тюркских языков он теоретически обоснован и такие глаголы признаны самостоятельной языковой единицей.

Однако отсутствие единой точки зрения на природу составных глаголов отрицательно влияет на полноценное отражение их в словарях. Во многих толко-

вых и переводных тюркских словарях они не включаются в корпус или лексикографируются крайне недостаточно. Как отметил А.А. Юлдашев, тюркское сложное слово в грамматических описаниях по-прежнему продолжает оставаться на положении «бедных родственников», в каком оно очутилось и в словарях¹².

Такое плачевное положение сохраняется и в татарских словарях. Степень отражения составных глаголов в толковых и татарско-русских словарях очень низка. Например, в «Татарско-русском словаре» (1966) количество составных глаголов 1860 единиц, в двуязычном словаре (1988) – более 560, а в трехтомном «Толковом словаре татарского языка» (1979–1981) всего 102¹³.

Составные глаголы в словарях татарского языка разрабатываются в словарных статьях с заглавным глаголом и после толкования или перевода даются полужирным шрифтом. Например, в «Татарско-русском словаре» (1988) в гнезде заглавного глагола ЯЗАРГА I со значениями ‘писать, написать, прописать, записать’ отражены такие составные глаголы, как *язып алырга (куярга)* ‘записать’; *язып барырга* ‘записывать’; *язып тутырырга* ‘исписать’. Однако в татарском языке их значительно больше. Например, к указанным образованиям можно добавить следующие составные глаголы: *язып ату*, *язып бетерү*, *язып бирү*, *язып йөрү*, *язып калу*, *язып карау*, *язып килү*, *язып китү*, *язып кую*, *язып ташлау*, *язып тору*, *язып узу*, *язып үтү*, *язып утыру*, *язып чыгу*, *язып яту*, *язып жибәрү*, *язып йөрү* и др., некоторые из которых попадают в статьи заглавных глаголов *язарга II* ‘расправлять, распрямить, распрямлять, распрямить; сбивать, сбить’ и *язарга III* ‘лишаться, лишиться’.

Безусловно, не от всех заглавных основ можно образовать такое большое количество составных глаголов. Но, как заметил Ф.А. Ганиев, если словарь составлен на подлинно научной основе и претендует на правильное отражение лексической системы соответствующего языка, он не может не учитывать этой категории слов¹⁴.

Первая попытка развернутой подачи составных глаголов сделана в однотомном «Толковом словаре татарского языка» (2005), в котором дан большой список наиболее употребительных и актуальных глаголообразований указанных моделей. В дальнейшем планируется системное включение составных глаголов с соответствующими толкованиями в пятитомный «Толковый словарь татарского языка».

Наконец, этот большой лексикографический пробел в какой-то мере исправлен ведущим татарским лексикографом – составителем и научным редактором многочисленных татарско-русских, русско-татарских словарей, словарей-минимумов, однотомного «Толкового словаря татарского языка», «Школьного толкового словаря татарского языка» и соавтором трехтомного «Толкового словаря татарского языка», доктором филологических наук, профессором, членом-корреспондентом АН РТ Ф.А. Ганиевым.

Издательством «Магариф» (г. Казань) в 2009 г. была выпущена первая часть (А–К) «Толкового словаря составных глаголов» («Тезмә фигыльләрнең аңлатмалы сүзлеге»). Вторая часть (Л–Я) данного словаря издана в 2012 г. Общий объем двух выпусков этого словаря – 911 страниц (более 56 печ.л.). Автор этого справочного издания Ф.А. Ганиев осуществил огромную, скрупулезную работу, включив в словарь около 70 тысяч наиболее активно употребительных и актуальных составных глаголов татарского языка.

«Толковый словарь составных глаголов» является первым опытом в составлении такого рода словарей не только в татарском языкознании, но и в мировой тюркологии.

Составные глаголы, включенные в словарь, лексикографированы с адекватными пояснениями, примерами и стилистическими пометами в алфавитном порядке с красной строки и с прописной буквы. Например: *Ала бару* даими яки регуляр рәвештә алу; *жибәргән хатларыгызны ала барабыз*; *ала төшү* берәз (беркадәр) алу; *йөземне тагын ала төшәргә кирәк*; *ала килү* даими рәвештә алу эшен башкару; газетны ала киләбез; *алып ату* нәрсәне дә булса кинәт кенә (жәһәт кенә) алып ташлау (ыргыту); юлда яткан ташны алып ату; *алып бару* нәрсәне дә булса алып, кая да булса хәрәкәт итү; кунакка күчтәнәч алып бару; *алып бетерү* барсын да (бөтенесен дә) алу; без бәрәңгене алып бетердек; *алып бирү* кемгә дә булса нәрсәне дә булса алу, алып тоттыру; улларына киез итек алып бирделәр; *алып йөрү* нәрсәне дә булса алу эшен башкару; костюм алып йөрибез; *алып калу* нинди дә булса эш-хәрәкәтне башкарырга өлгерү; ярый эле, яңгыр башланганчы бәрәңгене алып калдык; *алып килү* нәрсәне дә булса алып, кая да булса бару; шәһәргә сатарга кәбестә алып килделәр; *алып китү* кайдан да булса нәрсәне дә булса алып, кая да булса (мәс. субъекттан читкә) бару; шәһәргә сөт алып киттеләр; *алып кую* нәрсәне дә булса алып, билгеле бер урынга урнаштыру; тәлинкәне шкапка алып кую; *алып ташлау* 1) нәрсәне дә булса кайдан да булса алып, жәһәт кенә ыргыту (ату); аркылы яткан бүрәнәне алып ташлау; 2) нәрсәне дә булса юкка чыгару; аңардан гаепне алып ташладылар; *алып тору* 1) нәрсәне дә булса вакытлыча алу; күршеләреннән балта алып тордылар; 2) даими яки регуляр рәвештә алу; армиядәге улларыннан хат алып торалар; *алып төшү* нәрсәне дә булса югарыдан түбәнгә алып китерү; өй кыегыннан сыерчык оясын алып төшү; *алып чыгу* кайдан да булса (эчтән) нәрсәне дә булса читкә таба алу; өйдән диванны алып чыктылар; *алып яту* нәрсәне дә булса даими рәвештә алу; ветеран зур күләмдә пенсия алып ята¹⁵.

Как видно, в сочетании деепричастий на *-ып* и *-а* и модифицирующих глаголов *ату, бару, бетерү, бирү, йөрү, калу, килү, китү, кую, ташлау, тору, төшү, чыгу, яту* зафиксированы 17 составных глаголов, большинство которых (14) образованы по модели «деепричастие на-п + модифицирующий глагол». Как правило, в современном татарском языке абсолютное большинство таких конструкций образуются по данной модели.

Отрадно и то, что автор для этого словаря собрал богатейший материал составных глаголов, первые компоненты (деепричастия) которых, в основном, являются исконно-татарскими словами. Этот факт еще раз подтверждает огромное богатство словарного состава и неисчерпаемый потенциал аналитического глаголообразования в татарском языке.

Таким образом, Фуат Ашрафович Ганиев не только теоретически обосновал аналитический характер глаголообразования в тюркских, в том числе в татарском языке, но и практически доказал богатейший потенциал составных глаголов и тем самым внес большой вклад в тюркскую лексикографию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. – Казань: Таткнигоиздат, 1963. – 180 с.

² Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке. – Казань: Печатный двор, 2002. – С. 120.

³ Максуди Ә. Төрки сарыф. – Казан, 1910. – 48 б.; Нугайбәк Г. Төрлек. – Казан, 1911. – 80 б.; Сәгъди Г. Яңы һәм еңел тәртиптә телебезнең сарфы. – Казан, 1913. – 72 б.

⁴ Ибраһимов Г. Татар сарыфы. – Казан: Сабах, 1918. – 48 б.; Корбангали М., Габделбадиғ Х. Ана теле сарфы. – Казан: “Корылтай” нәшр., 1918. – 90 б.; Вәлиди Ж. Татар

теле грамматикасы. – Казан: Миллият, 1919. – 175 б.; *Алпаров Г.* Сайланма хезмәтләр. – Казан: Таткнигоиздат, 1945. – 380 б.; *Газизов Р.С.* Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. – 2-е изд. – Казань: Татгосиздат, 1966. – С. 243.

⁵ *Хангилдин В.Н.* Татар теле грамматикасы. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1959. – 165-170 б.

⁶ *Серебренников Б.А.* К вопросу о морфологизме // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.-Л., 1965. – С. 103.

⁷ *Алекперов А.Г.* Сложные глаголы в современном азербайджанском языке: Автореф. ... дис. канд. филол.наук. – Баку, 1963. – 29 с.; *Тыбыкова А.Т.* Сложные глаголы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1966. – 63 с.; *Оралбаева Н.О.* Аналитические формы глаголов в современном казахском языке: Автореф. ... дис. канд. филол.наук. – Алма-Ата, 1971. – 76 с.; *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. – Л.: Наука ЛО., 1989. – 208 с.; *Текуев М.М.* Сложные глаголы в карачаево-балкарском языке (деепричастия с вспомогательными глаголами) в сравнительном плане: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. – М., 1973. – 27 с.

⁸ *Ганиев Ф.А.* Способы действия глаголов в татарском языке. – Казань: Дом печати, 2003. – С. 106-107.

⁹ *Ганиев Ф.А.* Образование сложных слов в татарском языке. – Казань: Печатный двор, 2002. – С. 132.

¹⁰ *Миннуллин Ф.Г.* Глаголы татарского языка и их лексикографирование. – Казань: РИЦ “Школа”, 2004. – С. 134-135.

¹¹ *Миннуллин Ф.Г.* Указ. Работа. – С. 137.

¹² *Юлдашев А.А.* К характеристике тюркских сложных слов // Вопросы тюркологии. – Баку: Элм, 1971. – С. 154-155.

¹³ *Миннуллин Ф.Г.* Глаголы татарского языка и их лексикографирование. – Казань: РИЦ “Школа”, 2004. – С. 134-136.

¹⁴ *Ганиев Ф.А.* Образование сложных слов в татарском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 69.

¹⁵ *Ганиев Ф.А.* Тезмә фигыльләрнең аңлатмалы сүзлеге. – I кис. – Казан: Мәгариф, 2009. – 40-41 б. *Он же.* Тезмә фигыльләрнең аңлатмалы сүзлеге. – II кис. – Казан: Паравитта, 2012. – 537 б.

F. Minnullin. A big contribution to Turkic lexicography

Summary. The article discusses the problem of lexicographic representation of Turkic analytical verbs on the example of F.A. Ganiev's works.

Key words: Turkic lexicography, analytical verbs, *Aktionsart*, word building of verbs

О КОРРЕЛЯЦИИ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ
МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

А.Ф. Гайнутдинова (г. Казань)

Резюме. Статья посвящена сопоставительному анализу субстантивированных местоимений в разносистемных языках – в русском и татарском. В ряде случаев одному субстантивату русского языка соответствует одно субстантивированное местоимение в татарском языке. Есть случаи, когда одному субстантивированному местоимению русского языка соответствует несколько субстантиватов татарского языка.

Ключевые слова: местоимения, субстантивация, русский и татарский языки, сопоставительная грамматика

Субстантивация как универсальный языковой механизм «опредмечивания» наиболее ярко представлена в сфере признаков слов – прилагательных и причастий, однако в той же степени в ее сферу вовлекаются и единицы других частей речи, в частности местоимения.

В обоих сопоставляемых языках в зависимости от того, с какой частью речи соотносится местоименное слово, выделяются местоимения-существительные (*мин* – я, *кем* – кто, *һични* – ничто); местоимения-прилагательные (*һичнинди* – никакой, *үземнеке* – свой); местоимения-числительные (*берникадәр* – несколько).

Субстантивация местоимений-существительных в русском и татарском языках осуществляется одинаково. Субстантивация местоимений-прилагательных в сопоставляемых языках происходит, как и субстантивация имени прилагательного. В татарском языке субстантивированные местоимения-прилагательные приобретают грамматические признаки имени существительного и начинают изменяться по категориям падежа, числа и принадлежности (*бу* – *моның*, *моңа*, *моны*, *моннан*, *монда*; *бу* – *болар*, *бусы* – *болары* и др.).

Расхождения по языкам, в основном, проявляются в структурном несоответствии самих местоимений. Например, в ряде случаев одному субстантивату русского языка соответствует одно субстантивированное местоимение в татарском языке (*я* – *мин*, *кто* – *кем*, *что* – *нәрсә* и т.п.). Есть случаи, когда одному субстантивированному местоимению русского языка соответствует несколько субстантиватов татарского языка. Например, ряд субстантивированных указательных местоимений татарского языка передается одним и тем же субстантивированным местоимением: *андый*, *мондый*, *шундый* – *такой*, *бу*, *шушы* – *этот*, *теге*, *ул*, *шул* – *тот*.

Например: *Я – красавица женщина. Почти красавица. Натали Гончарова. Как говорил мой бывший муж: «Таких сейчас не делают»* (В.Токарева).

Ср.: *Күрә калсаң андыйларны, Йөзенә бәр, әйт турысын* (Р.Вәлиев) ‘Если увидишь таких, скажи им правду прямо в лицо’; *Һи-и, исегез киткән икән*,

мондыйларны гына бөккән бар инде! (М.Мәһдиев) ‘Хи-и, чему удивляетесь, таких не раз побеждали уж’; [*Капкорсак патша:*] *Кем дә кем минем атамның фәрманнарына каршы килгән – күрергә кирәк түгелне күргән – әнә шундыйларны монда китерегез* (А.Алиш) ‘[Капкорсак царь:] Кто был против указов моего отца, видел то, что не положено было видеть, – вот таких видите сюда!’.

Неопределенные местоимения: *кемдер, аллә кем, берәү – кто-то, нәрсәдер, аллә нәрсә, нидер, аллә ни – что-то*; вопросительные местоимения: *ничә, ничәү, никадәр, ничаклы – сколько*; отрицательные местоимения: *ничкем, беркем, һичберкем – никто, һичнәрсә, бернәрсә, һичбер нәрсә, берни, һични – ничто*; определительные местоимения: *бар, барча, бөтен, һәммә – все, һәр, һәрбер – каждый*.

Например: *Все живы, у них девочка, ее дали ему поддержать, и она красавица, и у нее все есть, и она похожа на его жену!* (Т.Устинова).

Ср.: *Бар да исәнләшәләр: «Исән-сау яшисезме? Сәлам белән ризык бу йортка!..»* (З.Зәйнуллин) ‘Все здороваются: «Здорово ли живете? Здравие и яства этому дому!..»’; *Патша малаеның пароходы шып туктады, барчасы егылдылар* (Сказка) ‘Пароход царевича резко остановился, все упали’; *Бөтенесе дә Җирне, Җилне, Суны кызганганнар* (Легенда) ‘Все пожелали Землю, Ветра, Воду’; ... *һәммәсе Гыйрфан байның йорты эченә тулган иде* (Г.Ибраһимов) ‘... все были в доме у Гыйрфан бая’; *Монда михнәт, монда төн, Монда сахра, моңлы сахра... Барчасы тоткын бүген!..* (Һ.Такташ) ‘Здесь страдания, здесь тьма, Здесь пустыня, печальная пустыня... Все сегодня узники!..’.

Итак, субстантивированные местоимения татарского языка образуют синонимический ряд: *һәммәсе, барчасы, бөтенесе* и передаются на русский язык субстантивированным местоимением *все*.

Ниже представлена таблица соответствия субстантиватов русского и татарского языков.

Al'bina F. Gainutdinova. On the correlation of substantivized pronouns in the Russian and Tatar languages

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of substantivized pronouns in languages of two different language systems – Russian and Tatar. In some cases, one Russian substantivized pronoun corresponds to one Tatar substantivized pronoun. However, there are cases where one substantivized pronoun in Russian corresponds to several substantivized pronouns in the Tatar language.

Key words: pronouns, substantivization, the Russian and Tatar languages, contrastive grammar

Таблица соответствия местоименных субстантивов

Разряды местоимений	Татарские субстантивированные местоимения	Русские субстантивированные местоимения
1. Личные		
ед.ч.	<i>ул</i>	<i>он, она, оно</i>
мн.ч.	<i>без, безләр</i>	<i>мы</i>
2. Указательные		
	<i>андый, мондый, шундый</i>	<i>такой, такой-вой</i>
	<i>бу, шушы</i>	<i>этот</i>
	<i>теге, ул, шул</i>	<i>тот</i>
3. Неопределенные		
	<i>кемдер, эллә кем, берәү</i>	<i>кто-то</i>
	<i>нәрсәдер, эллә нәрсә, нидер, эллә ни</i>	<i>что-то</i>
4. Вопросительные	<i>ничә, ничәү, никадәр, ничаклы</i>	<i>сколько</i>
5. Отрицательные		
	<i>һичкем, беркем, һичберкем</i>	<i>никто</i>
	<i>һичнәрсә, бернәрсә, һичбер нәрсә, берни, һични</i>	<i>ничто</i>
6. Определительные		
	<i>бар, барча, бөтен, һамма</i>	<i>все</i>
	<i>һәр, һәрбер</i>	<i>каждый</i>
	<i>баика, бүтән</i>	<i>иной, другой</i>
	<i>һәркем</i>	<i>всякий, каждый, любой</i>

**РОЛЬ ЖАНРА «ФУТУВВАТ-НАМЕ» В ЛИТЕРАТУРЕ
И КУЛЬТУРЕ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА**

Т.Т. Ходжагельдыева (г. Ашхабад, Туркменистан)

Резюме. Традиция «Футувват-наме», возникшая в средние века, обрела широкое распространение в исламском мире. Характерной особенностью «Футувват-наме», написанных на арабском, фарси и тюркских языках, является ярко выраженная дидактическая направленность, стремление к формированию в сознании человека высоких личностных качеств, критериев нравственного совершенства, неотделимых от категории «фата-джигит, эр-киши».

В статье дается краткая характеристика творчества туркменского мыслителя Яхья ибн Халила (XIII–XIV вв.) и его произведения «Футувват-наме», также прослеживается отражение в памятнике таких общечеловеческих ценностей, как гуманность, правдивость, честность, скромность и щедрость.

Ключевые слова: фата, футувват, джигит, традиция футувват-наме, общечеловеческие моральные ценности, гуманизм

Стройная система непреходящих материальных и духовных ценностей, формирующая неповторимую атмосферу культурного достояния тысячелетий, служит источником искренней гордости каждого народа. Углубленное и детальное изучение исторического прошлого, литературного и других важнейших аспектов духовно-культурного наследия туркменского народа в настоящее время приобретают все большую актуальность. Важным звеном в системе базовых источников для научно-исследовательской деятельности в данном направлении являются произведения, написанные в жанре «футувват-наме».

Традиция «футувват-наме» возникла на Ближнем Востоке в средние века, получила широкое распространение в исламском мире и постепенно сформировалась в самостоятельное литературно-жанровое течение.

Первые образцы письменных памятников «футувват-наме» появились на территории Ирака и Ирана в VIII в. и соответствовали строгим каноническим параметрам суфистской идеологии. Жанр «футувват-наме» сохраняет свою актуальность вплоть до XVI в.

Термин «футувват» является производным словом от арабского корня *ф-т-и* и имеет значение «быть молодым, юным, быть юношей; юность, молодость», а другое производное – *фата* значит «юноша, молодой человек». Последнее слово можно перевести как «джигит», по-туркменски «эр» или «эр киши, эр йигит». Высокого звания «эр киши» удостоиваются лишь избранные, нравственно совершенные личности, доблестные, отважные, способные на истинно благородные поступки. В народе бытует поговорка *Ягшылыга ягшылык хер кишиниң ишидир, яманлыга ягшылык эр кишиниң ишидир* 'Добром воздать добру сумеет каждый, / Но злу добром ответит только благородный'. Однако заметим, что за словом «футувват» стоит понятие не о физическом возрасте, а о духовной молодости, духовном рыцарстве. Следует отметить высокие нравственно-этические критерии, изначально связываемые с данным понятием, – благород-

ство, честь, порядочность, духовная зрелость, добросердечие, скромность, великодушие, гуманность.

Вырисовывается, таким образом, облик нравственно совершенной личности, сочетающей в себе лучшие личностные характеристики – «эр-киши, фата», своим примером ориентирующего других на «футувват» – путь истины и света.

В Исламской энциклопедии читаем: «Футувват-наме» – общее название произведений особого жанра, посвященных течению «футувват» и раскрывающих смысл и содержание его основополагающих нравственно-этических постулатов [IA 1996: 264].

С позиций содержательного наполнения все известные произведения в жанре «футувват-наме», созданные на тюркском, арабском языках и фарси, классифицируются по трем направлениям:

1. «Футувват-наме» суфистской школы.
2. «Футувват-наме» прикладного значения, выступавшие своеобразным кодексом нравственного совершенства адептов собственно философского течения «футувват».
3. «Футувват-наме» ахейского толка.

Характерной особенностью жанра «Футувват-наме» является ярко выраженная дидактическая направленность, стремление к формированию в сознании человека высоких личностных качеств, критериев нравственного совершенства, неотделимых от категории «фата–джигит, эр-киши». Произведения «Футувват-наме», вне зависимости от того, где, когда и на каком языке они написаны, неизменно ориентируют человека на порядочность, устойчивость моральных принципов, скромность и честность. В человеке все должно быть прекрасным – такова основополагающая суть «футуввата», таковыми были и остаются неизблемые критерии непреходящих общечеловеческих ценностей.

Этим объясняется неослабевающий интерес филологов разных стран к изучению жанровых особенностей «Футувват-наме». В числе плодотворных научных изысканий в данной области можно указать фундаментальные труды немецкого ученого Франца Тешнера, турецких литературоведов Абдулбаки Гельпынарлы, Нешета Чагатая, Джемалия Анадолю, Али Торуну и других востоковедов. В указанных трудах известное место отводится также и изучению «Футувват-наме» выдающегося туркменского мыслителя Яхья ибн Халила, жившего приблизительно на рубеже XIII–XIV вв., что подтверждает неопределимые заслуги великого ученого, своим творческим вдохновением внесшего весомый вклад в историю туркменской культуры.

В справедливости данного вывода мы убедились в ходе своей работы над переводом обнаруженного в одном из книжных собраний Италии текста «Футувват-наме» Яхья ибн Халила на современный туркменский язык, а также последующего научного анализа данного произведения.

Согласно сведениям, почерпнутым из разных источников, Яхья ибн Халил появился на свет предположительно в конце XIII в. в удельном княжестве туркменской династии Ментешидов в турецкой Анатолии [Türkler 2002:731–732; GTT 2002: 272, 274]. Полное имя мыслителя звучит Яхья ибн Халил ибн Чопан ал-Бургази, однако каллиграфы, переписывавшие в различные периоды труды великого ученого, использовали собственную транскрипцию его литературного псевдонима, поэтому в различных источниках он указан по-разному: Бургави, Бурави, Буради, Бургази и т.п.

«Футувват-наме» Яхья ибн Халила, созданное в русле традиций, по праву признается наиболее ранним образцом данного жанра, написанным на туркмен-

ском языке [IA 1996: 265], что еще раз говорит о значении этого произведения для изучения исторического прошлого и самобытной этносреды туркменского народа, его литературного наследия и языка.

Характерной особенностью «Футувват-наме» Яхья ибн Халила, отличающей данное произведение от других ранних образцов подобного жанра, является ярко выраженная приверженность основополагающим постулатам ахеизма. Основным лейтмотивом произведения звучит мысль о необходимости избрания каждым опытного наставника *ахий*¹, сочетающего в себе максимум нравственного совершенства и способного наставить страждущего на путь истины, сформировать в сознании адептов ясные ориентиры чести, порядочности, благородства.

В турецкой Анатолии человек, достигший высшей степени нравственного совершенства, духовного просветления – «футуввата», удостоивался почетного звания «эр киши». Турецкий ученый Али Торун в своем труде «Türk edebiyatında türkçe fütüvvet-nameler», в частности, отмечает: «Футувват – высшая ступень духовного совершенства, в прочих исламских государствах именованная «фата, фитйан, аййар, джуван-мард», на всей территории Анатолии был более известен как «Ахий» (на фарси во множественном числе звучит – «Ахейан»). И потому будет целесообразным именовать культовое направление футуввата «ахеизмом» [Togun 1998: 11].

В целостной авторской художественной трактовке «Футувват-наме» Яхья ибн Халила предельно ясно вырисовывается его идейная нацеленность и стремление к духовному просветлению через познание мира и осознание в нем своей роли. Интересна манера изложения основной дидактической мысли произведения. Авторское изложение воспринимается не как скучное назидание, но как степенная речь, плавное повествование, особую прелесть которому придают вкрапления древних притч и легенд, отражающие душевные порывы просветленного человека в его стремлении раскрыть перед неискушенным адептом сокровенные тайны бытия. Автор пишет: «Ахий должен стремиться дать своему ученику достойное воспитание, стать для него высшим образцом всестороннего совершенства. Он должен уметь зажечь искру в пытливых умах, дабы озарилось лучезарным светом неискушенное сознание. Он должен уметь украсить зеркало страждущей души цветами познания и наук, дабы постигал ищущий все и вся – каждый раз, заглядывая в зазеркалье собственного сознания» [Yahya ibn Halil: 48 а,б].

Пытливость ума, стремление к познанию, к науке, по мнению Яхья ибн Халила, являются первыми и неизменными критериями духовно-нравственной зрелости личности. Этой мысли придерживались и другие выдающиеся поэты и философы прошлого. Довлетмамед Азади, отец великого Фраги, в главном труде своей жизни – поэме «Вагзы-Азад» называет науку первым столпом духовного совершенства. Персидский поэт Хосров Дехлеви (1253–1325) в своей поэме «Ā'īna-ye Sekandarī» считает науку и просветленный ум главным достоинством правителя. Развивая свою мысль, он делает логичное заключение о том, что именно присутствие великих мыслителей Платона и Аристотеля выступало

¹ Ахий – адепт религиозного течения ахеизма – духовного братства «ахив» – нравственно совершенных личностей, достигших высших ступеней духовного просветления – «футуввета». Данное культовое направление возникло в Малой Азии на рубеже XIII–XIV вв., позже получило широкое распространение в Иране и Средне-Азиатском регионе.

гарантом стабильности и торжества справедливости в основанной Александром Македонским могущественной империи [Шамухаммедова 1982: 40].

Будучи прогрессивной личностью и чрезвычайно просвещенным человеком, Яхья ибн Халил безоговорочно признает ведущую роль образования и науки в обеспечении прогресса общественного сознания. Он пишет: «Науки, ученье прививают чистоту морали, учат порядочности, добру, прекраснодоушию, помогают осознать понятия вечного, святости» [Yahya ibn Halal: 44 a]. Прилежность в изучении наук, жажда познания формируют в сознании каждого человека категории нравственного совершенства и высокие идеалы, закаляют в его душе лучшие качества личности.

В особой главе этого произведения представлены тонкие наблюдения и ценные советы, касающиеся культуры здоровья. Здоровье, в его понимании, выходит за рамки физического совершенства, обретая завершенность в гармонии духа и тела, этических и эстетических критериев. Достойное воспитание, изысканные манеры, соблюдение требований личной гигиены и здорового питания, общепринятых норм приличия, поведения за столом и в гостях – каждый из этих критериев в интерпретации автора становится важной составляющей сохранения и укрепления здоровья. Органичным дополнением к тексту являются приводимые автором уникальные рекомендации по профилактике и лечению некоторых недугов (например, артрита).

Дидактическая направленность произведения подчеркивается предельной конкретикой: автор влетает в сложную сюжетную канву повествования целый кодекс исконных норм общественной морали и бытовой этики, которые предвзвешивает следующим пояснением: «Житие пророков, святых и могущественных правителей оставило нам в назиданье семьсот сорок правил и норм этикета, приличествующих каждому благовоспитанному человеку. Однако я, ваш покорный слуга, избрал из них и поясняю лишь сто двадцать четыре. Ибо нам известно, что ровно сто двадцать четыре тысячи пророков благословляли своими благими делами нашу землю. Мой труд – скромный дар их светлой памяти» [Yahya ibn Halal: 78 a].

Автор использует собственную классификацию этих норм и правил, разбивая их на группы: этикет трапезы; этика общения; изысканность в одежде; нормы поведения во время странствий; приличествующее поведение в гостях; как проведать больного и страждущего; этикет траура.

Каждая из указанных бытовых ситуаций предполагает известную конкретику действий и исполняемых ритуалов. Возьмем, например, общепринятый этикет трапезы. Автор пишет:

«Перед едой необходимо чисто вымыть и насухо вытереть руки. Трапезу не следует принимать стоя либо полулежа. Принимайте еду спокойно, без суеты. Есть нужно не спеша, тщательно пережевывая пищу, чисто и аккуратно. Коль полон рот еды, не говори ни слова, пусть даже те слова – жемчужин россыпь. Если приспичило чихнуть или кашлянуть во время трапезы, рот и нос не забудьте прикрыть носовым платочком. Нельзя принимать пищу и пить на ходу. Вставать из-за стола во время трапезы нельзя, пусть даже гость придет неожиданный – не вставайте. За трапезой не принято почесываться, много говорить или громко смеяться. Каждое блюдо трапезы встречайте достойно, и ешьте, излишне не смакуя. Мыть и вытирать насухо руки необходимо также и после еды».

Как видим, с течением времени правила хорошего тона и воспитания несколько не трансформировались, они сохраняют свою актуальность и в наши дни.

Однако центральное место в «Футувват-наме» Яхья ибн Халила все же отводится характеристике основных личностных качеств, приличествующих облику нравственно зрелого туркменского джигита. Вкратце их можно изложить следующим образом: благородный муж в расцвете сил и величия должен оставаться скромным и великодушным; быть осторожен и не спешен в гневе; ему пристало отвечать добром на зло, благородством – на коварство; он в бедности подобен будет крезу, отдав нуждающимся свой последний грош; он чести не уронит в жизни, славе и труде; он будет предан другу до конца, правдив, бесстрашен, верен слову чести; на дух не переносит сплетен, лжи и празднословия, и гнева сторонится, сколько может; он щедр, скромн, простодушен, сердцем чист: приветлив он, радушен, гостеприимен дом его всегда; опорой станет немощным и сирым; поддержит добрым словом, зла не держит; примерно благороден дома, на людях, разборчив в словах и действиях своих; он неустанно песнует эти качества в себе и учит им других.

Богат, сочен, ярк язык произведения. Непревзойденный мастер художественного слова Яхья ибн Халил ибн Чопан эль Бургази вложил в него всю силу своего художественного таланта, мастерски используя отточенные метафоры, составляющие органическую часть богатой творческой палитры народного поэтического творчества туркмен. Вот образцы этого:

– Прекрасна та земля, где рдеет алым цветом первоцвет, она благоухает ароматом дивным [62a];

– Душой сроднились соловей и роза, стал цветником приют для соловья. Так знай же, будет в цветнике жить тот, кто выбрал в наперсники соловья [51a];

– Когда ты сердцем видишь красоту, сверкает перлом черный камень природорожный [38b];

– Сдружились как-то мед и уксус кислый – прокис медовый вкус, не та уж благодать [50a];

– Сладкоголосый соловей, завидев розу, душою воспарит – полетится песня с уст, доселе молчавших [53b].

Неувядающая свежесть, сочность красок, глубина заложенных в каждой строке позитивных мыслей свидетельствует о филигранно отточенном мастерстве художника.

«Футувват-наме» Яхья ибн Халила как один из ранних образцов литературно-философского течения, является бесценным источником для всестороннего изучения многовековой духовной и этнографической культуры туркменского народа, его самобытных традиций и обрядов.

ЛИТЕРАТУРА

Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература // Избранные труды. – М., 1965.

Демидов С.М. Суфизм в Туркмении. – Ашхабад, 1978.

Кәсәев М. Эдебият тарыхының кәбир меселелери. – Ашгабат, 1963.

Мередов А., Ахаллы С. Түркмен классыкы эдебиятының сөзлүги. – Ашгабат, 1988.

Шамухаммедова С.Ш. В поисках идеала. – Тошкент, 1982.

Anadolu Cemal. Türk-islam medeniyetinde Ahilik kültürü ve „Fütüvvet-nameler“. – Ankara, 1991.

Çagatay Neşet. Bir Türk Kurumu olan Ahilik. – Ankara, 1989.

Gölpinarly Abdülbaki. Islam ve Türk illerinde fütüvvet Teşkilati. – İstanbul, 1949.

Gölpinarly Abdülbaki. Burgazi ve Fütüvvetnamesi. // IFM, cilt XV (1-4). 10. 1953-7. 1954. – S. 76-153.

GTT — Genel türk tarihi. cilt 4. – Ankara, 2002.

Habayogly Muninjan. Das Futuwvetname des Yahya b. Halyl. – Münster, 1956.

IA — Islam ansiklopedisi. jilt 13. – İstanbul, 1996.

Taeschner Franz. Das Futuvvet Kapitel in Gulshchris altosmanischer Bearbeitung von Attars «Mantig ut-Tayr». – Berlin, 1932.

Taeschner Franz. Der anatolische Dichter Nasiri und sein Futuvvetname. – Leipzig, 1944.

Torun Ali. Türk edebiyatında türkçe fütüvvetnameler. – Ankara, 1998.

Türkler. Cilt 6. Ankara, 2002.

Yahya ibn Halyl. Futuwvetnama / Ватикан, Турко 337 / Фонды Национального института рукописей Академии наук Туркменистана.

***Tajigozel T. Hojageldiyeva.* The role of the genre of “Futuwwat-Nameh” in the literature and culture of the Turkmen people**

Summary. The tradition of “Futuwwat-Nameh” was born in the Middle Ages and became widespread in the Islamic world. Various kinds of “Futuwwat-Nameh” written in Persian, Turkic and Arabic languages are known. A prominent feature of literary works in the genre of “Futuwwat-Nameh” is their emphasized didactic orientation, aspiration to form high personal qualities, criteria of moral perfection inseparable from the categories «fata-džigit, är-kiši» (*Fata* ‘youth’ and *Er* ‘person’) in the consciousness of a person. “Futuwwat-Nameh” literary works, regardless of where, when, and in what language they were written, invariably focus on person’s decency, firmness of moral principles, modesty and honesty. A person should be perfect from every point of view – this is the basic essence of “Futuwwat”; such firm criteria of everlasting universal values were and will remain unchanged.

The article characterizes the works of a Turkmen thinker Yahya ibn Khalila (13th-14th centuries) and his literary work “Futuwwat-Nameh”. One can trace such universal values as humanity, truthfulness, honesty, modesty and generosity in “Futuwwat-Nameh” of Yahya ibn Khalil.

Key words: Fata, Futuwwat, youth, the Futuwvat-Nameh tradition, universal moral values, humanism

РЕЦЕНЗИИ

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА
В 10 ТОМАХ. Т. II: (БУКВА “Б”) / ПОД. РЕД.
Ф. Г. ХИСАМИТДИНОВОЙ. – УФА: КИТАП, 2011. – 568 С.**

За истекшие 60 лет своей работы в науке мне многократно доводилось составлять, редактировать, рецензировать и выпускать словари разных типов и назначений. В их общее число – свыше 60 изданий – входят словники, глоссарии, лексикографические индексы и разработки, а также отдельные монографии, моносборники, дайджесты и пособия по лексике и словообразованию, не говоря уже о руководстве 30-ю защитившимися по близкой проблематике аспирантами и оппонировании более чем 20 докторских и кандидатских диссертаций. Поэтому мне есть с чем сравнить и сопоставлять рецензируемый материал как по конкретной букве Б, так и по общей теории лексикологии в целом.

Второй том «Академического словаря башкирского языка», включающий в себя слова, начинающиеся на букву Б, подготовлен сотрудниками отдела языка ИИЯЛ УНЦ РАН под редакцией д. ф. н., проф. Ф.Г.Хисамитдиновой. Авторы-составители: д. ф. н., проф. Ф.Г.Хисамитдинова, к. ф. н., науч. сотр. Р.Т.Муратова, к. ф. н., ст. науч. сотр. М.И.Дильмухаметов, к. ф. н. М.И.Багаутдинова, мл. науч. сотр. Л.К.Ишкильдина. Редакторы: д. ф. н., проф. Ф.Г.Хисамитдинова, к. ф. н., ст. науч. сотр. Г.Н.Ягафарова, к. ф. н., науч. сотр. Р.Т.Муратова, ст. науч. сотр. С.Г.Сабирьянова.

Предлагаемый проект выгодно отличается от большинства ранее выпущенных лексиконов своей нацеленностью на широкого не только национального, но и международного читателя и разностронних специалистов (прежде всего – гуманитариев). Этому способствуют переводы заглавных слов на русский, английский и турецкий языки. По существу здесь имеет место новая попытка реализации четырехязычного словаря, у которого были свои предшественники в региональной лексикографической традиции (к примеру: *Гарипов Т.М., Басырова Ф.А.* Четырехязычный словарь-минимум. – Уфа, 1997; *Гарипов Т.М.* Семиречие Башкортостана: Семязычный словарь. – Уфа, 1998; и др.).

В Введении к «Академическому словарю башкирского языка» (Том I) отмечается, что «за основу Словаря был взят двухтомный толковый “Словарь башкирского языка” (М., 1993)». II том содержит словарные статьи, которые заметно превосходят соответственные фрагменты ранее изданных «Башкирско-русского словаря» (М., 1996) и «Словаря башкирского языка» (М., 1993). Таким образом, по данному показателю новый словарь богаче чем «Башкирско-русский словарь» на 45%, а чем «Словарь башкирского языка» – на 34 %.

Рецензируемый словарь по своему объему и охвату различных пластов лексики башкирского языка является самым полным из всех ныне

существующих лексикографических изданий, что и ставилось целью настоящего словаря. В состав словаря включены наряду с лексикой литературного языка диалектная лексика, узкоспециальные слова, относящиеся к важнейшим терминологическим подсистемам, народная терминология и номенклатурная лексика, устаревшие слова, встречающиеся в художественных и других текстах, новые слова, фразеологизмы, в том числе вошедшие в язык в последние десятилетия широкоупотребительные фонетические и морфологические варианты слов.

Отличительной особенностью данного словаря от предыдущих изданий также являются следующие моменты.

1) В словаре наиболее полно представлена диалектная лексика башкирского языка. В частности, в издании зафиксирован богатый материал из трехтомного словаря башкирских говоров (1967, 1970, 1987) и двух фундаментальных трудов последних лет: «Диалектологического словаря башкирского языка» (Уфа, 2002) и «Диалектологического атласа башкирского языка» (Уфа, 2005), а также лексический материал, собранный диалектологами ИИЯЛ УНЦ РАН, начиная с 20-х годов XX в. до наших дней. Примеры:

БҮҢСЕР ЕЛӘГЕ (Р.: жостер слабительный; И.: buckthorn; Т.: асі сәһре) *и. диал. бот.* Әһне еләге. □ Жостер слабительный (лат. *Rhamnus cathartica*). *Бүһсер еләге әсерәү.*

БЫЖЫК Ш (БЫЖЫҒЫ) (Р.: место сращения двух деревьев; И.: jointing place; Т.: икі ағасın бiрлешән уері) *и. диал.* Ике ағастың бер-беренән кушылып үскән ере. □ Место сращения двух деревьев. *Быжыкка менен ултырғым.*

БӘКЕС Ш (Р.: толкуша деревянной ступы; И.: brake; Т.: tokmak) *и. диал.* Ағас киле тәйгәсә. □ Толкуша деревянной ступы; льномялка, мялка. *Бәкес менән тәйәү.*

2) В словарь отдельными словарными статьями включены словосочетания или словесные комплексы, имеющие одно устоявшееся значение:

БАБА ҚОШО (Р.: пеликан; И.: pelican; Т.: қашиққи қушу) *и. зоол.*

Озон йыуан моронло, морон асты токсайлы эре һыу қошо. □ Пеликан (лат. *Pelecanus*). *Һазлықта йөһһәрсә баба қошо қыймылдаша.*

БАЗАМ БИЗЗӘРЕ (Р.: миндалины; И.: tonsil; Т.: bademcikler) *и. мед.*

Ауыз қыуышылығының йотколок өһтөндә урынлашқан лимфоид тукыма тупланмаһы. □ Миндалины. *Базам биззәре шешәү.* ■ *Тамақтағы базам биззәре зарарлы вирустарғы юк итеүсә һаксылар кеүек эшләй.* «Башортостан қызы», №12, 2010.

БҮРЕ ЕЛӘГЕ (Р.: волчья ягода; И.: spurge flax; Т.: mezeryon) *и. бот.*

Ашарға ярамаған қызыл емешле вак япраклы қыуак. □ Волчья ягода, волчье лыко (лат. *Daphne mezereum*). *Бүре еләге бешкән. Бүре еләгенән ағыулану.*

3) В словаре даются этнокультурные значения отдельных лексических раритетов, играющих особую роль в духовной культуре башкирского народа, например:

БАБАЙ (Р.: пожилой мужчина; И.: old man; Т.: ihtiyar) *и.*

5. *миф.* Ата-бабалар менән киләсәк быуынды бәйләп тороусы абруйлы карт. □ Авторитетный дед, связывающий предков и потомков.

6. *миф.* Бәләкәй балаларзы курқыта торған мифик зат. Уны, гәһәттә, ялбыр сәсле, алама кейемле, бәләкәй күзле, таякка таянған карт киәфәтендә күз алдына килтерәләр. □ Мифический персонаж, старик, которым пугают детей. ■

Ышаныуҙар буйынса, бабай балаларҙың үтә котороуын, шаярыуын, илауын яратмай. Шуга ла балалар артык шаяра, илай башлаһа: «Ана, бабай килә! Илама, бабай алып китә!» – тип тыялар. Ф.Хисамитдинова.

БАЛ (Р.: мед; И.: honey; Т.: bal) *и.*

2. *миф.* Наулык, байлык, муллык символы (*яңы тыуган балаға һәм туйға кейәү менән кәләшкә каптыралар*). □ Символ здоровья, богатства, изобилия (*давали новорожденным, молодоженам*). ■ *Бер кулың майға, бер кулың балда булһын.* Теләктән.

4) Словарь содержит надежный и добротный иллюстративный материал, взятый из произведений художественной литературы, периодической печати (газет, журналов), различных лексикографических источников, а также из образцов народной словесности башкир: эпосов, сказок, песен, пословиц и поговорок, например:

БӨГӨЛІ (Р.: извилина; И.: bend; Т.: menderes) *и.*

Һыузың, юлдың боролған ере; боролма. □ Извилина, извив, изгиб, излучина, лука (*реки*). *Йылға бөгөлө.* ■ *Актауҙың иң осонда, Ижәл бөгөлөндә торған һағауылдар аръякта, Күгизәл тарафында бик зур саң күтәрелеүен хәбәр итте.* З.Ураксин. *Таштугай ға буйы бөгөл-бөгөл, бөгөлдәре һайын аҡ өйрәк.* Халык йырынан. *Басҡыстың бер бөгөлөн үткәс, Емеш капыл каршыла үҙенә ике тамсы һыу кеүек окшаған бер кескәй кыҙы күрөп, кыскырып ебәрә яҙы.* З.Бишишева. *Йылға үҙенең буйраҡ тулҡындарында алысқа, Ырымбур далаһының әрем еҫе томраһын быуландырып аҡкан Һакмар косағына ашыккан бүрәһәләргә бөгөлө һайын короға сығарып өйөп киткән.* Ш.Янбаев.

БОТАУ І (бота-) (Р.: обрубать сучья; И.: lop off; Т.: budamak) *к.*

1. Кыркылған ағасты ботактан тазартыу. □ Обрубать сучья. // Обрубание сучьев. *Имән ағасын ботау.* ■ *Шунан һуң СынTIMER, бик йыуан керәштергә ботамай-нитмәй арбаһына тейәне, ти.* Әкиәттән. *[Ғәлиә] балтаһын ирзәрсә колас ташлап саба, ботак төбөн шыма итеп, һалабаһты куптарғанда эләкмәҫлек итеп ботай.* Н.Мусин. *Ағасты ботайҙар, осон, төбөн кыркып ташлайҙар.* «Шоңкар», №9, 2010. *[Әсләмдең] атаһы коро ағастарҙы бысып ауҙара. Ботактарын ботай.* Ф.Иҫәнғолов.

2. урм. Ағастан тазартыу. □ Подсекать. // Подсекание, подсечь. *Урманды ботау.* ■ *Урманды ботап, сабынлыҡтар һанылар.* «Урал», 3 февраль 2011. *Тора-бара Ситйылға яланы зурайҙы, ауыл тирәһе лә ялан булды. Ундғы ағастарҙы ботанылар.* Ж. Кейекбаев.

5) В словаре дается этимология не только заимствованных, но и исконно башкирских слов:

БӨЖӘК (бөжәге) [боронғо төрки *бүжгәк* ‘бөжәк’] (Р.: насекомое; И.: insect; Т.: bösek) *и. зоол.*

Быуынтык аяклы, умырткаһыҙ вак йән эйәһе (*мәҫ. себен, үрмәксе*). □ Насекомое (лат. *Insecta*). *Төрлө бөжәктәр оса. Бөжәктәр өйрәнөҫе.* ■ *Тугай-болондарға әллә нисәмә төҫлө сәскәләр, әллә нисәмә төрлө бөжәктәр, әллә һиндәй ауаздар.* Р. Камал.

БҮЗ [дөйөм төрки *бөз* ‘тупаҫ мамык тукума’] (Р.: бязь; И.: unbleached calico; Т.: aǵartılmamış basma) *и. текст.*

Әре итеп һуғылған аҡ мамык тукума. □ Бязь. *Аҡ бүз. Бүз күлдәк.* ■ *Базарҙарға барһаң, аҡ бүз аһаң.* Халык йырынан. *Ул [Гөлийәәм], өҫтөндәге*

калын Һарғылт каты бұз күлдәгенең итәген әйләндереп, күзен, танауын Һөрттө. Һ.Дәүләтшина. • Ак мамыктан бұз сығыр, ақыллынан Һүз сығыр. Мәсәл. Бохар даны менән бұз үтер, ата даны менән кыз үтер. Мәсәл.

В общем, в словаре ставилась цель представления с возможной полнотой всего лексического богатства башкирского языка.

В качестве справочного материала к тому даны списки условных сокращений, лексикографических, фольклорных и научных источников, а также список писателей, поэтов, журналистов, ученых, из трудов которых взят иллюстративный материал для словаря.

Кроме того, в Приложениях к тому приведены общеупотребительные в современном башкирском языке аббревиатуры, перечень топонимов, антропонимов, список названий организаций, предприятий и учреждений.

В целом рецензируемый «Академический словарь башкирского языка» (II том) заслуживает всемерной корпоративной поддержки как наиболее полное собрание башкирских лексем, основанное на богатых картотеках ИИЯЛ УНЦ РАН, насчитывающих более трех миллионов реестровых лексикографических единиц.

Т. М. Гарипов,
д. филол. наук, проф. БашГПУ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ХРОНИКА**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАКНИИЯЛИ ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
НАСЛЕДИЯ Н.Ф. КАТАНОВА
(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)**

В.Н. Тугужекова (г. Абакан)

2012 год в Хакасии был объявлен Правительством Республики Хакасия годом Н.Ф. Катанова. Инициатива Хакасии была поддержана ТЮРКСОЙ.

Начало празднованию юбилея ученого положили региональные краеведческие чтения им. В.А. Баландиной (28 февраля 2012 г.), городская научно-практическая конференция школьников в г. Черногорске (2 марта 2012 г.), городская конференция «Великий сын хакасского народа», посвященная году Н.Ф. Катанова в Хакасии в г. Черногорске (май 2012 г.), конференция школьников Алтайского района (май 2012 г.) На этих мероприятиях с докладами о жизни и научной деятельности Н.Ф. Катанова выступили сотрудники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ): д. и. н., проф. В.Н. Тугужекова, к. и. н. Н.А. Данькина.

В 2012 г. прошел цикл радиопередач на ГТРК о Н.Ф. Катанове, подготовленный В.Н. Тугужековой. По радио о жизни и творчестве рассказывали д. ф. н. А.Л. Кошелева, к. и. н. В.К. Чертыков, Е.В. Самрина, к. ф. н. З.Е. Каскаракова. Сотрудники ХакНИИЯЛИ провели лекции об ученом в вузах (ХГУ, ХТИ), профессиональных училищах (ПУ № 3), школах (№ 22, № 1, Национальная гимназия им. Н.Ф. Катанова, Полтаковская СОШ, Нижне-Тейская СОШ).

В рамках подготовки к изданию первого тома «Избранных работ Н.Ф. Катанова» под руководством В.Н. Тугужековой при участии научного сотрудника сектора экономики и социологии, к. ф. н. И.Н. Трошкиной состоялась научная командировка в архивы и библиотеки Казани. Итогом научной командировки стали привезенные из Казани отсканированные работы Н.Ф. Катанова, материалы архивов, фотографии этнографических материалов из коллекции ученого.

16–19 мая 2012 г. в республике прошел Международный форум «Н.Ф. Катанов и современность». Целью форума являлось обобщение научного наследия и вклада д-ра сравнительного языкознания, проф. Н.Ф. Катанова в развитие отечественного востоковедения и тюркологии, в частности анализ основных направлений развития научных исследований современных ученых, основанных на его наследии.

В рамках форума 17 мая 2012 г. на базе ХакНИИЯЛИ прошла Международная научная конференция «Наследие Н.Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов (к 150-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова)». К началу её работы были опубликованы 2 тома материалов конференции. Первый том посвящен наследию Н.Ф. Катанова в области истории, культуры, языков, фольклора и литератур тюркских народов. Во второй том материалов конференции вошли статьи участников конференции по актуальным проблемам тюркского языкознания, фольклора и литературы народов России, истории и культуре Евразии. К началу работы конференции также вышел в свет третий номер рецензируемого научного журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая» (серия «История»), где несколько статей посвящены на-

следию Н.Ф. Катанова. Была также переиздана книга И.Ф. Коковой «Николай Федорович Катанов. Документальная повесть о выдающемся российском востоковеде».

На пленарном заседании этой конференции выступили проф. В.Н. Тугужекова с докладом «Вклад Н.Ф. Катанова в развитие гуманитарных наук», директор Тувинского института гуманитарных исследований, к. и. н. М.М. Харунова с докладом «Н.Ф. Катанов — основоположник тувинской филологии» и проф. Гюльсюм Килли Йылмаз (Турция) с докладом «Роль и значение Н.Ф. Катанова в документации хакасского языка».

Во второй день работы форума, 18 мая 2012 г., его участники посетили Аскизский районный краеведческий музей им. Н.Ф. Катанова, где прошла презентация выставки о жизни и научно-исследовательской деятельности ученого. Затем приехавшие гости стали членами жюри на симпозиуме, где читались доклады, подготовленные научным обществом учащихся Аскизского района. Заседание проходило в Аскизском лицее-интернате им. М.И. Чебодаева. Завершилась поездка посещением музея под открытым небом «Улуг Хуртуях тас».

В целом на форуме было заслушано более 200 докладов и сообщений по проблемам научного наследия Н.Ф. Катанова и лингвистики, фольклора, литературы и культуры тюркоязычных народов. Об итогах работы Международной конференции доложила директор ХакНИИЯЛИ В.Н. Тугужекова. На ее секциях было заслушано 60 докладов и сообщений, связанных с деятельностью Николая Катанова.

11–16 июня 2012 г. делегация Правительства Республики Хакасия под руководством заместителя главы-председателя Правительства РХ И.Г. Смолиной с участием ученых В.Н. Тугужековой, К.И. Султанбаевой посетила Турцию (Стамбул, Анкара, штаб-квартира «ТЮРКСОЙ»), где прошла научная конференция «Научное наследие профессора Н.Ф. Катанова и проблемы тюркологии», посвященная 150-летию со дня его рождения. Ученые из ХакНИИЯЛИ приняли участие в конференции с докладами. Затем во второй половине июня 2012 г. научные сотрудники ХакНИИЯЛИ Н.А. Данькина и З.Е. Каскаракова выехали в Турцию для работы в переданной в свое время этой стране личной библиотеке Н.Ф. Катанова с целью сбора работ Н.Ф. Катанова для подготовки второго тома «Избранных трудов Н.Ф. Катанова». В результате этой поездки было отсканировано 81 работ Н.Ф. Катанова, из них 15 — на иностранном языке; 6 работ по библиографии; 8 работ дореволюционных ученых о Сибири и 4 работы об учреждениях, где работал Н.Ф. Катанов. Общий объем — 99 отсканированных работ. Информация о поездке была размещена на сайте Правительства РХ, в газетах «Хакасия», «Хабар», прозвучала в эфире хакасского и русского радио, на канале «Вести 24» и ГТРК.

В завершение года Н.Ф. Катанова в Хакасии были изданы книги «Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова», «Ученые Казани о Н.Ф. Катанове»; подготовлены к изданию книги «Образцы народной поэзии, тюркских племен, собранные Н.Ф. Катановым», «Избранные труды Н.Ф. Катанова» (в 2-х томах); готовится к изданию научный журнал Института Гималайских исследований и культуры, посвященный Н.Ф. Катанову (Индия, на английском языке), получен грант Правительства РХ на подготовку электронного учебно-методического пособия в помощь классному руководителю «О жизни и деятельности Н.Ф. Катанова»; вышел 4-й выпуск научного журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая», где помещена статья о прошедших в Хакасии мероприятиях, посвященных году Н.Ф. Катанова, и резолюция форума.

Valentina N. Tuguzhekova. About activities of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History on popularization of N.F. Katanov's legacy dedicated to his 150th anniversary

ТУРЕЦКО-РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ
(СОБСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ)

Турецко-русский культурный центр был открыт в марте 2010 г. Деятельность Центра на протяжении всего его существования находится в соответствии с законодательством Российской Федерации о культуре.

На фоне стремительного развития отношений между Россией и Турцией в различных областях растет и необходимость сближения народов двух стран. Достичь этого возможно через познание традиций друг друга и культурное взаимодействие. С целью знакомства и сближения народов России и Турции выдающиеся деятели науки и культуры, а также бизнесмены двух стран объединили свои усилия и создали «Турецко-русский культурный центр». В настоящее время основным направлением деятельности Центра является проведение различных мероприятий в области культуры, искусства и образования для более полного знакомства с культурными традициями двух народов.

Конечно же, существуют и другие организации, деятельность которых также направлена на развитие отношений между двумя государствами. Мы же стремимся, в первую очередь, к укреплению культурного сотрудничества, дружбы и взаимопонимания между нашими странами и народами.

К целям Турецко-русского культурного центра относятся:

- развитие российско-турецкой дружбы;
- создание своеобразного «моста культуры» между двумя странами;
- обеспечение правильного восприятия и понимания Турции в России и России в Турции;
- знакомство с деятелями науки и искусства Турции и России;
- создание почвы для совместной деятельности турецких граждан, проживающих в Москве;
- знакомство проживающих в Москве граждан Турции с русской культурой.

Для достижения данных целей Турецко-русский культурный центр осуществляет свою деятельность в следующих сферах:

- академическая деятельность;
- публицистическая и издательская деятельность;
- женская платформа;
- платформа «Семья и дети»;
- платформа «Туркологи»;
- работа в области образования (семинары, встречи и прочие мероприятия);
- платформа «Изящные искусства, народные промыслы и ремесла»;
- молодежная платформа;
- платформа «Здоровый образ жизни»;
- платформа взаимодействия российских и турецких бизнесменов — Бизнес-клуб.

В рамках Турецко-русского культурного центра ведут активную деятельность творческие клубы:

- Клуб разговорной практики русского языка;
- Клуб разговорной практики турецкого языка;
- Клуб турецкой кухни;
- Клуб турецких украшений;

- Киноклуб;
- Клуб росписи *эбру*;
- Клуб каллиграфии;
- Клуб росписи по дереву;
- Клуб турецкого народного танца;
- Клуб турецкого рукоделия;
- Клуб музыкальной грамоты (турецкие музыкальные инструменты: *саз*, *ней*, *уд*);
- Клуб песни и поэзии.

Для поддержки научной и культурно-просветительской деятельности Турецко-русский культурный центр активно сотрудничает с органами государственной власти и местного самоуправления, общественными организациями, религиозными центрами, научными и образовательными учреждениями, средствами массовой информации, иными юридическими и физическими лицами Российской Федерации и оказывает содействие в осуществлении любых программ и проектов в области искусства, культуры, науки, спорта и новых технологий, не противоречащих его уставным целям.

Основные направления деятельности центра можно обобщить следующим образом:

- Содействие сотрудничеству между языковыми курсами, центрами, представляющими традиции турецкой и русской культуры, а также студиями, возрождающими и развивающими народные ремесла;
- подготовка и координация программ и проектов, направленных на развитие интеллектуальных и творческих способностей личности;
- помощь в производстве и распространении аудио и видео материалов об искусстве, науке, культуре, обществе и спорте;
- организация и проведение симпозиумов, конференций, семинаров, встреч, международных фестивалей и конкурсов, тематических выставок и иных культурно-массовых мероприятий;
- участие в организации культурно-образовательных и благотворительных программ;
- привлечение отечественных и иностранных инвесторов;
- взаимодействие с заинтересованными органами государственной власти, органами местного самоуправления, неправительственными организациями, научными и образовательными учреждениями, средствами массовой информации по вопросам развития культурного и научного сотрудничества между Турцией и Россией;
- осуществление издательской, культурной, образовательной и благотворительной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- внесение предложений в органы государственной власти и местного самоуправления.

Хотя Турецко-русский культурный центр открылся не так давно, он уже провел ряд важных и интересных мероприятий. Среди них – встречи с писателями, поездки в Турцию, языковые курсы; творческие кружки, выставки, конференции, фестивали, праздничные программы, концерты, ярмарки и прочее.

Мероприятия 2011 г.:

- 1) конец октября — деловая и культурная поездка в Турцию для известных российских режиссеров и актеров, г. Стамбул;
- 2) 12 ноября – большой концерт в честь праздника Курбан-байрам;

- 3) 17 ноября – конференция в Нигерии с участием российских ученых;
- 4) 24 ноября – благотворительное мероприятие для детей-инвалидов в московской библиотеке № 85;
- 5) 16 декабря – «День Турции» в Московском государственном университете культуры и искусства. В программе: концерт, фуршет с турецкими угощениями;
- 6) 20 декабря – подготовительное собрание, посвященное историческим, культурным и литературным отношениям между Россией и Турцией, приуроченное 200-летию философа и писателя А.И. Герцена.
- 7) 22 декабря – конференция в Финансовом ун-те при Правительстве РФ.

Мероприятия 2012 г.:

- 1) 20 января — собрание, посвященное историческим, культурным и литературным отношениям между Россией и Турцией, а также 200-летию А.И. Герцена;
- 2) 25 января — участие 30 тюркологов из России в научном симпозиуме в Турции (Стамбул). Симпозиум продолжался 4 дня и вызвал большой интерес российских и турецких ученых;
- 3) 7 февраля — посещение Галереи искусств Зураба Церетели. Во время визита Турецко-русский культурный центр проинформировал о своей деятельности и поговорил о перспективах дальнейшего сотрудничества;
- 4) 10 февраля — собрание Попечительского совета Турецко-русского культурного центра в резиденции посла Турецкой Республики;
- 5) 12 февраля — участие в Международном фестивале языков РУДН;
- 6) 18 февраля — семинар «Семейная психология и семейные проблемы», который прошел в Турецко-русском культурном центре;
- 7) 6 марта — большой праздничный концерт, посвященный Международному женскому дню, прошедший в концертном зале «Александровский»;
- 8) 24 марта — праздничная музыкально-театрализованная программа «Турецкая свадьба», прошедшая в здании Московского дома общественных организаций;
- 9) 4–8 апреля — конференция «Исторические, культурные и экономические связи между Россией и Турцией», Стамбул;
- 10) 18–22 апреля — поездка в Стамбул ученых Института философии РАН, организованная Турецко-русским культурным центром;
- 11) 21 апреля — праздничная программа для турецких и русских детей, посвященная Дню детей, отмечаемому в Турции 23 апреля; организована Турецко-русским культурным центром совместно с Московским домом общественных организаций;
- 12) 26 апреля — презентация книг члена Союза писателей и Союза журналистов России В.А.Ставицкого в Турецко-русском культурном центре;
- 13) 28 апреля–2 мая — собрание Попечительского совета Турецко-русского культурного центра, Анталия;
- 14) 11 мая — очередное собрание представителей Платформы тюркологов
- 15) 15 мая — заседание, посвященное Международному дню семьи, организуемое совместно с Социальным комитетом Правительства Москвы;
- 16) 18 мая — презентация Платформы тюркологов «Три важных произведения трех тюркологов»;
- 17) 30 мая–2 июня — участие Турецко-русского культурного центра в международном симпозиуме, организуемом Университетом культуры и искусств. г. Брянск;

18) 1 июня — организация праздника и благотворительной ярмарки совместно с Социальным комитетом Правительства Москвы по случаю Международного дня защиты детей;

19) 14 июня — презентация Платформы тюркологов «Четыре важных произведения четверых тюркологов». Турецко-русский культурный центр в рамках программы развития сотрудничества с российскими исследователями Турции (платформа тюркологии) проводит презентацию книг российских тюркологов, вышедших в свет в 2011–2012 г.;

20) 22-26 сентября — собрание при участии ректора Университета культуры и искусства, декана, депутата Госдумы Рамазаном Абдулатиповым и министра культуры и туризма Турции Эртугрула Гюная по вопросам предстоящего международного культурного симпозиума в Стамбуле в апреле 2013 г.;

21) 5 октября — участие в симпозиуме совместно с 11 учеными из Москвы, организованном Турецко-русским культурным центром в Петербурге и СПбГУ;

22) 11 октября — посещение дома ветеранов сцены в ходе празднования недели пожилого человека в России. Жителям дома ветеранов вручили подарки и угощения;

23) 12 ноября — МГУКИ присвоил министру культуры и туризма Турции Эртугрулу Гюная звание почетного профессора университета за его вклад в укрепление и развитие культурных связей между Турцией и Россией;

24) 12 ноября — научно-практическая конференция «Туризм в российско-турецких отношениях», организованная Дипломатической академией МИД РФ, Финансовым университетом при Правительстве РФ и Турецко-русским культурным центром;

25) 30 ноября — визит совместно с руководством МГУ и Финансового университета в Международный университет Анталии с целью подписания двустороннего соглашения о сотрудничестве.

Мероприятия 2013 г.:

1) 17 января — премьера фильма «Прощай, Катя»;

2) 26 января — день семьи в Турецко-русском культурном центре;

3) 2 февраля — ночь хны в Турецко-русском культурном центре;

4) 8 февраля — мастер-класс по *эбру* для воспитанников школы-интерната №55 в Турецко-русском культурном центре;

5) 16 февраля — программа празднования Дня влюбленных в Турецко-русском культурном Центре;

6) 23 февраля — визит пациентов реабилитационного центра «Преодоление» в Турецко-русский культурный центр;

7) 28 февраля — празднование масленицы в Центральной детской библиотеке №85;

8) 6 марта — большой праздничный концерт, посвященный Международному женскому дню, прошедший в концертном зале «Александровский»;

9) 13 марта — мастер-класс по изготовлению масленичной куклы в Турецко-русском культурном центре;

10) 28 марта — презентация «Современного турецко-русского политического словаря» в Актовом зале Дипломатической академии МИД России;

11) 29 марта — благотворительная акция для детей из нуждающихся семей в Центральной детской библиотеке №85;

12) 5 апреля — вечер, посвященный научному и литературному наследию Л.Н. Гумилева;

- 13) 13 апреля — презентация книг российских тюркологов в Туецко-русском культурном центре;
- 14) 15 – 20 апреля — Фестиваль русской культуры в Стамбуле;
- 15) 15 апреля — мастер-класс по *эбру* и каллиграфии в школе № 1934;
- 16) 20 апреля — мастер-класс по керамике в Туецко-русском культурном центре;
- 17) 23 апреля — День детей в Туецко-русском культурном центре;
- 18) 27 апреля — вечер творчества Решата Нури Гюнтекина в Туецко-русском культурном Центре;
- 19) 3 мая — празднование Дня матери в Туецко-русском культурном центре;
- 20) 12 мая — ярмарка традиционных видов турецких ремесел в Туецко-русском культурном центре;
- 21) 15–16 мая — Круглый стол и дискуссия на тему «Международный день семьи», совместно с МГГУ им.Шолохова и Российско-турецким научным центром при ВГБИЛ;
- 22) 18 мая — организационная поддержка в проведении «Большого московского чаепития» в рамках общемосковской музейно-выставочной культурно-образовательной акции «Ночь в музее»;
- 23) 24 мая — благотворительная акция в честь дня инвалидов в Центральной детской библиотеке №85;
- 24) 28 мая — круглый стол «Сериал “Великолепный век” и историческая правда: значение киноискусства для создания представления о стране» в Российско-турецком научном центре при ВГБИЛ;
- 25) 31 мая — организационная поддержка и участие в благотворительном театрализованном концерте «Юный Незнайка» в честь Международного дня защиты детей, организуемом детской школой-студией музыкально-эстетического воспитания «Юные Александровцы» Академического ансамбля песни и пляски Российской Армии имени А.В. Александрова;
- 26) 1 июня — благотворительная ярмарка на ВДНХ, совместно с «ГБУ Московский Дом общественных организаций»;
- 27) 3–10 июня — участие 10 тюркологов из Москвы в Международной олимпиаде по турецкому языку в рамках Фестиваля турецкого языка;
- 28) 13 июня — презентация книги В. Квинта «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке» в Туецко-русском культурном центре;
- 29) 28 июня – заседание попечительского совета Туецко-русского культурного центра;
- 30) 29 июня – благотворительная ярмарка как участие в праздничной программе «Сабантуй – 2013».

PERSONALIA

МИРФАТЫХ ЗАКИЕВИЧ ЗАКИЕВ
(К 85-летию ученого)

В 2013 г. тюркологическая общественность отмечает 85-летие видного тюрколога, действительного члена Академии наук Республики Татарстан, доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом лексикологии и диалектологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, члена Российского комитета тюркологов, академика-секретаря Татарстанского отделения Международной тюркской академии, почетного члена Турецкого лингвистического общества, почетного члена президиума Международного центра тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан), почетного профессора Татарского государственного педагогического университета Мирфатыха Закиевича Закиева.

Мирфатых Закиевич родился 14 августа 1928 г. в дер. Зайпы Ютазинского (ныне Бавлинский) района Татарской АССР.

Он окончил с отличием отделение татарской филологии Казанского гос. университета, там же прошел аспирантуру и в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную категории сказуемого в татарском языке.

С этого своего первого исследования Мирфатых Закиевич посвящает свою научную деятельность как филолога-тюрколога прежде всего проблемам синтаксиса татарского языка. В 1958 г. выходит его первая монографическая работа «Современный татарский литературный язык: Синтаксис».

6 июля 1963 г. он защищает докторскую диссертацию, на основе которой создает монографию «Синтаксический строй татарского языка» (1963), книга и сейчас считается одним из капитальных трудов по тюркскому синтаксису не только в татарском языкознании, но и в тюркологии.

Дальнейшее развитие синтаксические идеи ученого находят отражение в его последующих фундаментальных разработках. Так, в книге «Хэзерге татар эдэби теле (синтаксис)» (1974) автор впервые поднимает вопрос о «синтаксическом целом» в татарском языке. В работе «Хэзерге татар эдэби теле синтаксисы һәм пунктуациясе» (1984) М.З. Закиев рассматривает проблемы типов и целостности татарского текста, а также сложного синтаксического целого, косвенной речи.

В синтаксических трудах М.З.Закиева много внимания уделяется проблемам сложного предложения. Основной задачей исследования сложного предложения он считает анализ типов и средств связи между компонентами сложного предложения, а также описание семантических отношений между отдельными предложениями в его составе.

Под его руководством отдел лингвистики ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова составил трехтомную академическую грамматику татарского языка (в ней синтаксические тома написаны М.З. Закиевым – «Татарская грамматика. III том: Синтаксис» (1992), «Татарская грамматика. III том: Синтаксис» (1995), «Татар грамматикасы. III том: Синтаксис» (1999)); по его инициативе разрабатывается история татарского литературного языка и многотомная татарская лексикология.

В последние десятилетия Мирфатых Закиевич большое место отводит занятиям историей татарского народа и пропаганде интересных идей о древней истории тюрков и

татарского этноса, в частности, а также вопросам межнациональных и межъязыковых контактов, двуязычия и многоязычия.

Заслуги М.З.Закиева в области развития гуманитарных наук высоко оценены научной общественностью. 2 сентября 1964 г. ему было присвоено учёное звание профессора. В сентябре 1991 г. он избран академиком Академии наук Республики Татарстан.

М.З. Закиев работал заведующим кафедрой татарского языка КГУ, проректором по научной работе, ректором КГПИ, директором ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, Председателем Верховного Совета Татарской АССР.

Им за долгие годы научной и общественной деятельности опубликовано около 800 научных работ, в том числе более 50 монографий, учебников и учебных пособий по проблемам татарского языка, истории татарского народа, этнической истории тюркских народов, межнациональных и межъязыковых контактов, двуязычия и многоязычия.

М.З. Закиевым подготовлено более 40 специалистов, 12 бывших его аспирантов стали докторами, профессорами и академиками различных общественных академий.

Мирфатых Закиевич награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, За заслуги перед Республикой Татарстан, восемью медалями.

Тюркологи высоко ценят научный вклад Мирфатыха Закиевича Закиева в развитие тюркской филологии и национальной татарской лингвистической школы и желают ему долгих лет творческой научной жизни.

Российский комитет тюркологов

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ М.З. ЗАКИЕВА

Закиев М. З. Хэзерге татар әдәби теле. Синтаксис. — Казан, 1958. — 244 б. Учебное пособие для студентов вузов.

Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. — Казань, 1963. — 464с.

Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе.- Казан, 1977. — 208 б.

Закиев М.З. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков: в 3-х ч. — Казань. 1977.

Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. — Казань, 1986.- 304 с.

Закиев М.З. Проблемы структуры простого предложения татарского языка: Учебное пособие. — Казань: КГПИ, 1987.

Закиев М. З. Татары: Проблемы истории и языка. — Казань, 1995. — 464 с.

Закиев М. З. Татарская грамматика. Том 3. Синтаксис. (Издания на русском: Казань, 1992 и 1995. — 576 с. Издание на татарском: — Москва-Казань, 1999. — 510 с.)

Закиев М. З. Волжские болгары и их потомки. (соавт. Я. Ф. Кузьмин-Юманади). — Казань, 1993. — 160 с. *Закиев М. З.* Төрки-татар этногенезы. — Мәскәү-Казан, 1998.

Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар. — М.: Инсан, 2002, 496 с.

Закиев М. З. История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие). — М.: ИНСАН, 2008.

РУЗАЛЬ АБДУЛЛАЗЯНОВИЧ ЮСУПОВ
(К 75-летию ученого)

Научная деятельность доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук Татарстана, заслуженного деятеля науки РТ, лауреата Госпремии РТ Рузаль Абдуллазяновича Юсупова удачно сочетается с его учебно-педагогической, административной и общественно-политической работой.

Рузаль Абдуллазянович Юсупов родился 14 сентября 1938 г. в с. Кышкар Атнинского района Татарской АССР. Окончил Казанский государственный университет.

Рузаль Абдуллазянович, успешно руководя долгие годы коллективом Казанского педагогического университета и в то же время выполняя непростые обязанности депутата Верховного Совета, председателя постоянной комиссии парламента Республики Татарстан, сумел проявить себя и на ниве науки. Защитив в 1982 г. в Институте русского языка РАН докторскую диссертацию «Общее и специфическое в лексико-семантической и фразеологической системе русского и татарского языка», он заявил о себе как о зрелом исследователе в области сопоставительной типологии.

Свою заявку, сделанную тридцать лет тому назад в Москве перед солидной научной общественностью, профессору Р.А. Юсупову удалось реализовать в последующем рядом серьезных исследований. Его монографии «Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков» (1980), «Двуязычие и культура речи» (1987), «Соотношение разноструктурных языков и вопросы перевода» (2005), «Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи» (2005), «Перевод и культура речи» (2008), «Общее и специфическое в разноструктурных языках» (2009), «Теория и практика перевода» (2010) служат серьезным подспорьем для преподавателей, студентов, журналистов, а также работников других сфер, чья деятельность так или иначе связана с двуязычием.

Эти и другие монографические исследования по своей оригинальности и масштабности представляют собой новую веху в контрастивной лингвистике. Соотношение контактирующих языков в них впервые изучается на основе тесной взаимосвязи общих и специфических свойств этих языков. Определение понятий общего и специфического дается с совершенно иных позиций, чем те, которые были известны ранее. Новый подход к пониманию общего в разноструктурных языках дал возможность значительно расширить традиционные рамки языковой общности.

Р.А. Юсуповым показана сущность языковых контактов и отмечено, что общие и специфические свойства русского и татарского языков проявляются как в составе лексико-фразеологических средств, так и в парадигматических и синтагматических отношениях слов, а также в переносном употреблении лексики контактирующих языков. Показано, что в двух изучаемых языках общие лексические средства, представленные заимствованиями, ономастикой, структурно-сематическими и семантическими кальками, словами в эквивалентных основных значениях и эквивалентными словами, а также историзмами и неологизмами, составляют значительную часть лексики.

Новым в сопоставительном изучении татарского и русского языков профессором Р.А. Юсуповым является рассмотрение в числе общих языковых явлений многочисленных фразеологических единиц, в том числе пословиц и

поговорок, а также художественно-изобразительных средств контактирующих языков, взаимосоответствующих по значению, образности, структуре. Им показано, что изучение соотношения разносистемных языков в плане выявления их одинаковых, сходных свойств и особенных черт служит той прочной теоретической базой, которая значительно облегчает задачу взаимообогащения языков, устранению и предупреждению нарушений норм контактирующих языков, что является следствием механического переноса в один язык лексико-фразеологических единиц и грамматических форм другого языка.

Примененная Р.А. Юсуповым оригинальная методика, а также новизна, глубина этих работ правомерно ставят их в один ряд с контрастивными исследованиями известных отечественных и зарубежных лингвистов.

Всестороннее сопоставительно-типологическое изучение общих и специфических черт татарского и русского языков профессором Р.А. Юсуповым осуществляется впервые, и этим определяется особое значение этих работ. Эти труды, по оценке научной общественности, представляют собой не только теоретическую, но и практическую ценность, нацеливают на решение основных задач, обусловленных татарско-русским двуязычием. Значение одинаковых и сходных элементов, которые имеются в контактирующих языках, облегчает и ускоряет процесс обучения второму языку, способствует усвоению одним языком всего положительного и ценного, что содержится в другом. Выявление специфических свойств каждого из данных языков позволяет в значительной степени избежать нарушений их норм, которые возникают в результате недостаточного знания особенностей контактирующих языков.

В научных трудах Р.А. Юсупова проанализированы многочисленные факты интерферирующего влияния русского языка на татарскую речь и татарского языка на русскую речь; указаны пути устранения и предупреждения нарушений норм языка в отношении отдельных слов, устойчивых неидиоматических словосочетаний, фразеологических выражений, сравнений, метафор, эпитетов; даны профилактические упражнения, рекомендуемые учащимся и студентам в плане изучения специфических особенностей контактирующих языков.

Обращает на себя внимание в контрастивных исследованиях Р.А. Юсупова то, что им проявлен реалистический подход к решению проблемы заимствований в татарском языке, указано на нецелесообразность увлечения в настоящее время заменой усвоенных народом русских заимствований и интернационализмов вышедшими из употребления и непонятными народу арабизмами. Предложен оптимальный путь решения вопроса о соотношении исконно татарских слов и заимствований.

Составленная Р.А. Юсуповым учебная программа «Теория и практика перевода» была рекомендована Министерством просвещения в качестве действующей для всех педвузов страны и издавалась в центральных издательствах Москвы и Ленинграда.

Будучи специалистом в области культуры речи, теории перевода и сопоставительного языкознания, профессор Р.А. Юсупов всегда стоял на позициях сохранения и развития литературных норм татарского языка, выступал защитником его чистоты, культурных традиций. Работы, посвященные этим вопросам, имеют не только большую теоретическую, но практическую значимость.

За работу «Татарско-русские языковые контакты: теория и внедрение в практику» академику Р.А. Юсупову в 1988 году была присуждена Государственная премия Республики Татарстан в области науки и техники.

Вместе со своими многочисленными последователями и учениками он успешно развивает Казанскую школу контрастивной лингвистики.

Руководя аспирантурой, докторантурой и советом по защите докторских диссертаций по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», заведывая кафедрой татарского языкознания, а также бу-

дучи членом ряда других советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, председателем межвузовского научно-методического совета, являясь в течение многих лет ректором одного из крупнейших педагогических вузов России, Р.А. Юсупов всегда выступает организатором лингвистической науки, принимает непосредственное участие в подготовке и росте научно-педагогических кадров. Под его руководством подготовлено и защищено 30 кандидатских и 5 докторских диссертаций. В настоящее время его ученики успешно трудятся во многих научных учреждениях и вузах России.

В эти дни, когда общественность широко отмечает юбилей академика Р.А.Юсупова, тюркологи республики и Российский комитет тюркологов поздравляют Рузалия Абдуллазяновича и желают ему ещё долгие годы оставаться в авангарде лингвистической науки.

Ф.Ш. Нуриева,
доктор филол. наук,
профессор Казанского федерального
университета

МАРК МИХАЙЛОВИЧ ЛАВРИНОВИЧЮС

**К 75-летию со дня рождения
(26.12. 1938 – 24.12. 2011.)**

Марк Михайлович Лавриновичюс – инженер, доктор технических наук, Гахан караимов Литвы и председатель религиозной общины караимов Литвы, внес большой вклад в сохранение и возрождение караимской культуры и языка, в распространение знаний о караимской религии, языке и истории.

Марк Лавриновичюс родился 26 декабря 1938 г. в г. Тракае (Литва) в караимской семье Михаила и Ализы (в девичестве Фиркович) Лавриновичей. В 1956 г. окончил среднюю школу в Тракае. В том же году поступил на факультет электротехники в Каунасский политехнический институт (теперь Каунасский технологический университет), который окончил в 1961 г. По окончании института работал в Академии наук Литвы. В 1962 г. женился в Тракае на АLINE Дубинской.

С 1966 по 1995 г. работал в НИИ «Вента» в должностях от старшего инженера до начальника научной лаборатории, занимался научно-исследовательской работой в области микроэлектроники. 28 июня 1968 г. защитил диссертацию на тему «Методика ускоренных испытаний элементов вычислительной техники на надёжность» на соискание учёной степени кандидата технических наук (в 1993 г. нострифицированный доктор технических наук). На протяжении нескольких десятилетий работы в институте был вдохновителем многих научных тем в области микроэлектроники, генератором идей и наставником в их реализации для нескольких поколений научных сотрудников института. С 1995 по 1999 г. работал в области автомобильной электроники. В 1999 г. вышел на пенсию.

Тракай окружен живописными озерами и летом Марк Михайлович часто любил рыбачить на мосту к Тракайскому островному замку на озере Гальве.

На протяжении всей жизни Марк Михайлович много времени и энергии уделял общественной жизни караимов. Он был умелым организатором, целеустремлённым в работе на благо народа. В 1989 г. Марк Лавриновичюс возглавил комитет по организации Международного караимского съезда в Тракае. В 1997 г. он возглавил комитет по организации празднования в Тракае 600-летия приезда караимов и татар в Литву. Многие выходцы из Тракае, караимы проживающие в России, Украине, Франции, Италии, Австралии и других странах, прибыли на это празднование. Прекрасным зрелищем на этом мероприятии была театрализованная реконструкция прибытия караимов в Тракай. Были также организованы научная конференция, спектакль с актёрами-караимами и другие мероприятия. В том же году Марк Лавриновичюс был награждён медалью 2-й степени ордена Великого Князя Литовского Гядиминаса за заслуги перед Литвой, за многолетний добросовестный труд и активную культурную и общественную деятельность.

Марк Михайлович был высоко эрудированным и интеллигентным человеком. Он с детства свободно владел караимским языком, а десятилетия работы над Русско-караимским словарем расширили его словарный запас до размеров словаря (более 13000 слов). Он охотно делился своими знаниями, организовывал уроки и сам преподавал караимский язык. Помимо родного языка он владел литовским,

русским, польским и английским языками. Был настойчивым и самоотверженным в реализации своих идей.

Он пользовался большим авторитетом и среди соотечественников, и за пределами общины. В 2009 г. Марк Лавриновичюс был избран караимской общиной Литвы на высшую духовную должность Гахана караимов Литвы и председателя религиозной общины караимов Литвы.

Научное наследие Лавриновичюса-тюрколога представлено такими трудами.

«*Viġ Var Ēdi*» – сборник литературного наследия караимской культуры и языка. Книга караимских народных преданий, сказок, историй издана самим Марком Лавриновичюсом в 2002 г. Из различных печатных караимских изданий, рукописей, домашних архивов караимов он собрал караимские народные предания, сказки, истории и многое сам перевел на караимский язык. В сборник «*Viġ Var Ēdi*» вошли произведения караимских поэтов и писателей (А. Мардковича, А. Шишмана, С. Фирковича и др.), а также неизвестных караимских авторов и произведения русских и польских писателей, переведенные на караимский язык. Произведения, созданные в оригинале на крымском и галицко-луцком диалектах караимского языка, переведены Марком Лавриновичюсом на тракайский диалект. Тексты написаны на бытовом караимском языке, что позволяет читателю окунуться в мир караимской жизни былых времён. В настоящее время для написания караимских слов литовские караимы используют алфавит, созданный на основе литовского алфавита и дополнительных условных знаков, приспособленных для караимского языка.

«*Karyndašlarǵumyznyn Chaznasu*» («Сказки братских тюркоязычных народов»). В настоящее время в Литве проживает около 250 караимов, однако они осознают, что представляют только маленькую часть тюркоязычных народов, которых в мире насчитывается более 40 и численность которых порядка 200 млн. человек. Поэтому у Марка Лавриновичюса появилась идея собрать и перевести на караимский язык народные сказки братских тюркоязычных народов. Он подбирает 94 тюркоязычные сказки 25 тюркских народов (среди них – алтайцы, азербайджанцы, балкары, башкиры, хакасы, чуваша, долганы, гагаузы, якуты, карачаи, каракалпаки, казахи, киргизы, крымские татары, кумыки, ногайцы, тофалары, татары, турки, туркмены, тувинцы, уйгуры, узбеки). Марк Лавриновичюс считал, что фольклор таит в себе особый дух народа и поэтому караимам, как тюркоязычному народу, способ восприятия мира у братских народов особенно интересен и близок.

Марк Лавриновичюс сам переводит сказки на тракайский диалект караимского языка. Тексты написаны на разговорном караимском языке так, как бабушки рассказывали сказки своим внукам. В 2002 г. он издает сборник также на свои средства.

В 2002 г. на тракайском диалекте караимского языка Марк Лавриновичюс перелагает и также издает самиздатом «*Aziž Jazyšnyn Jomachlaru*» («Библейские сказания»). В книгу включены истории из Ветхого Завета.

В книге «*Avaldan Kieliasigia*» («Из далёкого прошлого в будущее») собраны и описаны караимские национальные и религиозные обычаи и традиции, караимский орнамент и караимские праздники, изложены основы караимской религии.

Особое внимание Марк Лавриновичюс уделяет караимскому языку. По фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям из современных языков караимский язык более всего близок к карачаево-балкарскому, кумыкскому, крымско-татарскому языкам. Из древних – к куманскому (половецкому) языку. Тракайский диалект караимского языка уже более шести веков находится среди чуждых ему языков и поэтому сохранил древнее состояние. Н.А. Баскаков, К.М. Мусаев и другие тюркологи отмечают близкое родство куманского (половецкого) языка с караимским. Для сравнения куманского и караимского языков Марк

Лавриновичюс обращается к памятнику куманской культуры и языка «Codex Cumanicus». Примечательно, что караимы и сегодня легко понимают язык «Codex Cumanicus».

Молитва «Отче наш» в «Codex Cumanicus» и в караимском молитвеннике:

<i>Codex Cumanicus</i>	<i>Караимский молитвенник</i>
Atamyz, kim kioktiasieñ, alhyšly bolsun Sieniñ atyn!	Atamyz ki kiokliardia, machtavlu bolhej birliги adyjnyn
Kiel'siñ Sieniñ chanlyhyn, bolsun Sieniñ tiliamiagiñ niečik kioktia, alej jerdia!	Da kip bolhej bijligij da kligij kiokliardia johartyn da jer üštiunia ašahartyn.
Kiuñdiagi öt'miagimižni bižgia biugiñ biergil'!	Kiuñdiagi öt'miagimižni biergiñ bižgia
Dahy jazychlarymyzny bižgia biugiñ bošatchyl, niečik biž bošatyrybyz bižgia jaman et'kiañliargia.	Da bošatchyn bar jazychlarymyzny.
Dahy jekniñ («jek» на галицком диалекте – «дьявол») synamahyna bižni kuvurmahyl, basa barča jamandan bižni kutcharhyl! Amieñ.	Tiuž jollaryjdan azaštyrmahyn bižni, ančech kutcharhyn bižni azhyrtuvčudan. Amieñ.

«Русско-караимский словарь» («Urus-Karaj siožliugiu»).

Вследствие своей изолированности от других тюркоязычных народов язык караимов, проживающих в Литве, сохранил старотюркские слова, утерянные в других тюркских языках [Kowalski T. Język karaimski // Myśl karaimska, 1926, Tom I, Zeszyt III. – S.3–7). Например, важно отметить, что в 1930-ых гг. при языковой реформе турецкого языка по очистке его от иноязычного влияния, турецкий словарь был пополнен 330 караимскими словами [Szapszal S. Sprawozdania i bibliografia // Myśl Karaimska, Wilno, 1936, Zeszyt II. – S. 105–107).

С 1970-ых гг. Марк Лавриновичюс анализировал караимские лексикографические источники и на основе литературных памятников создавал собственную первичную картотеку караимского языка. Результатом этого многолетнего труда является «Русско-караимский словарь». В словарь включены слова тракайского диалекта, он дополнен также словами крымского и галицко-луцкого диалектов, отсутствующими или малоизвестными в речи тракайских караимов. Словарь содержит 36597 русских лексических единиц и 13165 караимских слов и словосочетаний.

Во вступительном слове автор пишет: «До настоящего времени издано несколько караимских словарей, однако нет Русско-караимского словаря тракайского диалекта. Зная русское слово найти его караимский перевод, пользуясь «Караимско-русско-польском словарём» (1974) под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала, затруднительно, часто и невозможно...». Поэтому у Марка Лавриновичюса возникает идея составления данного словаря. Кроме того в словарь включены слова, отсутствующие в упомянутом «Караимско-русско-польском словаре», но встречающиеся в караимских литературных источниках; таких слов примерно 1/3 объема данного словаря (более 4500 лексических единиц). Несомненно, словарь является важным этапом в изучении и сохранении языка караимов. Во вступительном слове автор подчеркивает: «Предлагаемый Русско-караимский словарь не претендует на академичность, он является практическим пособием для желающих пополнить свой словарный запас караимского языка тракайского диалекта».

Караимские слова в словаре записаны на основе литовского алфавита и дополнительных условных знаков, приспособленных для караимского языка.

Словарь самиздатом переиздавался многократно, им широко пользовались как караимы, так и многие интересующиеся караимским языком за пределами караимской общины. В 2012 г. словарь впервые опубликован официально.

Важно отметить, что, не будучи программистом по образованию, Марк Лавриновичюс изучил программирование, создал несколько прикладных компьютерных программ и компьютеризировал свой русско-караимский словарь. Таким образом, в электронном виде словарь существует и как русско-караимский, и как обратный – караимско-русский.

Примечательно, что большой вклад над работой «Караимско-русско-польского словаря» (1974) (под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала) внес Гахан караимов Литвы и Польши Серая Шапшал (1873–1961). И спустя почти 50 лет Марк Лавриновичюс, будучи в 2009 г. избранным на пост Гахана караимов Литвы, став преемником С.М. Шапшала, завершает свой многолетний труд над словарем. Так символично перекликается связь времен.

Алгоритмизация караимского языка (словообразование / аффиксация) /

Учебник караимского языка – «100 уроков караимского языка».

Марк Лавриновичюс был человеком науки, прекрасным знатоком караимского языка и активным общественным деятелем. На протяжении многих лет он регулярно обучал желающих караимскому языку. Им придумывались педагогические методы, организовывались группы, энтузиазм не иссякал никогда.

Марк Лавриновичюс любил и часто декламировал стихотворение караимского поэта З. Абрагамовича (1878–1903):

KARAJ ÈDIM, KARAJ
BARMYN

Karaj èdim, karaj barmyn
Da karajba òl'mia kliejmiń,
Karajlychba ujalmyryn,
Òž dinimni tašlamymyn.

Kim diniń tašlady,
Sioziuń unuttu,
Ol adam tiuviul'dir,
Tubarha ušejdyr.

КАРАИМОМ Я БЫЛ,
Я ЕСМЬ КАРАИМ

Караимом я был, я есмь караим
И караимом умереть хочу,
Караимства не стыжусь,
Свою религию не покину.

Кто веру покинул,
Язык забыл,
Тот не человек,
Он скоту подобен.

(Перевод с галицкого диалекта
на тракайский и перевод на русский
язык М. Лавриновичюса)

Несомненно, Марк Михайлович тщательно изучил и высоко ценил труды проф. Кенесбая Мусаевича Мусаева «Грамматика караимского языка, фонетика и морфология» (1964) и «Синтаксис караимского языка» (2004).

Первый учебник Марка Михайловича, по которому он проводил уроки – «Karaj Tili Otuz Siegiž Sahat Aşuga» («Караимский язык за тридцать восемь часов»), был издан самиздатом в 1991 г.

Вдохновлённый караимскими учёными-тюркологами Зигмундом Абрагамовичем (1923–1990) и Александром Дубинским (1924–2002), Марк Лавриновичюс разработал алгоритмизацию словообразования караимского языка.

С 2010 года он использует современные технологии обучения языку и по своей инициативе обучает желающих дистанционным способом посредством

электронной рассылки. Этот проект начинался под названием «Интернет уроки караимского языка» и постепенно перерос в компьютерный труд под названием «100 уроков караимского языка». Учебник создан в двух версиях – электронной и печатной. Марк Михайлович работал над Уроками караимского языка вплоть до конца 2011 г. Более всего он желал доступным способом донести знание языка до соплеменников – от скромно начинающих до знающих язык и желающих усовершенствовать свои навыки. Аналитический склад ума автора проявляется в лаконичности и простоте изложения материала. Правила на каждую тему даны в краткой схематичной форме, используются простые, краткие формулировки. Таким образом, учебник легок в употреблении и понятен любому.

Структура учебника следующая:

- 1) номер урока и его грамматическая тема;
- 2) 10–11 новых слов;
- 3) правило на данную тему;
- 4) примеры использования данного правила и примеры употребления

новых слов

в контексте;

- 5) упражнения на данную тему и / или на уже пройденный материал.

Учебник содержит большое количество примеров на каждый объясняемый аффикс, упражнения разнообразны и различны по степени сложности.

С точки зрения изучения караимского языка новым в данном учебнике является то, что в каждом из 100 уроков к каждому варианту изучаемого аффикса даны и другие его варианты согласно закону гармонии гласных и согласных. Например:

УРОК 18 ИСХОДНЫЙ ПАДЕЖ НЕПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ПРАВИЛО –

если в последнем слогѣ:

- конечная гласная «а,у,о,и» → -dan;
- конечная гласная «і,е,ѐ,іа,іе,іо,іу» → -diań;
- гласная «а,у,о,и» + согласная «b,d,h,j,l,m,n,r,v,z,ž,dž» → -dan;
- гласная «і,е,ѐ,іа,іе,іо,іу» + согласная «b,d,d',g,j,l,l',m,n,ń,r,v,z,ž,ž,dž» → -diań;
- гласная «а,у,о,и» + согласная «с,č,f,k,p,s,š,t,ch» → -tan;
- гласная «і,е,ѐ,іа,іе,іо,іу» + согласная «с,č,f,k,p,s,š,t,t'» «→ -tiań.

Отвѣчает на вопрос: От кого? Откуда? С чего? Из чего?

Ударение падает на последний слог слова: *koj-dan*; *til'-diań*; *at-tan*, и т.д.

Это было заключительным трудом Марка Михайловича. 24 декабря 2011 г. его не стало. Сохранить и передать караимский язык, обучить молодежь было его первостепенной задачей.

В настоящее время, с целью расширить иллюстрацию правил и углубить усвоение знаний, я пополняю его уроки примерами и упражнениями и готовлю работу к публикации. Вскоре будут изданы «Алгоритмизация / словообразование караимского языка», а также «Учебник караимского языка» и другие, еще не изданные труды Марка Лавриновичюса.

В заключение воспользуюсь сравнением польского тюрколога проф. Тадеуша Яна Ковальского (1889–1948). Он говорил, что караимы Тракая, будучи изолированными от других тюркоязычных народов, на протяжении веков сохранили свой язык в абсолютной чистоте. Он сравнивает нас с мошкой, застывшей в кусочке янтаря (*Kowalski T. Język karaimski // Myśl karaimska, – 1926, Tom I, Zeszyt III. – S.3–7*).

Караимы с конца XIV в. проживают в Литве уже более 600 лет, передавая свои древние традиции и обычаи из поколения в поколение. Тракай на протяжении долгих лет является культурным и религиозным центром жизни караимов, они сохранили свое культурное наследие и – главное – язык и передают его будущим поколениям.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ МАРКА ЛАВРИНОВИЧЮСА НА КАРАИМСКУЮ ТЕМАТИКУ

Маркас Лавриновичюс. Karaj Tili Otuz Siegiž Sahat Ašuga. Учебник караимского языка. – Тракай, 1991. – 294 с.

Bir Var Ėdi. / Сост. Маркас Лавриновичюс. – Тракай, 2002. – 379 с.

Маркас Лавриновичюс. Karyndašlarymuznyn Chaznasy. – Тракай, 2002. – 268 с.

Маркас Лавриновичюс. Aziž Jazyšnyn Jomachlary. – Тракай, 2002. – 117 с.

Маркас Лавриновичюс. Avaldan Kieliasigia / Из далёкого прошлого в будущее. – Тракай, 2011. – 80 с.

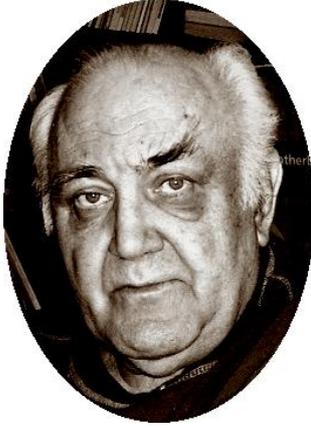
Русско-караимский словарь / Urus-Karaj siožliugiu. 36597 русских лексических единиц. Электронная и бумажная версии. / Сост. Маркас Лавриновичюс. – Тракай, 2012. – 460 с.

Маркас Лавриновичюс. Алгоритмизация караимского языка (словообразование / аффиксация) и Грамматика караимского языка. – Тракай, 2011.

Маркас Лавриновичюс. 100 Уроков Караимского Языка. Учебник караимского языка. Электронная и бумажная версии. – Тракай, 2011.

*Диана Лавринович
г. Тракай (Литва)*

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ РЕШЕТОВ
(К 80-летию со дня рождения)

Александр Михайлович Решетов, ученый, более полувека проработавший в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, член редколлегии журнала «Этнографическое обозрение».

А.М. Решетов родился 1 августа 1932 г. в пос. Глубокий Ростовской области. Окончил среднюю школу в 1951 г. с серебряной медалью. С 1951 по 1956 г. А.М. был студентом восточного факультета ЛГУ имени А.А.Жданова, специализируясь по истории Китая» на кафедре истории стран Дальнего Востока. Среди его учителей были такие выдающиеся отечественные востоковеды, как акад. В.В.Струве, проф. И.П.Петрушевский и проф. Н.В.Кюннер, оказавший наиболее заметное влияние на личность и научную деятельность А.М.Решетова.

После окончания восточного факультета ЛГУ А.М.Решетов был рекомендован в аспирантуру Института этнографии АН СССР и успешно сдал вступительные экзамены, но в связи с изменением порядка приема в аспирантуру академических институтов в декабре 1956 г. был зачислен в штат Ленинградской части Института этнографии АН СССР, при которой находилась знаменитая Петровская Кунсткамера. Однако еще будучи студентом ЛГУ, А.М. Решетов получил предложение продолжить учебу в Китае, куда он с группой студентов из СССР и отправился в феврале 1957 г.. В Китае он получил прекрасную подготовку по китайскому и тибетскому языкам, по этнографии ханьцев и национальных меньшинств Юго-Западного Китая; его научными руководителями были видные китайские ученые Линь Яохуа и Чэнь Юнлин. Возвратившись в Ленинград после учебы в Пекинском университете (1 г.) и аспирантуре Центрального Института национальностей, А.М.Решетов с февраля 1961 г. занялся научной работой, пройдя путь в Ленинградской части ИЭ АН СССР – МАЭ РАН от младшего научного сотрудника до заведующего (с мая 1975 по октябрь 2002 г.) отделом этнографии Восточной и Юго-восточной Азии (до июня 1992 – сектор / отдел этнографии Зарубежной Азии, с июня 1992 по март 1994 г. – отдел этнографии стран Востока).

В эти же годы определился круг основных научных интересов А.М.Решетова – история, культура и этнография народов Китая, в том числе монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов, этнография народов Сибири, а также проблемы общей этнографии. Уже в первый год работы в институте, летом 1961 г., он отправился в экспедицию к калмыкам, а в 1962 г. участвовал в работе научной экспедиции в Западную Сибирь совместно с Е.Д. Прокофьевой. В 1966 г. А.М. Решетов первый раз побывал в Монголии, а с 1982 г. по 1988 г. возглавлял этнографический отряд совместной советско-монгольской историко-культурной экспедиции. В 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Буи. Историко-этнографический очерк», ставшую одним из множества этапов его научного внимания к этносам и этническим группам Китая и сопредельных стран Юго-Восточной Азии.

В эти же годы определился круг основных научных интересов А.М.Решетова – история, культура и этнография народов Китая, в том числе монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов, этнография народов Сибири, а также проблемы общей этнографии. Уже в первый год работы в институте, летом 1961 г., он отправился в экспедицию к калмыкам, а в 1962 г. участвовал в работе научной экспедиции в Западную Сибирь совместно с Е.Д. Прокофьевой. В 1966 г. А.М. Решетов первый раз побывал в Монголии, а с 1982 г. по 1988 г. возглавлял этнографический отряд совместной советско-монгольской историко-культурной экспедиции. В 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Буи. Историко-этнографический очерк», ставшую одним из множества этапов его научного внимания к этносам и этническим группам Китая и сопредельных стран Юго-Восточной Азии.

Но не меньшее место в его занятиях принадлежит и истории отечественной этнографической науки. Он много занимался историей Кунсткамеры, тщательно и скрупулезно собирая биографические данные о сотрудниках музея и собирателях коллекций, ему принадлежит ряд статей, посвященных ученым, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны и в блокадном Ленинграде, а также тем, кто стал жертвами репрессий 1930-х гг. Его статьи вошли в два выпуска сборников «Репрессированные этнографы», в книгу «Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века». Среди публикаций А.М.Решетова по истории этнографической науки важное место занимают статьи об исследователях Сибири XVIII-XX вв. Приглашенный к участию в монументальном словаре «International Dictionary of Anthropologists» (Gen. ed. Ch. Winters. N. Y., L. 1991. – 823 p.), А.М. Решетов ввел в мировую этнографию много имен российских ученых.

Научные труды Александра Михайловича Решетова – это более 600 опубликованных работ и десятки отредактированных сборников статей и монографий, тематика которых связана с этнографией народов Восточной и Юго-Восточной Азии и других регионов, с теоретическими проблемами этнографии, историей, археологией, источниковедением и историографией отечественной и мировой науки.

Свыше 30 лет (с сентября 1969 по июнь 2001 г.) Александр Михайлович был ученым секретарем диссертационного совета ЛЧ ИЭ АН СССР – МАЭ РАН, в течение многих лет он входил в состав редколлегии журнала «Советская этнография» / «Этнографическое обозрение», был членом редколлегии таких изданий, как сборники МАЭ и труды Института этнографии АН СССР, а также «Курьер Петровской Кунсткамеры». Ему принадлежит значительная часть статей в томе «Народы Восточной Азии» (1965) из серии «Народы мира», а также большое количество статей в журналах «Советская этнография» / «Этнографическое обозрение» и «Народы Азии и Африки» / «Восток», в других крупных научных журналах и периодических изданиях, а также в различных отечественных и зарубежных энциклопедиях («Советская историческая энциклопедия», «Народы мира», «Народы и религии мира», «Югория», «Северная энциклопедия» и др.).

Монголоведные интересы А.М.Решетова¹ связаны с его интересом к культуре Тибета и к монгольским этносам как этническим меньшинствам в Китае и как самостоятельным этническим образованиям, имеющим свою государственность. Он много занимался тибетскими и монгольскими коллекциями Кунсткамеры, его серьезно интересовали этногенез и этническая история всех монгольских народов, материальная и духовная культура, степень сходства и различия отдельных монгольских языков. В последние десятилетия А.М.Решетов интересовался историей монголоведения в России – его статьи посвящены жизни и трудам таких ученых, как К.Ф. Голстунский, Б.Я. Блазимирцов, А.Д. Руднев, В.Л. Котвич, В.А. Казакевич, Ц.Ж. Жамцарано, Н.Н. Поппе, Н.В. Кюнер, он дружил с калмыцкими этнографами У.Э. Эрдниевым и А.Е. Пахутовым.

Одним из основных предметов внимания А.М.Решетова в области этнографии тюркских народов была культура современных уйгуров. Другой народ, которым живо интересовался ученый, изучавший его культуру в полевых условиях – это тувинцы, особенно тувинцы Монголии. Ряд работ А.М.Решетова посвящен другим народам тюркской группы.

Исключительно велик вклад А.М.Решетова в исследование истории этнографического изучения тюркских народов. Он стремился сохранить и оставить память об ученых, уходящих из жизни на его глазах, о тех, с кем он был знаком лично. Много внимания Александр Михайлович уделял публикации научного наследия и биогра-

¹ См.: *Очирова Н.Г., Омакаева Э.У., Басангова Т.Г., Бурыкин А.А.* Александр Михайлович Решетов и отечественное монголоведение // Научная мысль Кавказа, 2008, № 4., ч. 2 (57). – С.5–10.

фии известных ученых – этнографов и языковедов, изучавших этнографию и языки тюркских и монгольских народов, он писал о Д.А. Клеменце, В.В. Радлове, В.И. Вербицком, В.В. Бартольде, В.А. Мошкове, Н.Н. Попее, Л.Н. Гумилеве. Особого внимания достойна подборка объемных публикаций А.М. Решетова, посвященных ученым-этнографам, погибшим в годы сталинских репрессий и в период Великой Отечественной войны.

Надо сказать и о том, что его интерес к истории и культуре тунгусоязычных народов Сахалина, Приамурья, Сибири и зарубежной Центральной Азии был глубоким и устойчивым, равно как и к истории тунгусо-маньчжуроведения. Ряд его статей посвящен П.И. Воробьеву, В.И. Цинциус, Г.М. Василевич, Е.А. Крейновичу, изучавшим языки и этнографию маньчжур и народов тунгусской группы.

В последние годы, оставив административную работу и даже будучи на пенсии (с декабря 2006 г.), А.М. продолжал много и плодотворно трудиться – он работал над созданием «Биобиблиографического словаря отечественных этнографов и антропологов XX века», который увидел свет три года спустя после кончины его составителя (СПб., 2012.).

Он всегда поддерживал активные контакты со своими коллегами в самых разных регионах России, подготовил несколько десятков статей для «Большой Российской энциклопедии» и «Новой Российской энциклопедии», публиковал статьи в сборниках и материалах различных конференций.

Будучи специалистом и прекрасным знатоком истории и этнографии Китая, человеком, прекрасно знавшим и почитавшим буддийскую культуру, Александр Михайлович воспитал в себе максимум конфуцианских добродетелей, среди которых важнейшее место занимали любовь к труду и к науке, а также удивительное, доброе и светлое отношение к людям, своим близким, коллегам, всем окружающим.

Таким он остается навсегда в нашей памяти.

Библиография важнейших работ А.М. Решетова по тюркским народам² (Составление и подготовка к публикации А.А. Бурькина)

Коротко об экспедициях (работа уйгуро-дунганского отряда) // Советская этнография, 1974, № 6. – С.145–146.

Наси // Большая Советская энциклопедия, изд.3-е, т.17. – М., 1974. [Без подписи].

Роль уйгурского театра в сохранении и развитии уйгурской национальной культуры // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974–1975 гг. (май 1976 г.). – Душанбе, 1976. – С.268–270.

<Рец. на кн.> *Исхаков Г.М.* Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX века. // Народы Азии и Африки, 1977, № 4. – С.240-242. Соавт.: С.Р. Аврутин.

Земледелие у уйгуров Туркмении в конце XIX–начале XX вв. (по материалам экспедиции 1974 г.) // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Вопросы этносоциальной и культурной истории народов Средней Азии и Кавказа. Май 1978 г. Л., 1978. – С.6–7. Соавт.: Г.М. Исхаков, А.А. Свиридов.

Этнический состав тюркских народов Китая (к проблеме их этнической истории) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной конференции. – Омск, изд. Омского ун-та, 1979. – С.157–160.

<Ред.> *Серебрякова М.Н.* Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. – М., 1979.

Научная конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» // Советская этнография, 1980, № 6. – С.143–147.

Некоторые традиционные социальные институты у советских уйгуров и дунган // Всесоюзная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований. 1978–1979. Уфа, 1980. – С.48–50.

Современные этнические процессы у советских уйгуров // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980. – С.74–93. Соавт.: Г.М. Исхаков, А.Н. Седловская.

III Всесоюзная тюркологическая конференция // Советская тюркология, 1982, № 1. – С.147–152.

Этнический состав населения КНР // Проблемы Дальнего Востока, 1982, № 3. – С.111–115.

Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. – Алма-Ата, 1983. – С.34–42. Соавт.: Г.М. Исхаков, С.Г. Кляшторный, Т.Р. Рахимов.

Калмыки в Средней Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа. Апрель 1983 г. – Л., 1983. С.5–6.

Татары в Средней Азии // Краткое содержание Среднеазиатско-Кавказских чтений. Вопросы этносоциальной и культурной истории народов Средней Азии и Кавказа. Ноябрь, 1983. – Л., 1983. – С.11.

Академик Б.Я. Владимирцов как этнограф // Всесоюзная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я. Владимирцова. – М., 1984. – С.6–8.

Об этнических процессах в северо-западном Китае // Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть 2. – М., 1985. – С.106–112.

Основные направления современного развития тувинского этноса // Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной тюркологической конференции. Ашхабад, 10–12 сентября 1985 г. – Ашхабад, 1985. – С.299–301.

Уйгурская выставка в Алма-Ате // Советская этнография, 1985, № 6. – С.142–146. Соавт.: Р.О. Каримова.

<Рец на кн.:> Хутуев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984 // Советская этнография, 1985, № 5. – С.151–153. Соавт.: В.К. Гарданов.

Евреи-мусульмане в Средней Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Апрель 1985 г. – Л., 1986. – С.8–9.

Резьба по дереву у уйгуров // Промыслы и ремесла народов СССР. – Л., 1986. – С.166–169. Соавт.: Р.У. Каримова.

Якуты в Маньчжурии // Четвертая Всесоюзная школа молодых востоковедов. Иваново, 1987. Тезисы. Т. I. История, источниковедение, историография. – М., 1986. – С.101–104. Соавт.: Л.Б. Ермолов.

<Рец на кн.:> История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т.1. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. // Народы Азии и Африки, 1987, № 3. – С.198–202. Соавт.: Я.А. Шер.

Среднеазиатско-казахстанская историко-этнографическая общность: традиции и современность // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1986 г. – Л., 1987. – С.3.

Центральная Азия как историко-этнографическая область // V Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. III. Археология, культура, этнография, филология. – М.: ГРВЛ, 1987. – С.127–136.

Этнографическое картографирование в МНР // Вопросы ареальной лингвистики и этнографии. – Уфа, 1987. – С.69–76.

Салары // Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М., 1988. – С.390.

Уйгуры // Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М., 1988. – С.471.

Этнический состав тюркских народов МНР (по материалам полевых исследований 1982-1987 гг.) // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции (7-9 сентября 1988 г.). – Фрунзе, 1988. – С.52–54.

Кыргызы в Китае // Двадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Часть II. – М., 1989. – С.108–111.

Уйгуры в Таджикистане // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. – Нукус, 1989. – С.194–202.

Этнос и его подразделения (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. – Уфа, 1989. – С.72–77.

Кыргызы в Китае (Перевод на кит. яз.) Чжунго ды кээркэцзы жэнь // Миньцзю яньцзю цинбао цзыляо [Информационные материалы по исследованию этносов], 1990, № 1. – С.9–10.

Обряды детства и воспитание детей в традиционной культуре уйгуров // Маловские чтения (Материалы конференции). – Алма-Ата, 1990. – С.131–135.

Тувинцы и алтайские урянхайцы в Китае: проблемы истории этноса и языковой ситуации // Общество и государство в Китае. Двадцать первая научная конференция. Тезисы докладов. Часть II. – М., 1990. – С.176–180.

International Dictionary of Anthropologists. General Editor Christopher Winters, New York and London, 1991. (Статьи о российских востоковедах).

О прикладном значении исследований А.А.Попова // Сибирские чтения 1992 г. – СПб., 1992. – С.12–14.

Памяти Г.С.Садвакасова // Восток, 1992, № 4. – С.199–200. Соавт.: Д.М. Насилов.

Современные результаты этнических процессов в Восточном Туркестане [глава XIII] // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Этнос, языки, религии. – М., 1992. – С.406–426. Соавт.: Л.А. Чвырь.

Урянхайцы Прихубсугуля // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. – СПб., 1992. – С.129–139.

О некоторых аспектах сравнительно-исторического изучения пищи из муки у тюркских народов // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских чтений). 1992. – СПб., 1993. – С.33–34.

Уйгуры // Народы России. Большая Российская энциклопедия. – М., 1994. – С.356–357.

Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 1. – СПб., 1995. – С.75–82.

Василий Владимирович Бартольд // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. № 2-3. С.37–53.

Записка академика В.В. Бартольда по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии // Курьер Петровской Кунсткамеры. – СПб., 1995. № 2–3. – С.53–55.

Записка, представленная в академическую комиссию для рассмотрения вопроса об образовании Государственного музея антропологии, этнографии и археологии академиком В.В. Радловым [Публикация А.М. Решетова] // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 1. – СПб., 1995. – С.82–85.

Старейшина этнографического цеха. К 90-летию со дня рождения Л.П. Потапова // Курьер Петровской Кунсткамеры. – СПб., 1995. № 2–3. – С.384–389.

Владимир Николаевич Басилов (Памяти коллеги и друга) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1996–1997 гг. Краткое содержание докладов. – СПб., 1998. – С.5–6.

Вспоминая Александра Даниловича Грача // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всеросс. научн. конф., посвященной 70-

тилетию со дня рождения Александра Даниловича Грача. Декабрь 1998 г. – СПб., 1998. – С.54–56.

Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца) – СПб.: “Лань”, 1998. – С.59–94.

Памяти туркменского ученого Н.Н. Иомудского (Карашхан-оглы) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1996-1997 гг. Краткое содержание докладов. – СПб., 1998. – С.141–143.

В.В. Радлов – директор Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Немцы в России. Петербургские немцы. – СПб., 1999. – С.137–155.

О письме Б. Пилсудского Д.А. Клеменцу // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. – Южно-Сахалинск, 2000, № 4. – С.69–70.

Академик В.В. Радлов – востоковед и музейевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002. Материалы годичной научной сессии МАЭ РАН. – СПб., 2002. – С.95-101.

Наказание без преступления: из биографии Л.Н. Гумилева 1930–1956 гг. // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Т.1. – СПб., 2002. – С.23–27.

Этнография в круге научных интересов Ахмета Заки Валиди Тогана // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследование и материалы. Книга II. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. – СПб., 2002. – С.70–79.

<Рец на кн.:> *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998. // Этнографическое обозрение, 2002, № 2. – С.140–144. Соавт.: В.Н.Кисляков.

В.А. Мошков как ученый (к 150-летию со дня рождения) // *Rocznik Orientalistyczny*, Warszawa, t.LV, z.1, 2003. – S.5–10.

Н.Н. Поппе (1897-1991): две части одной жизни. Немцы в России. Три века научного сотрудничества. – СПб., 2003. – С.482–498.

О письмах В.А. Мошкова к академику В.В. Радлову [вступительная статья] // *Rocznik Orientalistyczny*, Warszawa, t.LV, z.1, 2003. – S.10–11.

Слово о Раиле Гумеровиче Кузееве // Этнос. Общество. Цивилизация. Кузеевские чтения. Сб. статей Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России и 30-летию Музея археологии и этнографии (ЦЭИ УНЦ РАН). – Уфа, 2006. – С. 5–8.

Walentyń Aleksandrovicz Moszkow (1852–?) Rosyjski wojskowy, etnograf i folklorista amator // *Etnografie iludoznawcy polscy. Sylwetky szrice biograficzne*. Tom II – Wrocław-Krakow, 2007. – S.219–221.

² Библиография трудов А.М.Решетова: До 1997 г. – ЭО, 1997, № 6. – С. 149 – 151; с 1997 г. – ЭО Online. 2007, сентябрь. Полная библиография – в сб.: Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А.М.Решетова. – СПб.: МАЭ РАН, 2007. – С. 375–429.

НЕКРОЛОГИ

ГАЛИНА ФЕДОРОВНА БЛАГОВА**(31.08.1927 – 28.07.2013)**

28 июля 2013 г. ушла из жизни Галина Федоровна Благова, доктор филологических наук, один из ярких старших представителей московской тюркологической школы.

Галина Федоровна Благова (Данько) родилась в Москве 31 августа 1927 г. в семье производственника-рационализатора. В 1945 г. она завершила среднее образование; в этом же году Г.Ф. стала студенткой восточного отделения филфака МГУ по специальности «тюркская филология».

Уже в студенческие, а потом и аспирантские годы Галина Федоровна стала проявлять интерес к истории тюркских литературных языков Центральной и Средней Азии и к исторической грамматике тюркских языков.

Преданность идеям востоковедения и основы научного подхода к изучению тюркских и других восточных языков закладывали преподаватели кафедры тюркской филологии – известные тюркологи Н.К. Дмитриев, В.М. Насилов, Э.Н. Наджип, Э.В. Севортыян, иранист А.А. Стариков, арабист Б.М. Гранде, а также та особая научная атмосфера, которая царил на филфаке МГУ, где сосредоточивались тогда ярчайшие умы отечественной филологии.

В 1954 г. Галина Федоровна защищает кандидатскую диссертацию на тему «Характеристика грамматического строя (морфология) староузбекского литературного языка конца XV в. по “Бабур-наме”». Любовь к этому замечательному памятнику языка и литературы пройдет через всю научную жизнь ученого, не раз обращавшемуся к разным аспектам этого уникального тюркского текста.

В 1994 г. выходит ее книга «“Бабур-наме”: Язык. Прагматика текста. Стилль», подводящая итоги 40-летних занятий памятником и демонстрирующая возможность и продуктивность приложения к средневековому тексту новейших достижений современного языкознания и лингвистилистики.

Более 20 лет Г.Ф. Благова отдает редакторской деятельности, работая с 1956 г. по 1974 г. заведующей отделом языков и письменности народов СССР в академическом журнале «Вопросы языкознания». В конце 1974 г. Г.Ф. Благова перешла в сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук и работала в нем до конца своих дней.

Здесь она включается в работу над фундаментальными научными темами сектора – «Сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков» (СИГТЯ) и «Этимологическим словарем тюркских языков» (ЭСТЯ). Она участвует в 4 томах СИГТЯ, в каждом из которых ей принадлежат значительные разделы.

В морфологическом томе СИГТЯ Галина Федоровна написала разделы «Категория падежа» [СИГТЯ 1988: 28–136] и «Склонение личных и указательных местоимений» [СИГТЯ 1988: 210–255]. В томе «Региональные реконструкции» (2002) Г.Ф. Благовой

разработан раздел «Реконструкция именной морфологической системы карлукско-уйгурской группы языков», охватывающий имена существительные, прилагательные, числительные и местоимения, а также служебные части речи.

В лексическом томе [СИГТЯ 1997: 419–475] перу Г.Ф. Благовой принадлежит глава «Антропонимия», включающая в себя существительные, прилагательные, числительные и глаголы.

Дальнейшее развитие антропонимической темы нашло свое отражение в следующем томе СИГТЯ (2006) – «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка»; здесь Г.Ф. Благовой была предложена реконструкция пратюркской антропонимической системы, в которой сохранялись космологические и социальные представления пратюрков [СИГТЯ 2006: 660–751].

В энциклопедии «Языки мира: Тюркские языки» [1997] в разделе «Древние и старые письменные языки» ею написана статья «Чагатайский язык» [Языки мира 1997: 148–159] и в соавторстве с Э.Н. Наджипом «Мамлюкско-кыпчакский язык» [Языки мира 1997: 75–81], «Тюркский язык» [Языки мира 1997: 126–138].

Г.Ф. Благова активно участвовала еще в другой фундаментальной коллективной работе – Этимологическом словаре тюркских языков, и как собиратель словарного материала, и как автор-составитель, и как редактор двух полутомов ЭСТЯ (1997 и 2000). В томе [ЭСТЯ 2003] ей разработаны около 30 словарных статей на букву «С».

В 1982 г. выходит в свет основополагающая монография Г.Ф. Благовой «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион)», которая в том же году была представлена как докторская диссертация и материалы которой в свое время были использованы ею в [СИГТЯ 1988]. Появление этого труда ознаменовало утверждение нового направления в системном изучении конкретных категорий языка (включая диалекты) в их исторической (на материале письменных памятников) и пространственной интерпретации.

Последнее десятилетие Г.Ф. Благова обратилась к изучению истории отечественной тюркологии и выявлению тенденций ее исторического формирования, к поиску тех оригинальных теоретических идей и разработок, которые могли бы оказаться востребованными современной наукой. В 2005 г. в серии «Классики отечественного востоковедения» по инициативе издательства «Восточная литература» осуществлено издание одготомника избранных сочинений А.Н. Самойловича, в котором собран большой массив как уже печатавшихся, так и архивных работ. Составителем этого тома выступила Г.Ф. Благова при участии Д.М. Насилова.

Итогом ее многолетних усилий стала книга «Александр Николаевич Самойлович. Научная переписка. Биография» (М.: Вост. лит., 2008).

Дальнейшие разыскания Г.Ф. Благовой в этой области нашли отражение в новом томе «Очерков по истории тюркского языкознания в России» – в её монографии «История тюркологии в России (вторая половина XIX – начало XX века)» (М., 2012). Эта работа подвела итог многолетним поискам ученого в архивах, предшествующим публикациям о многих представителях нашей тюркологии, о преемственности научных идей в востоковедении и о нереализованных научных планах и забытых замыслах.

С 1975 г. вплоть до 1986 г. Галина Федоровна исполняла обязанности Ученого секретаря Советского комитета тюркологов и состояла членом редколлегии журнала «Советская тюркология» (с середины 80-х по начало 90-х гг.). Она бессменный член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

В творческой биографии Галины Федоровны более всего поражала её беззаветная преданность избранной специальности – тюркологии, ее поразительная работоспособность и усидчивость, все ценили ее интеллигентность, доброжелательность и отзывчивость, добросовестность и обязательность. Таковой она навсегда останется в памяти коллег, друзей и учеников.

*Отдел урало-алтайских языков ИЯз РАН,
Российский комитет тюркологов*

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕКА**(13.08.1946 – 15.03.2013)**

15 марта 2013 г. на 67-м году жизни после тяжелой болезни скончался известный российский тюрколог, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, член Российского комитета тюркологов Юрий Владимирович Щека.

Ю.В. Щека родился 13 августа 1946 г. в г. Москве в семье служащего. С 1964 по 1970 гг. учился в Институте восточных языков при МГУ, где получил специальность востоковеда-тюрколога. В августе 1970 г. Юрий Владимирович был направлен на работу в Турцию как переводчик в аппарат советника по экономическим вопросам в Посольстве СССР.

После возвращения в Москву в 1976 г. он принят стажером на кафедру тюркской филологии ИСАА МГУ, с которой связал всю свою последующую творческую научную жизнь и преподавательскую деятельность. В ноябре 1976 г. Ю.В. Щека был зачислен в аспирантуру ИСАА, в 1981 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Особенности синтаксиса турецкой разговорной речи (простое предложение)». Позднее диссертация была издана как монография «Турецкая разговорная речь» (1989 г., 2-е изд. – 2010 г.).

В 1990 г. Ю.В. Щека получил второе послевузовское образование, закончив физический факультет МГУ.

В 1993 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Интонология турецкого языка и проблемы её общетеоретического обоснования», в которой представлена оригинальная целостная авторская концепция интонологии турецкого языка, основанная на комплексе всесторонних экспериментальных исследований.

В 1994 г. Юрий Владимирович получил звание профессора кафедры тюркской филологии, а с 1996 г. и до своей кончины возглавлял ее. В 2005 г. Ю.В. Щека стал заслуженным профессором МГУ.

Ю.В. Щека широко известен среди российских тюркологов как крупнейший специалист по современному турецкому языку. Его перу принадлежат как интересные научные разработки по теоретической грамматике турецкого языка, так и пользующиеся популярностью учебные пособия и словари разного типа, в которых нашли отражение его многолетний опыт и своеобразная методика преподавания турецкого языка в стенах ИСАА.

Научные интересы Ю.В. Щеки помимо турецкой лексикографии и лексикологии были связаны с интонологией и экспериментальной фонетикой турецкого языка. Другое направление его исследований ориентировано на дальнюю реконструкцию, преследующую цель на основе просодико-ритмических, а также определенных функциональных характеристик современной тюркской речи реконструировать ранние этапы языковой эволюции как тюркского праязыка, так и предшествовавших ему алтайского и урало-алтайского праязыков. Он утверждал, что основой эволюции языков является последовательное становление

ритмических уровней речи: слогового, словесного, синтагменного и, наконец, ритма на уровне предложения. Еще одним аспектом является то, что эпохи становления ритма характеризуют уровни праязыковых общностей. Ритмическая сформированность речи в виде одновременного взаимного наложения нескольких (первых трех перечисленных выше) ритмических уровней представляется ему единственно возможным фундаментом становления стабильной артикуляции качественно определенных звуков речи (фонем). В частности, эпоха словесного ритма является исходным фундаментом для последующего формирования словообразования, а эпоха синтагменного ритма – формирования словоизменения в современных тюркских языках.

Ю.В. Щека проявлял также интерес к некоторым общим лингвофилософским аспектам языка, проблеме языка и речи, проблемам дальнейшего развития методов современной функциональной лингвистики.

Всего Ю.В. Щекой опубликовано свыше 100 научных и научно-методических работ, хорошо известных тюркологической общественности, из них более тридцати – за последние пять лет.

В 2007 г. Ю.В. Щека издал «Практическую грамматику турецкого языка», её основу составил курс теоретической грамматики, многие годы читавшийся автором студентам ИСАА МГУ, – первую за последние пятьдесят лет работу подобного рода после «Граматики современного турецкого литературного языка» А.Н. Кононова (1956).

Созданный Ю.В. Щекой «Интенсивный курс турецкого языка» (1-я часть – 1996 г., 2-я часть – 2000 г.; испр. и перераб. изд. – 2005 г.) является базовым учебником не только в ИСАА, но и во многих учебных заведениях, где преподается турецкий язык.

Большую известность получили у тюркологов и всех изучающих турецкий язык составленные Ю.В. Щекой словари, которые выдержали многочисленные издания (с 1997 по 2012 гг. вышло четыре издания «Турецко-русского словаря», в 2004 г. увидел свет «Русско-турецкий словарь»). Столь же известны и турецко-русские разговорники, которые Ю.В. Щека подготовил для пользователей разных специальностей: от простых туристов до коммерсантов и политических работников.

В стенах ИСАА Ю.В. Щека читал лекционные курсы, входящие в цикл дисциплин «Теория основного восточного языка», среди которых следует назвать «Теоретическая фонетика турецкого языка», «Теоретическая грамматика турецкого языка»; он участвовал в чтении курса «Введение в специальность (тюркологию)», читал спецкурсы «Функциональная дифференциация турецкого языка», «Словообразование в турецком языке», «Интонология турецкого литературного языка», вел спецсеминар «Османско-турецкий язык», а также спецсеминары для филологов старших курсов «История развития тюркологии в Турции» (на турецком языке), «Практика перевода» и др., проводил практические занятия по турецкому языку. Ю.В.Щека составил ряд программ по востоковедным дисциплинам кафедры, на основе которых в настоящее время осуществляется учебный процесс.

Благодаря стараниям Юрия Владимировича на кафедре тюркской филологии укоренилась практика преподавания других тюркских языков, прежде всего, туркменского и узбекского. Юрий Владимирович сам неустанно изучал тюркские языки, что открывало в его научных работах огромную зону для экстраполяции.

Ю.В. Щека в течение многих лет являлся членом диссертационного совета по языкознанию в Институте стран Азии и Африки МГУ и в Институте языкознания РАН. Он являлся бессменным организатором проводимых кафедрой тюркской филологии ежегодных «Дмитриевских чтений» (проведено 10 заседаний), которые неизменно привлекают внимание широкой тюркологической об-

ществленности Москвы, и выступал редактором сборников «Вопросы тюркской филологии», в которых публикуются материалы этих всероссийских чтений.

Юрий Владимирович повсеместно известен в России и за рубежом как великолепный знаток живого турецкого языка, блестящий переводчик-синхронист, работавший на самом высоком государственном уровне. Обладая уникальными лингвистическими способностями, Ю.В. Щека без труда осуществлял устный перевод с одного иностранного языка на другой.

Юрий Владимирович проявлял большой интерес к искусству, литературе (читая ее на языке оригинала), музыке (в свое время он даже планировал поступать в консерваторию). Он сам прекрасно играл на фортепиано, виртуозно исполняя самые сложные в техническом и эмоциональном отношении произведения.

За те 17 лет, когда кафедрой заведовал Юрий Владимирович, на ней было защищено несколько кандидатских и одна докторская диссертация; помимо собственных многочисленных работ Ю.В. Щеки, регулярно выходили научные, методические работы, монографии других сотрудников кафедры. Для каждой из таких работ Юрий Владимирович находил теплые слова. Как члены кафедры, так и коллеги-тюркологи, общаясь с Юрием Владимировичем, всегда имели возможность подпитаться его вдохновенным отношением к жизни и к научному творчеству, любовью к своему делу, энтузиазмом, азартом.

Уход Юрия Владимировича Щеки большая потеря для кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ.

*Кафедра тюркской филологии ИСАА МГУ,
Российский комитет тюркологов*

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДЫ Ю.В. ЩЕКИ

Некоторые структурно-семантические особенности предикативных конструкций с глагольными повторами в турецкой разговорной речи // Советская тюркология. 1979. № 4. С. 75–83.

Аспектно-экспрессивные трансформации в турецкой разговорной речи // Советская тюркология. 1982. № 3. С. 63–71.

О соотношении парных членов предложения и некоторых типов предикативных конструкций в турецкой разговорной речи (статья) // Советская тюркология. 1983. № 6. – С. 68–75.

Смещение значения категориальных форм глагола в турецкой разговорной речи (статья) // Советская тюркология. 1985. № 5. С. 75–83.

Предикативные конструкции с полнозначными фиксированными элементами в турецкой разговорной речи (статья) // Советская тюркология. 1986. № 5. С. 70–79.

Предложения назывные и с глаголом в нулевом выражении в турецкой разговорной речи. // Советская тюркология. 1983. № 3. С. 64–71.

Роль речевого ритма в актуальном членении турецкой разговорной фразы (статья) // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1987. №4. С. 56–63.

Связь текста посредством нулевого члена и некоторые типы асиндетических сложных предложений в турецкой разговорной речи (статья) // Советская тюркология. 1988. № 2. С. 33–42.

Турецкая разговорная речь: Учеб. пособие для студентов ст. курсов. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. 1989 – 155 с.

Турецкая разговорная речь (монография). М.: Восточная литература. 2010. – 144 с.

Явление смещения значения категориальных форм глагола в турецкой разговорной речи // Советская тюркология. 1985. № 5. С. 62–71.

Элементы интонологии турецкой разговорной речи (высотная мелодика интонаемы и актуальное членение фразы) // Советская тюркология. 1987. № 4. С. 104–110.

Гармонема и тактема как интонологические единицы и их особенности в турецкой разговорной речи // Вопросы языкознания. 1989. № 5. С. 57–70.

Элементы теории синтаксической связи и интонологии в синхроническом и диахроническом освещении // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 118–136.

Энергия языка и лингвофилософия как общетеоретические аспекты интонологии (на базе изучения турецкой интонации) // Вестник Шелкового пути. Вопросы тюркской филологии. Вып. II. М., 1993. С. 78–97.

Гипотеза о возможных этапах языковой эволюции (на материале интонологии турецкого языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 83–100.

Интенсивный курс турецкого языка (учебник). М.: Изд-во МГУ, 1996. – 304 с.

Иерархия праязыков (некоторые проблемы и конкретные примеры анализа) // 90 лет Н.А. Баскакову. Сборник статей. М., 1996. С. 240–246.

Схема-тезисы к теории реконструкции тюркского праязыка и стадий языковой эволюции (статья) // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. III. М., 1997. С. 78–90.

Турецко-русский словарь. М.: Цитадель, 1-е изд. М., 1997; 2-е изд. М., 1999; 3-е изд. М., 2000. – 256 с.

Принципы эволюции грамматических показателей в тюркских языках (на примере формантного элемента -n-) // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. IV. М., 1999. С. 164–175.

Интенсивный курс турецкого языка, 2 часть (учебник). М.: Изд-во МГУ, 2000. – 352 с.

Русско-турецкий разговорник. М.: Цитадель, 1-е и 2-е изд. М., 2000. – 256 с.

Турецко-русский словарь. М.: Цитадель. 4-е изд. М., 2002. – 256 с.

Некоторые результаты работы над русско-турецким словарем // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. V. М., 2003. С. 151–157.

Турецкая форма на -DIĞI/-AcAđı и ее функционирование в обороте меры и степени // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2004. № 1. С. 40–57.

Критика абсолютизации разума // Московский писатель. № 2, М., 2004. С. 132–142.

Русско-турецкий словарь. М.: Восток–Запад, 2004, 2005. – 473 с.

Интенсивный курс турецкого языка (учебник). М.: Восток-Запад, 2005. – 736 с.

Проблема частей речи в тюркских языках в свете традиционного, структурного и функционального подходов // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. VI. М., 2006. С. 110–121.

Турецко-русский и русско-турецкий словарь. М.: Цитадель-Трейд, Вече, 2006. – 912 с.

Современная теория речевой коммуникации как шаг к истине и как заблуждение // Вавилонская башня. Слово. Текст. Культуры. М., 2006. С. 188–194.

Практическая грамматика турецкого языка. М.: Восток-Запад, 2007. – 666 с.

Глоттохронология и междисциплинарный характер диахронии (применительно к алтаистической проблематике) // Аспекты алтайского языкознания (Материалы Тенишевских чтений – 2007). М.: ИЯз РАН, 2007. С. 262–275.

О междисциплинарной теории языковой эволюции и ее месте в синхронной лингвистике // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. VII. 2007. С. 190–205.

«Плывать» по-турецки: три заметки по поводу сборника «Глаголы движения в воде» // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. VII. М., 2007. С. 205–214.

Интенсивный курс турецкого языка (учебник). М.: Восток-Запад, 4-е изд. (дополненное, с аудиоприложением). М., 2008. – 392 с.

Полисемия и омонимия в турецком языке // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р.Тенишева. М., 2008. С. 285–298.

Турецкий язык и проблемы его изучения сегодня // Турция на рубеже XX – XXI веков. М., 2008. С. 263–283.

Турецко-русский словарь. М.: Восток-Запад, 2009. – 444 с.

К постижению тождества формы и значения языкового знака // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. М.: Тезаурус, 2009. С. 216–218.

Джевдет-паша и первая турецкая грамматика в Турции // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. VIII. М., 2009. С. 207–215.

Лепет человечества // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. VIII. М., 2009. С. 215 – 231 (в соавторстве с Д.Е. Восканяц).

Турецкая разговорная речь. М.: Восточная книга, 2010. – 144 с.

Праалтайский язык и происхождение категорий прошедшего времени и отрицания // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. IX. М., 2011. С. 127–159.

Новый турецко-русский словарь. М.: Восточная книга, 2012. – 592 с.

НАШИ АВТОРЫ

Аврutiна Аполлинария Сергеевна, канд. филол. наук, доц. ф-та свободных искусств и наук, доц. Восточного факультета СПбГУ, член Союза писателей Санкт-Петербурга. E-mail: apollinaria1@yandex.ru

Акалын Шукрю Халук, проф., докт. [= доктор филол.наук], проф. Ун-та Хаджеттепе (г.Анкара, Турция). E-mail: shakalin@gmail.com

Бурыкин Алексей Алексеевич, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail.: albury@mail.ru

Бухотен Хендрик, проф., исполнительный руководитель, Seminar für Orientkunde Johannes Gutenberg-Universität (г. Майнц, Германия). E-Mail: boeschot@uni-mainz.de

Гайнутдинова Альбина Фатхутдиновна, докт. филол. наук, ученый секретарь, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан (ИЯЛИ), 420111 г. Казань, Лобачевского, 2/31. E-mail: albina_gain@mail.ru

Ганиев Фуат Ашрафович, докт. филол. наук, проф., чл.-корр. АН ТР, Институт языка, литературы и искусств АН РТ (г. Казань). E-mail.: ganiev@hitv.ru

Гарипов Талмас Магсумович, докт. филол. наук, проф. кафедры общего языкознания Башкирского гос. педагогического университета им. М. Акмуллы.

Глашев Ахмат Алабиевич, Институт тюркологии (г. Москва, 105318, Семеновская пл. д. 7, корпус 16). E-mail: turkologia@mail.ru

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, докт. филол. наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского госуниверситета. E-mail: garun48@mail.ru

Добродомов Игорь Георгиевич, докт. филол. наук, проф., кафедра общего языкознания, Московский гос. педагогический университет.

Дубровская Ольга Вячеславовна, доц. доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин; Филиал ФГБУ высшего профессионального образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва», г.Междуреченск. E-mail: dubrovskayaol@yandex.ru

Ибраев Шакир Ибраевич, докт. филол. наук, проф., Президент Международной тюркской академии (г. Астана, Казахстан).

Матушкина Наталья Александровна, аспирант кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ. E-mail: secretary@orient.spbu.ru

Миннуллин Ф., канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник АН Республики Татарстан.

Репенкова Мария Михайловна, докт. филол. наук, доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail.: mmrepenkova@rambler.ru

Мынбаев Нурлан Жакипович – докт. филол. наук (10.02.06.), ведущий научный сотрудник НИЦ «Тюркология» ЮКГУ им. М. Ауезова (г. Шымкент, Республика Казахстан).

Невская Ирина Анатольевна, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр. Института филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail.: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Нуриева Фануза Шакуровна – докт. филол. наук, проф., Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань). E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Телицин Николай Николаевич, канд. филол. наук, доц., кафедра Тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ. E-mail: nnt@orient.pu.ru

Тугужекова Валентина Николаевна, докт. историч. наук, проф., директор Хакасского НИИ языка, литературы и истории (г. Абакан). E-mail.: khaknauka@yandex.ru

Ходжагельдыева Таджигозель Тяшлиевна, канд. филол. наук, вед. научн. сотрудник Национального института рукописей АН Туркменистана (г. Ашхабад).

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Невская И.А.</i> (Новосибирск), <i>Дубровская О.В.</i> (Междуреченск). Актанты со значением времени в тюркских языках Южной Сибири ...	3
<i>Матушкина Н.А.</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о понятии «причастие» в свете данных агглютинативных языков	13
<i>Телицин Н.Н.</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о становлении субстантивных форм глагола (имен действия) в древнеуйгурском языке	25
<i>Бурыкин А.А.</i> (Санкт-Петербург). О некоторых названиях диких животных в тюркских языках (к этимологии изолированной лексики и оценке характера эволюции тюркских языков в контексте алтайской теории)	31
<i>Акалын Шюкрю Халюк</i> (Анкара). Семантический перенос значения при усечении компонентов (<i>çaylak > acemi çaylak > çaylak</i>)	37

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Аврутина А.С.</i> (Санкт-Петербург). Музыкальные мотивы в трилогии А.Х. Танпынара «Махур Бесте» (роман «Покой» как часть трилогии)	42
<i>Репенкова М.М.</i> (Москва). Трансформация национально-культурного компонента в романе Элиф Шафак «Отец и Выродок»	49
<i>Ибраев Ш.И.</i> (Астана). Эпические мотивы в тюркских исторических эпосах	57
<i>Мынбаев Н.Ж.</i> (Шимкент). Экклезионимы Казыгурта и легенда о всемирном потопе	61

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Бухсхотен Хендрик</i> (Майнц). О происхождении славянского <i>булава</i>	67
<i>Гусейнов Г.-Р. А.-К.</i> (Махачкала). К историко-этимологической и этноареальной интерпретации тюркских компонентов двух граффити (№ 153 и 149) XI и XII вв. из собора св. Софии в Киеве	70
<i>Добродомов И.Г.</i> (Москва). Батрак, малай, баранчук	76
<i>Глашев А.А.</i> (Москва). Слово <i>кара / хара</i> и его значения в хазарском языке	82
<i>Миннуллин Ф.</i> (Казань). Большой вклад в тюркскую лексикографию	89

<i>Гайнутдинова А.Ф.</i> (Казань). О корреляции субстантивированных местоимений в русском и татарском языках	95
<i>Ходжагельдыева Т.Т.</i> Роль жанра «Футувват-наме» в литературе и культуре туркменского народа	98

РЕЦЕНЗИИ

<i>Гарипов Т.М.</i> (Уфа). Академический словарь башкирского языка в 10 томах. Т. II: (буква “Б”) / под. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2011. – 568 с.	104
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ХРОНИКА

<i>Тугужекова В.Н.</i> (Абакан). О деятельности ХакНИИЯЛИ по популяризации наследия Н.Ф. Катанова (к 150-летию со дня рождения ученого)	108
Турецко-русский культурный центр	110

PERSONALIA

Мирфатых Закиевич Закиев	115
Рузаль Абдуллазянович Юсупов	117
Марк Михайлович Лавриновичюс	120
Александр Михайлович Решетов	126

НЕКРОЛОГИ

<u>Галина Фёдоровна Благова</u>	132
<u>Юрий Владимирович Щека</u>	134
Наши авторы	139

СОДЕРЖАНИЕ	141
-------------------	-----

CONTENTS

Structure and history of Language

<i>Nevskaya Irina A., Dubrovskaya Ol'ga V.</i> Actants with temporal semantics in Turkic languages of South Siberia	3
<i>Matushkina Natalia A.</i> On the term “participle” in the light of verbal nominalization in agglutinative languages	13
<i>Telitsin Nikolay N.</i> The formation of substantive verb forms (action nouns) in the Old Uighur language	25

<i>Burykin Aleksey A.</i> On some names of wild animals in Turkic languages (to the etymology of isolated vocabulary and assessment of the evolution of Turkic languages in the context of the Altaistic theory)	31
<i>Şükrü H. Akalin.</i> Metaphoric transfer of meaning by reduction of components (ÇAYLAK > ACEMI ÇAYLAK > ÇAYLAK)	37

Literary critics and folklore studies

<i>Avrutina Apollinariya S.</i> Music motives in the trilogy “Mahur Beste” of A.H. Tanpınar (the novel “A Mind in Peace” as a part of the trilogy)	42
<i>Repenkova Mariya. M.</i> Transformation of the Ethnic Culture Component in the Novel “ <i>The Bastard of Istanbul</i> ” by Elif Şafak	49
<i>Ibraev Shakir I.</i> Epic motives in Turkic historical epic poems.....	57
<i>Mynbaev Nurlan J.</i> Ecclesionyms of Kazygurt and the Legend of the Flood	61

Reports and surveys

<i>Boeschoten Hendrik.</i> On the origin of the Slavonic word <i>bulava</i>	67
<i>Guseynov Garun-R. A.-K.</i> Historical, etymological, ethnic and areal interpretation of Turkic components of two graffiti of the 11 th and 12 th c. (№ 153 and 149) in the St. Sophia’s Cathedral in Kiev	70
<i>Dobrodomov Igor’ G.</i> Batrak, malaj, barančuk	76
<i>Glashev Ahmat A.</i> The word “ <i>Kara/Hara</i> ” and its meanings in the Khazar language	82
<i>Minnullin F.</i> A big contribution to Turkic lexicography	89
<i>Gainutdinova Al’bina F.</i> On the correlation of substantivized pronouns in the Russian and Tatar languages	95
<i>Hojageldiyeva Tajigozel T.</i> The role of the genre of “Futuwwat-Nameh” in the literature and culture of the Turkmen people	104

Reviews

<i>Garipov T.M.</i> Academic dictionary of the Bashkir language in 10 volumes. Vol. II. (the letter “B”) / F. G. Xisamitdinova (editor). – Ufa: Kitap, 2011. – 568 p.	104
--	-----

Scientific life, the Chronicle

<i>Tuguzhekova V.N.</i> About activities of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History on popularization of N. F. Katanov's legacy (dedicated to the 150 th anniversary of N. F. Katanov's birthday)	108
Turkic-Russian cultural centre in Moscow	110

Personalia

Zakiyev M.Z.	115
Yusupov R.A.	117
Lavrinovichus M.M.	120
Reshetov A.M.	126

Obituaries

Blagova G.F.	132
Shcheka Yu.V.	134
Our authors	139

CONTENTS	141
-----------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Невская И.А.</i> (Новосибирск), <i>Дубровская О.В.</i> (Междуреченск). Актанты со значением времени в тюркских языках Южной Сибири ...	3
<i>Матушкина Н.А.</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о понятии «причастие» в свете данных агглютинативных языков	13
<i>Телицин Н.Н.</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о становлении субстантивных форм глагола (имен действия) в древнеуйгурском языке	25
<i>Бурыкин А.А.</i> (Санкт-Петербург). О некоторых названиях диких животных в тюркских языках (к этимологии изолированной лексики и оценке характера эволюции тюркских языков в контексте алтайской теории)	31
<i>Акалын Шюкрю Халюк</i> (Анкара). Семантический перенос значения при усечении компонентов (<i>çaylak > acemi çaylak > çaylak</i>)	37

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Аврutiна А.С.</i> (Санкт-Петербург). Музыкальные мотивы в трилогии А.Х. Танпынара «Махур Бесте» (роман «Покой» как часть трилогии)	42
<i>Репенкова М.М.</i> (Москва). Трансформация национально-культурного компонента в романе Элиф Шафак «Отец и Выродок»	49
<i>Ибраев Ш.И.</i> (Астана). Эпические мотивы в тюркских исторических эпосах	57
<i>Мынбаев Н.Ж.</i> (Шимкент). Экклезионимы Казыгурта и легенда о всемирном потопе	61

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Буххотен Хендрик</i> (Майнц). О происхождении славянского <i>булава</i>	67
<i>Гусейнов Г.-Р. А.-К.</i> (Махачкала). К историко-этимологической и этноареальной интерпретации тюркских компонентов двух граффити (№ 153 и 149) XI и XII вв. из собора св. Софии в Киеве	70
<i>Добродомов И.Г.</i> (Москва). Батрак, малай, баранчук	76
<i>Глашев А.А.</i> (Москва). Слово <i>кара / хара</i> и его значения в хазарском языке	82
<i>Миннуллин Ф.</i> (Казань). Большой вклад в тюркскую лексикографию	89

<i>Гайнутдинова А.Ф.</i> (Казань). О корреляции субстантивированных местоимений в русском и татарском языках	95
<i>Ходжагельдыева Т.Т.</i> Роль жанра «Футувват-наме» в литературе и культуре туркменского народа	98

РЕЦЕНЗИИ

<i>Гарипов Т.М.</i> (Уфа). Академический словарь башкирского языка в 10 томах. Т. II: (буква “Б”) / под. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2011. – 568 с.	104
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ХРОНИКА

<i>Тугужекова В.Н.</i> (Абакан). О деятельности ХакНИИЯЛИ по популяризации наследия Н.Ф. Катанова (к 150-летию со дня рождения ученого)	108
Турецко-русский культурный центр	110

PERSONALIA

Мирфатых Закиевич Закиев	115
Рузаль Абдуллазянович Юсупов	117
Марк Михайлович Лавриновичюс	120
Александр Михайлович Решетов	126

НЕКРОЛОГИ

<u>Галина Фёдоровна Благова</u>	132
<u>Юрий Владимирович Щека</u>	134
Наши авторы	139

СОДЕРЖАНИЕ	141
-------------------	-----

CONTENTS

Structure and history of Language

<i>Nevskaya Irina A., Dubrovskaya Ol'ga V.</i> Actants with temporal semantics in Turkic languages of South Siberia	3
<i>Matushkina Natalia A.</i> On the term “participle” in the light of verbal nominalization in agglutinative languages	13
<i>Telitsin Nikolay N.</i> The formation of substantive verb forms (action nouns) in the Old Uighur language	25

<i>Burykin Aleksey A.</i> On some names of wild animals in Turkic languages (to the etymology of isolated vocabulary and assessment of the evolution of Turkic languages in the context of the Altaistic theory)	31
<i>Şükrü H. Akalın.</i> Metaphoric transfer of meaning by reduction of components (ÇAYLAK > ACEMI ÇAYLAK > ÇAYLAK)	37

Literary critics and folklore studies

<i>Avrutina Apollinariya S.</i> Music motives in the trilogy “Mahur Beste” of A.H. Tanpınar (the novel “A Mind in Peace” as a part of the trilogy)	42
<i>Repenkova Mariya. M.</i> Transformation of the Ethnic Culture Component in the Novel “ <i>The Bastard of Istanbul</i> ” by Elif Şafak	49
<i>Ibraev Shakir I.</i> Epic motives in Turkic historical epic poems.....	57
<i>Mynbaev Nurlan J.</i> Ecclesionyms of Kazygurt and the Legend of the Flood	61

Reports and surveys

<i>Boeschoten Hendrik.</i> On the origin of the Slavonic word <i>bulava</i>	67
<i>Guseynov Garun-R. A.-K.</i> Historical, etymological, ethnic and areal interpretation of Turkic components of two graffiti of the 11 th and 12 th c. (№ 153 and 149) in the St. Sophia’s Cathedral in Kiev	70
<i>Dobrodomov Igor’ G.</i> Batrak, malaj, barančuk	76
<i>Glashev Ahmat A.</i> The word “ <i>Kara/Hara</i> ” and its meanings in the Khazar language	82
<i>Minnullin F.</i> A big contribution to Turkic lexicography	89
<i>Gainutdinova Al’bina F.</i> On the correlation of substantivized pronouns in the Russian and Tatar languages	95
<i>Hojageldiyeva Tajigozel T.</i> The role of the genre of “Futuwwat-Nameh” in the literature and culture of the Turkmen people	98

Reviews

<i>Garipov T.M.</i> Academic dictionary of the Bashkir language in 10 volumes. Vol. II. (the letter “B”) / F. G. Xisamitdinova (editor). – Ufa: Kitap, 2011. – 568 p.	104
--	-----

Scientific life, the Chronicle

<i>Tuguzhekova V.N.</i> About activities of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History on popularization of N. F. Katanov's legacy (dedicated to the 150 th anniversary of N. F. Katanov's birthday)	108
Turkic-Russian cultural centre in Moscow	110

Personalia

Zakiyev M.Z.	115
Yusupov R.A.	117
Lavrinovichus M.M.	120
Reshetov A.M.	126

Obituaries

<u>Blagova G.F.</u>	132
<u>Shcheka Yu.V.</u>	134
Our authors	139

Издатель: ИП **И.В. Кормушин**,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С.Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф.Хакимзянова*
Технический редактор *А.М.Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф.Свиридовой*
Дизайн обложки *Ф.Н.Латыповой*

Оригинал-макет изготовлен группой F & Di-dezign
С готового оригинал-макета подписано в печать 10.09.2013.

Формат 70x108¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 11.0. Печать на RISO.

Тип. зак. № 114.
Отпечатано в типографии издательства ЗАО «Фон»
Москва, Сиреневый бульвар, д. 4